

ДЖИНОЛИВА

ИММІТА

Annotation

Банальная история. Он — «мёртвый глаз». Она — имита. Встретились. Пытаются выжить в этом мире.

Кэссийская ночь, с её двумя лунами и россыпью льдисто-белых звёзд, не заглядывает в этот переулочек столицы: пространство здесь узкое, с нависающими со всех сторон, бесконечными в высоту домами.

Девушка, чьё лицо поневоле пряталось под надвинутым на лицо капюшоном короткого плаща, брела во тьме и устало размышляла о том, почему городские улицы здесь называются галереями. Странно. С другой стороны, у всех свои чудачества. Может, хотели отличиться?.. Но и впрямь галереи, узкие, высокие... Особенно переулочки. Если б ещё не воняли. И если б из них ещё вовремя убирали скопившийся мусор. Хорошо, что давно за полночь и каждый второй уличный (галерейный!) фонарь разбит вдребезги. Разбитого, правда, не разглядишь, хоть точно о том, что разбит, знаешь. В общем, хорошо, что темно. Видеть, что именно мягко проминается под подошвой твоего ботинка или трещит под ним же... Увольте — не хочется.

С грузным длинным футляром в одной руке, с припрятанным в рукав ножом — в другой, девушка осторожно, пусть время от времени и спотыкаясь, переставляла ноги. Шла рядом с бордюром, время от времени проверяя его наличие — постукивая по нему ботинком, поэтому твёрдо знала, что идёт по дороге. Мда... О таких переулочках столичные власти предпочитают не упоминать, перечисляя достопримечательности планеты... Она хмыкнула. Не всем же жить в роскошных домах центра. Кто-то должен обслуживать господ, а обслуга, естественно, будет ютиться в таких вот трущобах.

Луис шмыгнула озябшим носом и засветила экран вирта. Прохладно здесь так, что ни крепкие ботинки, ни тёплая одежда не спасают. Да и промозгло. Да и третий час ночи. А в списке, выданном ей светлым вечером в центре занятости, осталось три ночных бара, которые ещё предстоит обойти. Один из них где-то там, за углом этого длинного дома. И если она сегодня не найдёт работы... Живот сердито пробурчал: попробуй только не найти!.. Луис со вздохом поправила тощий рюкзакишко, висевший на груди, и попыталась прибавить шаг. А нога тут же резко поехала с чего-то острого и высокого. Девушка охнула и быстро переступила ногами, чтобы не упасть.

Шелест бумаги и обёрток под ногами прекратился буквально на секунды, но именно в эти секунды она услышала за близким уже углом какую-то возню: туповатый стук по металлу, подбадривающие призывы, странное хныканье.

Осторожно подкравшись к углу, она высунулась. Фонарь здесь был довольно странный. Скорее даже не фонарь: прямо на стене дома, на торце без окон, красовался прожектор, чья обязанность — освещать всё. Но находился прожектор слишком далеко от места, вокруг которого происходило нечто. И Луис сразу не смогла рассмотреть, что же делают три фигуры (кажется, мужские?) вокруг чуда цивилизации в этом месте — вокруг мусорного контейнера. Они то ли играли в футбол, то ли обстукивали о мусорный ящик грязную обувь... Как это показалось на первый, привычный к таким движениям взгляд.

Прищурившись, чтобы лучше разглядеть, что именно они делают, Луис помимо воли опустила глаза — и увидела: вокруг контейнера шмыгает что-то — и именно оно жалобно похныкивает и даже тихонько вскрикивает, когда удар ногой попадает в него.

— Есть! — Злорадный вопль на общефедеративном прозвучал почти одновременно с оборванным писком боли снизу контейнера. На этот раз — разглядела Луис — удар ногой был силён. Нечто бесформенное, отлетев, опрокинулось и вяло зашевелилось лишь спустя

мгновения.

— Дай — я! — Подбежал к первому второй и, высоко подняв ногу, обрушил её на почти неподвижное животное.

— Эй, оставьте мне попинать! — вывернулся из-за контейнера третий.

— Мой! Я его первым увидел! — обозлился первый, жёстко отталкивая второго и поднимая ногу ударить по скулящему существу, чьи короткие вскрики после пинков становились всё болезненней и реже.

— Не трогайте! Не надо! — вскрикнула Луис, сердце которой на каждый стон избиваемой зверушки отзывалось болезненным сжиманием. И полностью выскочила из-за угла. И, перепуганная собственной смелостью, остановилась, готовая попятиться и бежать отсюда. Кулак чуть от судороги не скрутило — так девушка сжала свой нож, жалкое оружие в драке против всех.

Трое обернулись к ней сразу.

— Это ещё кто такая? — растягивая слова, с предвкушением ухмыльнулся второй.

— Пожалуйста, не трогайте его, — уже тише попросила Луис, понимая, что просто так, после первого порыва спасти живое существо, сбежать не выйдет. Но инстинктивно всё-таки попятилась.

— Ишь, какая милашка в наши края попала... — всё так же растягивая слова, выговорил второй, выдвигаясь вперёд и тягуче же начиная неспешный шаг к ней.

Девушка сжала нож, который теперь полностью выскользнул из рукава. Ещё бы громоздкий футляр поставить куда-нибудь, чтобы не мешал. И успеть снять рюкзачишко, чтобы свободы больше...

Внезапно за спинами парней бесшумно выросла тёмная фигура, и кто-то медленно и заикаясь выговорил:

— Щ-щитаю до трёх... задниц — и с-стреляю. 3-задница — раз!

Неизвестный ещё договаривал странные и словно пахнувшие опасностью слова, а один из троих заорал и ринулся на Луис (она, с больно дёрнувшимся сердцем, шатнулась в сторону), точнее — мимо неё. Остальные — за ним, с резкими криками:

— «Мёртвый глаз»!

— Рвём когти!

— Шиза!

Несмотря на предупреждение, выстрел прозвучал одновременно со словом «раз!».

Один из троих парней, бежавший впереди всей троицы, подпрыгнул с диким воплем и, схватившись за заднее место, ближе к бедру, хромя и подпрыгивая, продолжал воя бежать вперёд. В секунду все трое с сумасшедшей скоростью пронесли мимо растерявшейся девушки.

— Задница — два!

Выстрел! Взыл второй, пробегающий мимо! Но пробежал, пусть и ковыляя! Держась за то самое место!

— 3-задница — три!

Третий, будто сжавшись и пригнув голову, словно это могло спасти, попытался порскнуть за угол, мелко и часто перебирая ногами. Вот же он — этот угол, в шаге от него! И, взвизгнув, подпрыгнул — от третьего выстрела!

Ошеломлённая девушка машинально проводила глазами троих, промчавшихся мимо так, что её обдало холодной волной до сих пор неподвижного воздуха. И только потом, когда

они, подвывая, скрылись за углом, развернулась посмотреть на стрелявшего. Тот стоял, чуть заметно покачиваясь — по пистолету в опущенных руках! — но не показывал ни единым движением, что собирается приблизиться к ней. Так что Луис решила, что разбираться, кто это и за что, будет позднее, — и кинулась к мусорному контейнеру.

Быстро, забыв о брезгливости, встала на колени, поставила рядом футляр и вытащила из-под верхнего слоя мусора какой-то длинный меховой воротник. Так показалось с первого взгляда. Вытащила очень бережно, потому что сразу ощутила под пальцами тёплое, тощее тельце явно голодного зверя.

Не сразу нашла в этом длинном воротнике голову. Поняла, что голова — по плоскому мокрому носу и слезящимся глазам, которые всё никак не хотели открываться. Пока трогала мокрую от крови морду, уверяясь, морда ли это, внезапно почувствовала резкую боль: существо впилось длинными острыми зубищами в мякоть ладони. Луис ахнула от боли. Но существо оказалось слишком слабым, а может — с ним что-то случилось, но укус хоть и не слишком быстро, но ослабел. Луис осторожно вытащила ладонь из неподвижной пасти и машинально, как в детстве, облизала прокушенное место, глядя на снова застывшее в её руках существо... Господи, не умер бы... И что теперь с этим вот делать? У самой Луис здесь ещё дома нет — и возможно, не будет, если работы не найдёт. Она положила зверька на футляр, пытаясь разглядеть его. Толстая змея. Из-за шерсти толстая. А возьми в руки — кожа да кости. Тёплые. И сердечко быстро-быстро бьётся. Будто тихонько в пальцы постукивает. Живое всё-таки...

Луис резко обернулась. Сердце замерло. Бесформенная фигура, с пистолетами в руках, стоящая в нескольких метрах от неё, дрогнула и свалилась. Девушка снова ахнула, вскочила... Взгляд на зверька. На футляр. Она заметалась: что в первую очередь — бежать к упавшему или всё-таки что-то сделать со зверушкой?.. Наконец быстро расстегнула застёжки футляра и бережно положила вовнутрь неподвижное существо — так, чтобы не придавить, закрыла. Ничего. Футляр старенький — даже с жёсткими металлическими застёжками неплотно закрывается, так что зверушка не задохнётся. И с отяжелевшим грузом помчалась к упавшему спасителю.

Пару раз споткнувшись и чуть не свалившись: сначала запнулась за какую-то невидимую трубу, потом угодила ногой в трещину, из-за чего пару шагов серьёзно хромала, — Луис добежала до лежащего. Перепуганная: неужели кто-то стрелял, а она не расслышала выстрела? А вдруг стреляли с глушителем?

Но тот хорошо так лежал — животом на дорогу, руки в стороны. Одно удивляло: при всей своей умиротворённо расхлябанной позе оружия её спаситель не бросил. Или он из тех, для кого пистолеты — продолжение тела? Не лишние конечности, в общем? Кое-что Луис о своём спасителе поняла, заслышав от убежавших фразу «мёртвый глаз». Так называют людей, стреляющих без промаха.

Добежав, Луис снова отставила футляр в сторону, через голову стянула лямки рюкзака, чтобы не мешал.

— Эй, — неуверенно позвала девушка, — что с вами?

Неподвижное тело оставалось недвижимым.

Тогда Луис вздохнула, покрепче взялась за плечи своего спасителя и попыталась перевернуть его, чтобы хотя бы усадить. Ух ты... С виду не слишком богатырь, а тяжёлый. Или так кажется, потому что она сама в неудобной позе, на корточках, пытается его ворочать?

Перевернула. И сморщилась. Ой, а пьянущий-то!.. И от облегчения Луис даже засмеялась. А в следующие секунды стремительно наклонила голову пьяного стрелка в сторону, и его вывернуло. Просунув одну руку под грудь стрелка, а другой придерживая ему голову, она переждала два приступа рвоты. Убедившись, что его больше не тошнит, девушка уже усадила его, так и не пришедшего в себя: только пробурчал что-то, не открывая глаз, — и последним бумажным платочком из пачки обтёрла ему рот. Выждала немного, уже с улыбкой глядя на, кажется, смуглое, лицо под длинными космами тёмных волос, но стрелок так и не приходил в себя. Или он притворяется? Нет. Судя по тому, как он не только наваливается на её руки, но и расслабленно соскальзывает снова растянувшись на земле, вряд ли он играет с нею.

Что ж... Помнится, мама говаривала: если отец пьян в зюю, главное, чтобы он мог шевелить ногами и руками, а домой — доползёт.

Не отпуская гибкого, но тяжёлого тела, Луис дотянулась до футляра и рюкзака, обвесилась ими и с трудом подняла стрелка на ноги. Хм. Высокий. Она тоже не маленькая, но он всё равно повыше будет. Устоять бы на ногах, удерживая его.

— Идём?

И сделала шаг в единственную сторону из переулка.

Мама оказалась права: едва пьяный вдрызг учуял, что может на что-то опираться, тут же зашевелил ногами. Луис даже уловила момент, когда он с невнятным ворчанием спрятал оружие куда-то под куртку.

Кажется, на сегодняшнюю ночь поиски работы отменяются. Луис робко понадеялась, что, придя в себя, незнакомец не откажет ей в месте для ночёвки. Хотя бы на одну ночь! Пусть не накормит, но хоть отдохнуть... Судя по запаху кожаной куртки, судя по его обуви, довольно дорогой, как Луис заметила, пока сидела возле него, он точно должен иметь хотя бы комнату в этом районе. Правда, беспокоило, нет ли у него семьи. Но девушка заглушила мысли, что его родные могут отказать ей в месте для ночевой... Может, им просто деваться будет некуда — и разрешат переночевать.

Девушка старательно так же отгоняла мысль, что стрелок может быть опасным человеком. Она вспоминала, что он не застрелил тех троих, хоть и ранил. Значит — уговаривала она себя — он не убийца.

Луис вздохнула и отмахнулась от всех мыслей. Сейчас у неё задача потрудней: сделать так, чтобы незнакомец уверенно привёл её к себе. Для этого надо приспособиться к его шагу и прислушиваться ко всем его движениям. Как в танце слушаешь партнёра.

Она грустно улыбнулась. Кажется, получается. Стрелок шёл всё уверенней, хотя (она приглядывалась к его лицу время от времени) глаз так и не открыл.

Они вышли на более-менее освещённую улицу. Луис скользнула взглядом по двум ярким лавкам ночных продуктовых магазинчиков и сглотнула. Ладно. Зато похудеет. Время от времени полезно.

Мимо прошли двое, воровато оглядели их, но прошли, хотя девушка напряглась, стараясь и поддерживать тело, плохо стоящее на ногах, и помнить о ноже в рукаве. А когда прошли, Луис вдруг подумала: если бы эти двое и захотели бы что-нибудь сделать, незнакомец наверняка бы пришёл в себя и... Девушка улыбнулась: наверное, опять бы прозвучали те самые слова: «З-задница — раз!»

Незнакомец потянул направо. А девушка, сначала машинально подчинившаяся ему, вдруг обнаружила, что он не столько наваливается на неё, сколько жёстко опирается на её

плечо. Снова заглянула в его лицо. Нет. Глаза закрыты. Да и лицо безо всякого выражения. До сих пор не пришёл в себя? Некоторое время она шла, напряжённо всматриваясь в него, пока новые мысли не отвлекли от наблюдения. Ну, ладно. Пока она нашла, кажется, приют на эту ночь. А что дальше? Что делать с бедным зверем, которого она забрала с собой?

Додумать не успела. Незнакомец завернул в крошечный переулок между двумя домами и повёл её настоящим лабиринтом — да ещё вслепую, в кромешной тьме. Луис даже разок встала — после поворота, счёт которому она потеряла. С испугом поняла, что сама выйти из этого лабиринта не сможет! Но стрелок дёрнул её вперёд, недовольно промычав что-то невразумительное. Кажется, без её поддержки он всё-таки пока обойтись не мог. Она подчинилась — и выяснилось, что они уже пришли: незнакомец остановился, повернувшись, казалось бы, к сплошной стене, пошарил по ней. И открыл дверь — в полусумрак. Перешагнув порог, и Луис невольно переступила вместе с ним.

Здесь стрелок немного покачался, словно разглядывая квадратную комнату, приглушённо освещённую фонарём из окна. Потом оторвался от Луис и, так целеустремлённо шатаясь, что Луис невольно качнулась следом — поддержать, если что, зашагал к единственному предмету мебели, вольготно расположившемуся посреди комнаты, — к ложу, которое могло быть как гигантской кушеткой, так и матрасом от кровати, довольно просторной. Хозяин комнаты подошёл к ней и свалился. И затих.

Неужели уснул?

А Луис растерянно оглянулась. Дверь-то он разве никогда не закрывает? Или понадеялся, что это сделает вошедший с ним? Что ж, придётся это сделать вместо него. Девушка потянула дверь. Раздался щелчок. И девушка поняла две вещи: она не знает, как открыть эту дверь, — подёргала убедиться, что захлопнута; и поняла, что придётся некоторое время похозяйничать здесь, пока хозяин в отключке.

Так. Огляделась, чтобы сориентироваться, с чего начать.

Комната большая, но какая-то даже не пустая, а пустынная, с застоявшейся горечью одиночества. Или Луис придумывает?

Много не похозяйствуешь...

Луис нерешительно положила у стены, в стороне от двери, футляр и рюкзак. Быстро и осторожно подошла к лежащему на кушетке хозяину, послушала его ровное, глубокое дыхание. Спит. Крепко. Он не боится в таком состоянии приводить сюда неизвестно кого? Впрочем... Она вспомнила, как те, которые напугали её, кричали: «Шиза!» Как предупреждение, что появился человек, который ненормален. Кажется, его здесь знают и не любят, мягко говоря. Наверное, репутация у него здесь. Поэтому и обзывают — боясь... А если он бандит? Вон как стреляет... Судя по тому, что вспомнила Луис, он стрелял не строго в... Ну, в общем, в то место, откуда ноги растут, а чуть сбоку. Предупреждающие выстрелы, так сказать... И тут мысли свернули на другое. А может, у него есть девушка? И она приводит его домой всякий раз, когда он допивается до неменяемого состояния? И стрелок принял её, Луис, за свою девушку? Поэтому он так спокоен и за своё жилище, и за свой путь по тёмным переулкам?

Хватит гадать. Луис неслышно вздохнула. Свешенные на пол ноги хозяина она переложила на кушетку и вытащила край расстёгнутой куртки, который мешал стрелку нормально дышать. Постояв над незнакомцем, девушка вернулась к двери.

Сначала она открыла футляр и выложила неподвижное тельце рядом, на пол. Тельце было неподвижно, но сердечко стучало успокоенней. Она погладила зверушку, некоторое

время размышляя, что может сделать для избитой тварюшки, после чего беспомощно пожалала плечами: только выжидать. Затем Луис покопалась в рюкзаке, вытащила пустой пакетик, потрясла — и на ладонь упали крошки. Она вздохнула: высыпать бы себе в рот, но... Зверушку поймали возле мусорного контейнера — может, придёт в себя, поест немного?.. И пересыпала крошки от последнего бутерброда на бланк из центра занятости. Сойдёт — вместо посуды. Не на пол же, покрытый чем-то ворсистым. Среди этого ворса — и так скудная — еда пропадёт совсем.

Луис снова сглотнула и пошла к кушетке. Сон будто мягко надавил на её плечи. Заснуть — забыть о голоде. И радоваться, что хоть такая возможность есть — поспать в доме, в котором никто тебя не ищет, а не на скамейке в здании космопорта, где взгляд каждого полицейского воспринимается как изучающий. Рядом с человеком, который ничего о тебе не знает. И с которым, возможно, уже завтра придётся расстаться... Девушка легла с другой стороны квадратной кушетки — что оставило между двумя лежащими метра полтора пространства, одёрнула с обеих сторон плащик, стараясь как можно плотней укрыться им. Движения становились всё более вялыми. И вскоре Луис соскользнула в глубокий сон...

... За окном медленно погас фонарь. Предутренняя мгла неприятно резала глаз серой неопределённостью.

Мужчина проснулся, словно только что закрыл глаза: распахнул ресницы — и уже на ногах. Бесшумной тенью обошёл кушетку. Скорчившаяся в попытках удержать тепло девушка заставила его только приподнять бровь.

Футляр у стены привлёк большее внимание. Хозяин комнаты присел, взял за шкуру неподвижного зверя. С трудом разомкнулись веки, будто склеенные гноем и кровью. Мутно блеснули зелёные глаза «воротника», пытаясь сосредоточиться на человеке. Но, слабые, закрылись сразу, и стрелок оставил зверя в покое. Затем его внимание привлекла бумажка перед носом зверя. Хозяин брезгливо встряхнул её от крошек и, направив свет от включенного вирта на бланк, прочитал все записи. После чего, открыв футляр, безо всякого удивления увидел гитару.

Оставив всё, как есть, он вернулся к девушке. Теперь он присел перед ней и, отогнув край капюшона, осмотрел её лицо в свете вирта. Сказать, хороша собой незнакомка или нет, он не смог: всю левую сторону лица перечёркивала уродливая царапина — от переносицы к краю челюсти. И царапина эта была не то что свежей, но поблёскивающей по краям, кажется — незаживающей.

Выключив экран вирта, он осторожно лёг позади девушки, а потом подвинулся к ней так, чтобы спиной она прижалась к нему.

Минута, другая... Он усмехнулся. От тепла незнакомка распустилась, словно цветок на солнце — как говорят поэты, и прижалась спиной к хозяину сама. Тот уже уверенно обнял её и уснул...

... Зверёк снова приоткрыл глаза, как только два человека затихли во сне. Прямо перед носом что-то пахло явно съедобным. Отталкиваясь рудиментарными лапками от ворса покрытия, передвигаясь почти гусеницей, зверёк подтянулся поближе к еле ощутимому запаху. Высунулся язык, подобрал крошку. Другую.

Кошачий дракончик, которого учёные, исследующие фауну Кэссии, признали всего лишь чем-то вроде здешней крысы, бесполезной и для людей безопасной, приподнял шерстистую мордочку, с трудом сопя и принюхиваясь разбитым носом. Человек, от которого теперь пахло, как от него самого, лежал неподалёку. Зверёк попробовал почистить свою

грязную шкурку. Но синяки и кровоподтёки мешали — они ныли, когда дракончик привычно пытался изогнуться. Он огляделся, медленно дополз до человека и, с трудом встав почти на хвост, уцепился короткими лапками за край кушетки. Самка. А за ней — самец. Самец им, дракончиком, не пахнет. Но он пахнет симпатией к самке. Наверное, не выгонит.

Дракончик прополз дальше. Тепло. От самки тепло. А ему, зверю, холодно, пока он ранен. Надо пригреться в человеческом тепле и потихоньку выздороветь. Самка — его. Она приняла зверя и сделала своим, значит — не выгонит. И зверёк влез в пространство сложенных рук — Луис. Так зовётся эта самка. Он вычитал имя из пространства, которое окружает эту самку. Особенно понравилось, как оно заканчивается. Засыпая в уютном и мягком тепле человеческих рук, дракончик снова попробовал на вкус имя самки: Луиссс...

Она проснулась, когда кто-то под носом провёл мягким и тёплым клочком шерсти. Проснулась и чихнула. И, когда что-то с шипением отпрянуло от её чиха, уставилась в круглые зелёные глаза, возмущённо посмотревшие на неё из кучи всклокоченной серой, с кофейным оттенком шерсти. Возмущение ощущалось довольно живо.

— Ты кто? — прошептала она.

— Здешняя крыса, — ответил ей низкий голос. — Странно, что ты её приручила. Обычно они не поддаются дрессировке.

Луис прикусила губу и села на краю кушетки, прихватив ту самую крысу, которая нисколько не возражала против рук. А потом девушка встала. Несмотря ни на что, она не хотела бы, чтобы на неё смотрели сверху вниз. Шерстяной «воротник», который она наконец узнала, недовольно что-то хрюкнул и не сразу, но с рук влез ей сначала на плечо, а потом забрался выше — и на затылок... Луис невольно улыбнулась: странно, но «здешняя крыса» ощущалась частью удобной одежды, вроде как меховая отделка капюшона. Тёплая. Теперь она рассмотрела хозяина комнаты лучше. Этому мужчине она разрешила бы смотреть на себя, будучи самой собой. И вспомнила, и, вспыхнув, снова надвинула капюшон на левую сторону лица.

— Я уже видел, — невозмутимо сообщил тот, отпивая из чашки кофе. — И меня это не напугало. Не хочешь позавтракать?

— Мне бы сначала... — хрипло со сна начала она и смущённо откашлялась.

Он кивнул в сторону.

— Там.

Эту дверь в ночной тьме девушка не разглядела. Закрывшись в душевой, она сняла наконец плащик. Умывшись, Луис старательно расчесала тёмно-русые волосы — чуть ниже лопаток, затем отпустила пряди по вискам, закрывая царяпину, и, покопавшись во взятом с собой рюкзаке, вынула круглую коробку с театральным гримом. Из ванной комнатухи вышла спокойная за свой внешний вид и присоединилась к хозяину, который устроился на той же кушетке, положив тут же поднос с предметами для настоящего пиршества: большую чашку дымящегося кофе и тарелку с бутербродами, сделанными чисто на мужской манер, потому что большие ломти хлеба чуть не прогибались от наложенной на них начинки.

— Спасибо, — сказала Луис и села на край кушетки напротив хозяина. И нерешительно добавила: — Меня зовут Луис.

— Знаю, — сказал хозяин и протянул ей бланк из центра занятости.

Она взяла и успела заметить: он быстро взглянул на её щёку, загримированную оттеночным гримом. Правда, он и не скрывал, что посмотрел. Гриму он усмехнулся, слегка ощерясь, — и тут девушка вздохнула с облегчением: мужчина очень хорош собой — темноволосый, большеглазый, с отлично вылепленным носом, чуть больше ротый, но, стоило ему слегка саркастично усмехнуться, вздёргивая при этом верхнюю губу, — и Луис заметила, что улыбка, какая-то узкая, с необычным прикусом, превращается в крысиный оскал. И эта маленькая деталь его безупречной внешности почему-то успокоила её.

Он дал ей время насытиться, сам наслаждаясь свежесваренным кофе, и только после этого сказал:

— Меня зовут Дэниел. — И снова усмехнулся. — Как ты здесь... оказалась?

Луис улыбнулась его усмешке, странной, но притягательной, и рассказала о вчерашнем происшествии, одновременно кормя зверушку, свесившуюся с плеча, — отщипывая ей крошки от бутерброда. Отщипывать пришлось недолго: зверушка решительно вцепилась пастью и когтями в край ветчины (без хлеба, естественно) и принялась жрать без перерыва на проглотить, постепенно заглатывая весь кусок. Зелёные глаза чем дальше, тем больше светились не столько удовольствием, сколько наполняющим их изумрудным оттенком. Луис решила считать этот оттенок признаком здоровья. Кажется, Дэниел не возражал, что его угощение для девушки стало угощением и для «здесьней крысы».

— Как змея, — удивлённо сказала Луис. Потом взглянула на бланк. — Я не буду вам долго докучать. Мне бы сориентироваться, где я сейчас, и пойду дальше — искать работу.

— Давай на «ты», — сказал Дэниел, пальцами зачёсывая густые тёмные волосы назад и открывая высокий лоб, отчего лицо почему-то стало сумрачным. — Итак, ты ищешь работу имита. Кому ты подражаешь?

— Тайре, — насторожённо ответила она.

— Тайра? Слишком распространённо, — хмыкнул он. — У неё голос довольно-таки яркий... Легко сымитировать. Но, кажется, я смогу тебе помочь. Судя по тому, какие кабаки остались в твоём списке, тебе всё равно, где работать?

— Ну... да, — согласилась Луис, машинально поглаживая быстро пришедшую в себя зверушку, наконец слопавшую кусок ветчины и теперь блаженно зевающую на всех.

— Могу проводить в одно местечко. Тебя возьмут, если не будешь настаивать на слишком большой оплате.

— Им срочно нужна имита?

— Да, предыдущая ушла, найдя место потеплей. Тебя возьмут сразу. Если согласишься на ночное время.

— На ночное? Конечно, соглашусь. А почему возьмут сразу? — Про себя добавила с недоумением: ты же не слышал, как я пою!

— У тебя есть фишка — эта зверюга. Посетители будут пялиться на неё, так что...

Она расслабилась. Понятно. Он думает, что она не слишком хорошо подражает Тайре, оттого и проблемы с работой.

— Откуда у тебя эта царапина? — как бы между прочим спросил он.

— ... Ну... — Врать ему не хотелось, но быстро что-то придумать взамен не получалось. И она сказала обычную легенду: — Столкнулась с девушкой, которой легче было ударить, чем доказывать, что она умеет петь лучше, чем я.

— Везде свои заморочки, да?

— Да. И я не уверена, что эта зверушка захочет висеть на мне во время выступления, — осторожно сказала девушка. — Всё-таки мы встретились только этой ночью. — И склонила голову заглянуть в зелёные глазки, которые со странным удовольствием таращились на неё с плеча. — Да и народу будет много — может испугаться.

— Посмотришь. Время есть. Как ты назовёшь зверя?

— Не знаю. Не думала ещё. — И вдруг выпалила: — Прести! Эй, Прести, привет!

Зверёк поднял мордочку и зашипел на девушку. Но она прошептала ещё раз: «Прести», и он успокоился. А Луис осторожно и медленно погладила его, убеждаясь, что он и в самом деле пришёл в себя. Возможно, ушибы и не скоро сойдут, тем более что под пальцами чувствовалась твёрдая, заскорузлая от высохшей крови кожа, но зверь ощущается в движении гораздо уверенней.

— Почему — Прести? — спросил Дэниел, наблюдавший за этой короткой сценкой.

— От итальянского «престо». В музыке этим словом обозначается быстрый темп, — рассеянно объяснила Луис, — а я изменила слово до удобной клички. Если, конечно, зверь ещё останется со мной.

Через полчаса они вышли из дома.

Солнце, как и ночные луны, тоже не проникало в эти переулки кэссийской столицы. Может, потому что утро, а будет здешнее светило в зените — появятся его лучи и здесь. Но уже хорошо, что стало довольно светло и даже ярко. Едва вышли из проулка между домами, Дэниел взглянул на Луис и приподнял бровь. Она облизала губу, но отвернулась. Знала, что удивило его. Если, выходя из его комнаты, она накинула на голову капюшон плаща, то теперь ещё и солнцезащитные очки надела.

Прести мягко обвился вокруг шеи девушки пушистым шарфиком, уткнувшись в её шею влажным носом, но дыша в кожу горячо. Что было приятно в прохладную погоду. Луис надеялась, что он в самом деле не испугается посетителей того бара, в который может её устроить Дэниел. Они спокойно пошли по улице, причём Дэниел нёс футляр с её гитарой, а девушка раздумывала о своём. Думы привели к вопросу:

— А хозяин того места тебе знаком?

— Да.

— Там будет возможность найти жильё? — И объяснила, увидев непонимающий взгляд: — У некоторых хозяев есть свои квартиры — при барах, например. Или комнаты.

— Первое время сможешь пожить у меня. Приставать не буду, — рассеянно ответил он и предупредил: — Только надо быть осторожной. Район у нас тут... тяжёлый.

— А кем работаешь ты? — не удержалась Луис от вопроса. — Извини за любопытство. Только я давно ни с кем не говорила нормально... Вот и... — И улыбнулась.

— Вышибалой, — усмехнулся Дэниел и встряхнул отросшей шевелюрой.

Луис решила, что, вернувшись «домой», она предложит Дэниелу постричь его. Побриться он побрился, но волосы тоже надо бы в порядок привести. И покраснела. А вдруг она «домой» не придёт? Вдруг хозяин того места предложит ей свою квартиру? С Дэниелом интересно, конечно, но и расстояние до работы — немаловажная вещь. Есть ещё одно «но». Не настолько накоротке они знакомы, чтобы предлагать ему стрижку.

Вот только как объяснить впечатление, что она его давно и хорошо знает?

Пока шли, девушка заметила, что редкие прохожие, взглядывая на Дэниела, стараются либо перейти на другую сторону дороги, либо делают вид, что в упор его не замечают. Либо втягивают головы в плечи и стараются спрятаться в тень. Вкупе с произошедшим этой ночью, кажется, она понимала этих людей. Но сколько у него тут знакомых!.. Она снова невольно улыбнулась.

Бар, куда привёл её Дэниел, оказался в получасе ходьбы от его комнаты. И был из-за дневного времени почти пуст. С сидящим у двери, на ступенях крыльца, громиллой Дэниел перекинулся — а тот ещё окинул его взглядом, который как ни странно девушка прочитала сразу: хм, трезв! И с трудом припрятала улыбку. Правда, потом слегка обеспокоилась: неужели Дэниел пьёт часто?

Внутри помещения их поприветствовал бармен, который сразу вызвал хозяина.

Владелец бара вышел к ним позёывая, усталый, с ввалившимися глазами от недосыпа. Лет сорока, рыжеватый. Не толстяк, но довольно плотный высокий молодец, который, кажется, неплохо держал свою физическую форму.

— Привет, Дэниел. С кем познакомишься? — густым баритоном выговорил он и снова зевнул. После чего счёл нужным объяснить: — Вчера в заведении выдалась весёлая ночь, поспать не удалось — пол-утра в полицейском участке отмазывал своих.

— Привет, Санни. Ты, помнится, говорил — тебе имита нужна? Как насчёт голоса Тайры? Знакомьтесь. Это Луис.

— Луис? — с сомнением переспросил Санни, несмотря на сонливость, цепко оглядывая девушку. — И что ты знаешь из репертуара Тайры?

— Всё, — улыбнулась Луис. — Мне нравится её творчество.

Хозяин, кажется, ждал, что девушка будет объяснять долго, что именно нравится ей в творчестве Тайры. А Луис быстро и исподтишка оглядывала небольшой зал. В таком баре она однажды выступала, только недолго. Пришлось удирать изо всех сил, когда её едва не поймали. В общем, интерьер довольно знаком.

— Ты играешь сама или будешь петь под караоке?

— Сама, если есть отдельный микрофон.

— Тогда милости прошу, — хозяин показал на небольшое возвышение ближе к углу, рядом с караоке. — Места хватит? — с небольшой усмешкой спросил Санни.

— Хватит.

— Вот это что — у тебя на шее?

— Это Прести. Мой зверь, — сказала Луис и, забрав у Дэниела футляр, пошла к площадке, на ходу стягивая с плеч плащик.

— Я пойду, пожалуй, покурю, — сказал хозяину бара Дэниел, пока Луис добиралась до эстрадной площадки для музыкантов.

— Иди, — пожал плечами Санни.

«Не уйдёшь! Я уже расчехлила гитару!» — с вызовом подумала Луис и, удобно накинув ремень от гитары на плечо, поправила микрофон. Прести она подготовкой к выступлению не потревожила. Зверь только сунулся под руку посмотреть, что хозяйка такое гудящее вытаскивает, и снова успокоился.

Глядя в спину удаляющемуся Дэниелу, она взяла аккорд. «Хорошая у меня гитара!» — с гордостью подумала девушка, когда в пространстве зала хрустально отдалось чистое трезвучие, и Санни, подняв брови, присел за один из столиков, рядом со сценой.

На первом гитарном аккорде Дэниел несколько замедлил шаг, но до двери оставалось немного...

— А когда ты меня не найдёшь... — Низкий алыт бархатно прозвенел в помещении, и Дэниел резко обернулся. — Звёзды в небе останутся те же. Только в небо смотреть будешь реже. Слишком частый на улице дождь...

Наслаждаясь звуком гитары и собственного голоса: в баре оказалась хорошая акустика, — Луис пела с удовольствием. Есть ещё одна причина. Если сначала ей хотелось остановить Дэниела, невольно высказавшего недоверие к её мастерству имита — не вслух, напрямую, а своим уходом на время, пока здесь проводят прослушивание, то теперь она пела для всех, кто её слышал. Пела так, чтобы её слышали. Чтобы восприняли песню как своё. Чтобы песня своей тональностью вошла в душу каждому.

Луис пела и видела, как, покоряясь её голосу, выходит из подсобки парень, таща за собой связку проводов и не замечая, что на пути у него маленькая стремянка, которая и падает; как из кухни выходят полная женщина, в коротком халате поверх обычной одежды, и девушка в курточке поварёнка; как бармен, облокотившись на стойку, тяжело задумался, не

спуская с поющей глаз; как заглядывает в помещение и застывает у порога тот рыжеватый парень, стороживший вход в бар.

Играла голосом — на понижение звука, на страстное выражение, привычно расставляла акценты, но не затверженно, а приноравливаясь к публике, слушавшей её, — так, чтобы напряжение не спадало, чтобы ни один не ушёл, не дослушав: «Вы будете слушать о любви! Будете понимать её! Любимые, нелюбимые, но вы все мучились из-за неё и всё-таки радовались ей!»

Она пела о любви и обращалась к каждому: почувствуйте! И они чувствовали. Луис видела это в их немигающе застывших глазах, считывала со странно, страдальчески обострённых лиц, вдохновенно приподнятых к сценической площадке, к ней самой... И снова — в который раз! — убеждалась, что не зря выбрала такую дорогу, такой путь. Только она — и только отдача от зрителей. Только она — и возможность запустить странные, необычные иглы в сердце и душу. Эти покорные ей, мечтательные благодаря ей глаза позволяли ей жить и быть такой, какая она есть... Обращалась к каждому, но глаза постоянно останавливались на одном человеке...

Не пела Луис уже несколько дней, но, как всегда, сразу ощутила свою власть над слушателями. С первой ноты поняла, что пение удалось.

Ладонь позволила дозвучать последнему звенящему аккорду — вместе с голосом, затихающим на последнем слове песни. А затем пальцы легли на струны, заглушая последние, еле слышные звуки.

Секунда-другая... Хозяин медленно захлопал — за ним остальные.

— Иди сюда, — позвал Санни и уже похлопал по сиденью стула рядом с собой.

Зрители зашевелились, когда она выпустила их из плена своего голоса. Пока спускалась, пару раз взглянула на плечо: Прести всё заглядывал в её глаза, как будто пытался именно в них разглядеть следы её голоса. Луис смущённо улыбалась всем, кто радостно кивал ей или показывал большой палец.

Дэниел не ушёл, а вернулся к хозяину бара, сел за ним, чтобы тот не видел.

— Почему ты ищешь работу? — спросил Санни.

Умный человек — решила Луис. Она бы тоже старалась допытаться, почему она, с такими имита-вокальными данными и неплохим умением играть на гитаре, до сих пор не работает в каком-нибудь престижном ресторане.

Девушка положила на колени гитару и, помедлив, сказала:

— На последнем месте работы мне... испортили лицо. Денег на пластическую операцию нет. — И пальцем провела по царапине, слегка убирая грим.

Санни пригляделся, оценил и кивнул.

— Понятно. Ты как — надолго собираешься здесь оставаться? Или как?

— Пока не знаю, но, наверное, надолго.

— Тайра бы гордилась тобой, как имита, — сказал Санни серьёзно.

— Спасибо, — внутренне содрогаясь, серьёзно сказала Луис. — Вы принимаете меня?

— Конечно. Осталось договориться, где ты будешь жить.

Девушка встревоженно подняла глаза. Дэниел сидел за спиной хозяина и смотрел на неё неопределённо. «Хочу к нему! — всполошённо подумала Луис. — У него... безопасно. И... Я чувствую себя у него уютно».

— Дэниел предложил мне... — неуверенно начала Луис, уже в упор вопросительно глядя на мужчину.

— Моё предложение остаётся в силе, — спокойно сказал Дэниел, и она облегчённо вздохнула. Тем более что и Прести фыркнул, словно поддерживая её решение, после чего снова распластался на её шее пушистым шарфиком.

— Дэниел, ты всё ещё у Рейнольдса? — деловито спросил Санни, обернувшись к нему. — Это по дороге к нам. Если я буду тебе доплачивать, будешь провожать сюда Луис по вечерам и встречать её по утрам?

— Я и так могу, — буркнул Дэниел.

Видимо, Санни — рачительный хозяин, потому как, расплывшись в улыбке — сэкономил! — он снова повернулся к Луис.

— Итак, у нас остаётся одна проблема. Публика здесь довольно, скажем так, низкого пошиба. Не стесняется в выражении своих чувств и желаний. Поэтому я скажу, быть может, неприятную для тебя вещь. Но, если ты умная, то поймёшь меня. — Он усмехнулся, как бы говоря: «Да, я специально сказал насчёт „умная“, чтобы поймать тебя на этом!» — Так вот... Не надо замазывать царапину.

— И форма одежды построже? — уточнила она.

— Точно! Значит, ты не против?

— Нет, что вы! Наоборот легче. Всё время боюсь, как бы грим не размазался, — призналась Луис, и Санни засмеялся. — Если хотите, у меня есть имитация татуировки. Она вообще лицо скрывает.

— Дальнейшее — на твоё усмотрение, — сказал довольный хозяин.

Затем под присмотром Дэниела они договорились о времени работы и об оплате.

Когда они вдвоём вышли из бара, Прести дрых такой расслабленный, что едва не съезжал с плеча, хоть и пытался сонно цепляться за шею.

— Всё-таки не понимаю, отчего он с тобой, — сказал Дэниел, приглядываясь к зверю. — До сих пор ни разу не видел, чтобы эти зверушки были приручены.

— Может, их никто не жалел? — предположила Луис, осторожно глядя Прести по плоской голове, одновременно пытаясь запихнуть его, съезжающего, на место.

— Может быть. Ты давно занимаешься вокалом?

— С детства. Сначала ходила в музыкальную школу по классу гитары, потом поступила на частное отделение вокала для желающих.

Они шли по улице не спеша, поэтому Луис, расслабившись, не сразу сообразила, почему Дэниел вдруг жёстко взял её под руку и буквально отодвинул её чуть назад. Получилось — за свою спину.

— Кого я вижу-у... — лениво протянул мужчина в богатом костюме — явно шитом на заказ. Остановивший их сидел на заднем сиденье машины — ногами на дороге.

— Это тебе только показалось, что ты кого-то увидел, — неприязненно сказал Дэниел и попытался пройти мимо.

— Ну-у, не будь столь груб, Дэниел, — укоризненно сказал мужчина. У него было довольно приятное, чуть плутовское лицо — весьма располагающее. — Я ведь всего лишь снова хочу поговорить с тобой. А может, и познакомиться с твоей спутницей. — И он приятно улыбнулся Луис.

Отчётливо чувствуя, что этот человек не просто неприятен Дэниелу... Да что там... Этот мужчина просто ненавистен ему, девушка откинула капюшон, полностью повернулась лицом к нему и улыбнулась.

Мужчина побледнел. Мокнущая царапина, появившаяся на лице девушки после того как

сняли грим, выглядела (Луис это сознавала) отвратительно. И не всякий мог спокойно смотреть на уродующий тонкое девичье лицо шрам.

Больше их никто не задерживал. Правда, Дэниел взглянул на девушку как-то странно. И лишь чуть дальше от машины, так и не сдвинувшейся с места, он спросил:

— Ты специально показала ему?..

— Да. Чтобы не лез. Не люблю, когда останавливают и пристают.

Он улыбнулся.

— Но ведь тебе самой неприятно, когда рассматривают царапину.

— Иногда неприятно. Но иногда — ощущаю злорадство, что могу этой царапиной кого-то напугать. — Прошли ещё несколько шагов, прежде чем девушка осмелилась спросить: — А кто это был?

— Хозяин одного развлекательного заведения, — тяжело ответил Дэниел.

Кажется, ему не понравилось, что она спросила об этом мужчине. Зато теперь Луис знает, что есть одна тема для разговоров — под запретом. И больше она не намерена к ней возвращаться. И вообще... Здорово идти по улице, когда за тебя несут футляр с гитарой, когда на шее сопит тёплый «воротник», а впереди — наконец-то стабильная работа!

Понять, что не только у неё, у Луис, есть свой скелет в шкафу, легко. Дэниел никого не боится, но сторонится этого хлыща из машины. Не боится, а именно сторонится. Заметно — для пристально наблюдающего со стороны человека.

Чем же неприятен это хлыщ Дэниелу? Наверное, он имеет какую-то власть над ним. Не какую?

— Не хочешь пообедать? — прервал её мысли Дэниел. Он будто только что очнулся от тяжёлых раздумий и огляделся: задавая вопрос, видимо, уже решил и за неё, выискивая подходящую вывеску.

— Хочу.

«Воротник» тоже пискнул — утвердительно, после чего снова расслабленно свесился с шеи девушки. Луис о деньгах подумала только мельком: кажется, Дэниел из тех мужчин, что, задавая вопрос о еде, сразу рассчитывают платить за двоих.

Он привёл её в полуподвальное помещение. Едва только открыл дверь — и их опажнуло такой крепкой волной аппетитных запахов жареного и печёного, что Луис немедленно возжаждала съесть всё, что ей ни предложат, о чём и сообщила довольному Дэниелу. Прести ничего не сказал — разинул пасть и засиял зелёными глазищами так радостно, что обернувшийся что-то сказать Дэниел засмеялся, глядя на него.

Он усадил Луис в уголке полутёмного помещения, оставил здесь же гитарный футляр и подошёл к барной стойке. Вернулся быстро, а следом прибежала девушка-официантка, держа в руках вирт с меню.

— Полагаюсь на твой выбор, — сказала Луис и объяснила в ответ на его вздёрнутую бровь: — Я не привереда. Съем всё. Если съедобно и вкусно.

— У нас вкусно всё! — гордо сказала девушка-официантка.

Они молча посидели, пока она принесёт поднос с заказом. Сидевший на коленях Луис, Прести словно дождался, пока она уйдёт, после чего перебрал короткими лапками клеёнку, поднимаясь на хвост, и уцепился передними лапками за край стола. Плоская голова, с отвалившейся нижней челюстью, оглядела принесённое, после чего Луис легко прочитала в потрясённых зелёных глазищах: «Сколько жратвы!!»

Дэниел сразу заплатил, как и ожидала Луис, и сказал:

— Вот теперь мы можем поговорить.

Правда, после такого многообещающего начала он всё-таки дал время на поесть. Причём сам почти не ел, лишь усмехался восторгу девушки и Прести от вкусноты. И первый вопрос озвучил лишь тогда, когда перешли к десерту:

— Луис, что у тебя с лицом? Почему появилась царапина — я понял. Но почему она не заживает? Ты сказала, что иногда тебе нравится ею пугать. Из этих слов я понял, что эта рана у тебя давно. Извини, если вопрос тебе неприятен.

— У девушки, которая меня ударила, на ногтях в тот момент был крем, — сморщившись от нехороших воспоминаний, сказала Луис. — Дорогой. А в его состав входило вещество, которое оказалось для меня аллергеном. И ко всему прочему — каким-то очень сложным. Он впитался в кожу, а из кожи с кровью попал в организм и не даёт ране зажить. Вывести его можно — сказали в больнице. Но это стоит больших денег. Поэтому царапина продолжает мокнуть, будто меня оцарапали недавно.

— Она очень болезненна?

— Для меня нет. — Луис прикусила губу и призналась: — Плохо с ней только одно — глаза людей, которые её видят и не могут сдержать брезгливости. Многие думают, что это заразно. А некоторые думают, что царапину легко заживить, и не понимают, как можно ходить с гниющей ранкой и не позаботиться о лечении. Но ведь не каждому объяснишь...

Дэниел задумчиво обвил пальцами чашку с кофе, будто грел их.

— Вот как... А почему ты так легко согласилась... остаться у меня?

С минуту девушка смотрела на него. Улыбнулась. И шутливо сказала:

— Ты необычный. Когда вчера ты предупредил тех троих: «Считаю до трёх задниц!», ты покорило моё сердце раз и навсегда.

— Я так сказал?! — поразился он. Задумался и спросил: — А как мы оказались у меня?

— Ты привёл! — всё ещё смеясь, сказала Луис. — Я подняла тебя на ноги, и ты сразу пошёл. Мне оставалось только поддерживать тебя, пока не дошли до твоей комнаты. Ну а я... Я обрадовалась, что у тебя так тепло. Давно так не спала — спокойно и в тепле.

— Тепло, — повторил мужчина, испытующе взглянув на безмятежно улыбающуюся девушку. Но чайно-карие глаза смотрели всё с той же усмешкой — такой спокойной, что он не понял, знает ли она, что, крепко уснув, делила ложе с ним. — Ты авантюристка по природе.

— Нет. Или... Не совсем, — сказала Луис, беря кусочек мяса и предлагая его взвизгнувшему от счастья Прести. Тот внюхивался в него уже несколько минут, но дотянуться не мог и время от времени мелко почавкивал: «Дай! Дай!», взглядывая на хозяйку. — Я бываю практичной и зловредной. Но чаще мне нравится быть домашней. Поэтому я и захотела остаться у тебя. Я ведь у тебя переночевала. Почти обжила комнату. Ты был рядом, защитой мне. Мне теперь в другом, новом месте было бы тяжелей.

— У меня впечатление, что ты прячешься.

— Да, прячусь, — внезапно для него согласилась Луис. — Я расскажу тебе, но чуть позже. Для этого мне нужно собраться с силами и решиться. Даже с тобой. А ты?

— Что — я?

— Почему прячешься ты?

Мужчина, онемев, смотрел на девушку, которая продолжала кормить забавного зверька, поглядывая на собеседника в ожидании ответа.

— С чего ты взяла, что я прячусь?

— Ты «мёртвый глаз». Очень жёсткий и собранный. Но пьёшь, хотя в основном выпивка тебе не мешает. Потому что ты профессионал. Но ты сам сказал, что работаешь вышибалой, и Санни невольно подтвердил это, когда предложил тебе сопровождать меня до работы и с неё. Я не понимаю, как такой человек, как ты, может быть всего лишь вышибалой в каком-то баре. И... И у тебя лицо... Лицо очень закрытое. Люди в таких местах, как здесь, обычно очень открытые: с них сразу можно прочесть все их желания, чаще животные. — Луис снова облила пересохшие губы и вздохнула: — Извини, Дэниел. Меня иногда здорово несёт. Болтушка, — виновато улыбнулась она.

— Интересно ты меня видишь, — проговорил мужчина. Но на высказанную ею характеристику отозвался не сразу. Помолчав и понаблюдав за Прести, оправдывающим свою кличку — мгновенно сметая всё предложенное для дегустации, он сказал: — Я тоже не сразу скажу, что именно за моей маской вышибалы. Считай так: я в бессрочном отпуске, в результате которого нужно решить, возвращаться ли на старую работу или сменить её. Здесь,

в таких местах, этот выбор сделать легче. Но именно поэтому должен предупредить: рядом со мной опасно.

— Я привыкла маскироваться. Если хочешь, меня рядом с тобой никто и не увидит, — легкомысленно сказала Луис и уже серьёзно добавила: — Но, если считаешь, что я тебе в обузу, — лучше сказать сразу.

— Странно. Но с тобой легко, — теперь засмеялся он. — Я таких... — Он поискал слово.

— Болтушек, — шёпотом подсказала девушка.

— Нет! — протестующе засмеялся Дэниел. — Таких открытых ещё не встречал.

— Тех, с кем мне легко быть открытой, мало, — призналась девушка.

Прести от сладкого отказался. Отяжелевшего, Луис его пришлось буквально надеть на себя, как тот же воротник, на шею, благо что он практически вцепился лапками в собственный хвост — собственное продолжение, чтобы не съехать с девушки. И уснул.

Чуть приподняв его голову посмотреть на мордочку, девушка изумлённо спросила:

— Мне это только кажется, или он на самом деле улыбается?

Дэниел только рассмеялся. Луис вообще заметила, что он оживился и стал не таким замкнутым, каким выглядел до недавнего времени. Правда от беседы у неё осталось странное впечатление, что они предупредили друг друга о невмешательстве в личную жизнь, но друг о друге так ничего и не выяснили. Луис, впрочем, это не волновало. Она сказала правду, когда призналась, что ей не со всеми так комфортно, как с Дэниелом. Она и сама удивлялась: знать человека меньше суток, но быть с ним такой откровенной — в определённых рамках, конечно! Такого с ней раньше точно не бывало.

— Ты серьёзно ответила Санни, когда он сказал о внешности?

— Изменить внешний облик в худшую сторону несложно. Мне, например, не идут очки. Поэтому я их сегодня и надену.

— Обычно девушки не очень любят выглядеть так, как...

— Как я? Я не переживаю. Ко мне не приставали с комплиментами и раньше, так что я спокойно отношусь к своей нынешней внешности.

Возможно, Дэниел спросил бы ещё о чём-то, не упав на их столик тень.

— Большой Дэн заимел подружку? — лениво спросили сверху.

Сверху — это (Луис про себя ойкнула, увидев) подошедшая гора мышц, по которой скользишь глазами снизу вверх, а она, гора, всё не заканчивается, пока взгляд не упирается в небольшую бритую голову с кругловатым лицом, на котором самое примечательное — злые глаза, утопающие в жёстких пухлых веках. Толстяком не назвать — решила растерянная Луис. Перекачался? Ну и кулачища у него. Дотронется — точно до синяка. И при том — запихнут в дорогой костюм, шитый, мягко говоря, по нестандартной фигуре. В памяти девушки почему-то всплыл тот мужчина, что вольготно расположился на заднем сиденье авто.

— Чё молчишь, Большой Дэн?

— Пытаюсь понять: ты задал вопрос в надежде на ответ, или твой вопрос прозвучал риторически, — с подчёркнутой вежливостью ответил Дэниел.

При первых же звуках ленивого голоса он слегка отодвинулся от столика вместе со стулом. Незаметно. Освобождая небольшое пространство. Для активных действий?

Сообразив, что между мужчинами ощутимо звенит враждебное напряжение, Луис спокойно дотянулась до перечницы и отвинтила крышку, — всё это, выжидательно

поглядывая на незваного гостя.

Тот намёк уловил.

— Со мной не играют, крошка, — тяжело предупредил он.

Луис полностью развернулась к нему, чтобы он увидел её лицо целиком. Только после того как качок рассмотрел её, она сказала:

— А я никогда не играю. Я всегда очень серьёзна.

— Значит, всё-таки подружка, — как показалось Луис, лишне сказал качок и солидно двинулся к выходу из бара.

Что для девушки показалось лишней фразой, кажется, сильно встревожило Дэниела. Исподлобья глядя вслед качку, в уже опустевшем помещении он сказал:

— Луис, как бы тебе ни хотелось ответить, в следующий раз в такой ситуации лучше промолчать. Не надо настраивать... неприятных людей против себя. Даже если ты всегда носишь с собой нож, ещё не значит, что он поможет.

Девушка покраснела.

— Ты видел нож?

— Хм... Он выпал из рукава твоей куртки, когда ты уснула.

Они вышли из бара, и Дэниел предложил зайти по дороге в лавку, чтобы купить что-то из необходимого для девушки.

— Я решил, что будет лучше, если ты останешься не со мной в комнате, а в комнате рядом, — спокойно сказал Дэниел.

— Поняла, — задумчиво сказала Луис. — Ты боишься, что меня примут за твою подружку и... В общем, поняла.

— Не обиделась?

Луис покачала головой. И странно. Ответила и сообразила: в самом деле — он прав. И так-то она ведёт себя так, словно его давняя подружка, а уж если жить вместе...

— Дверь в дверь с моей комнатой пустует ещё одна. Зайдём к хозяйке дома и возьмём ключи, — сказал Дэниел. — Ты точно не обиделась?

— Знаешь... Очень странное ощущение, — задумчиво сказала девушка. — Ты... Как будто я нашла своего старшего брата. На старшего брата можно обидеться, но можно понять, почему он так говорит... А у тебя? Были братья и сёстры?

— Нет, не было. — Кажется, она опять заставила его улыбаться.

В лавке-минимаркете девушка взяла для будущего дома предметы первой необходимости и продуктов на всякий случай. После чего Дэниел привёл её на квартиру хозяйки дома. Светловолосая женщина, лет сорока, со спортивной выправкой, предложила подписать документы о найме комнаты и предупредила о необходимости соблюдать в жилище правила поведения для жильцов. Затем Дэниел показал, где именно находится та комната, ключ от которой получила девушка. Оказалось, что он несколько не преувеличивал, когда говорил, что комната Луис окажется дверь в дверь с его собственной. Два метра расстояния между дверями. Луис даже попробовала на шаги. Четыре шага.

Внутри комната оказалась тем же пустынным квадратом, что и у Дэниела. Но мужчина сразу показал в стене шкаф с жёсткими ширмами, которыми помещение можно разгородить на несколько небольших комнаток. Чем они и занялись.

— Дэниел, а если я тут буду заниматься игрой на гитаре, это не мешает соседям?

— Звукоизоляция здесь хорошая. Тем более — мы расставили ширмы, — сказал Дэниел, разглядывая получившееся. — Под нами подземный гараж, над нами — складские

помещения. Можешь заниматься сколько угодно. Луис, а тебя не смущает, что Тайра в основном поёт под небольшой оркестр, а ты — под гитару?

— Если публику гитара смущать не будет, почему бы и нет? — пожала плечами девушка. — Если не примет — буду петь под записи. Сегодняшнее пробное выступление показало, что хозяин бара не прочь, чтобы я пела под гитару.

— Мне показалось, что гитары он вообще не заметил, — усмехнулся Дэниел. — Ну, что? Я пойду. У тебя есть вирт? Вот мой номер. Перезвонимся, когда будем выходить. Мне надо выспаться перед сегодняшним дежурством.

— И я, наверное, тоже прилягу. Только приготовлю место для Прести.

Но прилечь после ухода Дэниела не удалось. Луис обнаружила экран вирта общего вещания и быстро набрала Поиск по Прести. Выяснила, что зверь называется кошачий дракончик, что в основном водится в таких районах, как этот, потому что в районах для элиты его травят как грязную живность — как разносчика инфекций. Да, Дэниел прав. Кошачий дракончик на Кэссии воспринимается именно как крыса, с которой надо бороться до полного уничтожения.

Глядя на безмятежно дрыхнувшего Прести, Луис недоумённо покачала головой. Ну ладно. Понятно, почему кошачий. Погладить так и хочется. Но почему — дракончик? Из-за плоской головы? Или из-за строения вытянутого тела?

Она перенесла недовольно буркнувшего что-то спросонья Прести в импровизированную кухоньку и показала ему, разбудив запахами, его личную миску с кошачьим кормом. Зверушка, опущенная перед кормом, оживилась и сунула мордашу в миску. Хрумкнула двумя шпучками сухого кошачьего корма и завалилась снова дрыхнуть. Так что Луис отнесла его на кровать, надеясь перехватить Прести в тот момент, когда он начнёт делать свои дела по естественной надобности, чтобы показать ему ещё и кошачий лоток. Полюбовавшись на спящего Прести, свернувшегося в клубочек, она прилегла рядом и постаралась заснуть.

Ближе к вечеру она проснулась, оттого что приснилось нечто, заставившее её подскочить на кровати и проснуться с бешено стучащим сердцем.

Но вокруг стлыла тишина, не считая отдалённых звуков машин и еле слышных голосов. Она побрела в душевую умыться и прийти в себя. Но, умывшись, обнаружила, что стоит у входной двери, напряжённо прислушиваясь к происходящему на улице. Тихо. Она с облегчением вернулась к кровати, где разбуженный её скачком Прести что-то ворчал и зевал одновременно. Она погладила его, ещё раз удивившись, как он быстро к ней привязался и как она сама быстро привыкла к небольшой и тёплой ноше на шее. А потом он заполз на её плечо, и они пошли на кухню.

Единственное окно комнаты выходило на другую сторону, не на узенькую улочку. Немного поразмыслив, Луис приоткрыла фрамугу. Ворвавшаяся в помещение сырость оказалась терпимой, так что она согласилась сама с собой: пока дома, будет оставлять фрамугу открытой. А вдруг Прести захочется делать свои дела не в какую-то коробочку, а на улице? Хотя девушка не хотела бы, чтобы дракончик вообще вылетал куда-то. Меньше беспокойства, что зверушка опять попадётся каким-нибудь негодьям или дератизаторам.

Попивая кофе, она снова включила большой вирт-экран и нашла музыкальный канал. Топ десять лучших этого дня. Тайра в клипе была как всегда заводной и сногсшибательной. И, как всегда же, занимала первую строчку в топе. Луис присела на кровать. Прести потянулся было к её стаканчику с кофе, но фыркнул, чуть не разбрызгав горячий напиток, и отвернулся — вылизывать шерсть.

Вещи из рюкзака разложены по удобным местам, на кухне посуда помыта, когда засветился личный вирт с сообщением от Дэниела: «Выхожу через минут десять».

Ответила сразу: «Хорошо. Буду готова выйти».

Перед выходом постояла у зеркала, расчёсывая тёмные волосы, а потом надела имитацию тату, которая увеличила её уродство. Девушка внимательно оглядела своё лицо, а потом фыркнула и захохотала. Сидевший у зеркала на хвосте Прести покосился на неё и снова уставился в зеркало, старательно скребя его передними лапками.

Она закрывала дверь, когда в доме напротив — в пяти шагах от её дома! — открылась дверь, и на пороге появился высокий русоволосый парень. Довольно симпатичный и улыбчивый, он сразу весело кивнул ей и сказал:

— Ты моя новая соседка? Привет! Меня зовут Оливер. А тебя?

Кажется, новый знакомый привык к лёгкости знакомства. Но, прежде чем ответить, она помедлила и повернулась к нему полностью. И улыбнулась. Grimаса отвращения скользнула по его лицу, но он справился с нею быстро. Только серые глаза немного посерьёзнили.

— Подралась с кем-то?

— Ага, — с облегчением сказала девушка. — Меня зовут Луис.

И в это мгновение на пороге своей комнаты появился Дэниел. Тоже кивнул Оливеру и взял из рук Луис футляр.

— Твоя девушка, Дэниел? — спросил Оливер.

— Луис, ты моя девушка? — засмеялся Дэниел, но глаза смотрели внимательно.

— Пока не разобралась! — хмыкнула Луис. — А пока не разобралась — буду кошкой, которая гуляет сама по себе... — И добавила смеясь: — И поёт на всех крышах.

— Так ты имита? — догадался Оливер. — У кого работаешь?

— У Санни, — сказал Дэниел. — Оливер, мы пойдём. Санни нанял меня в качестве сопровождения Луис, так что теперь я буду выходить гораздо раньше.

— Вот как... Тогда — удачи!

— Спасибо, — вразнобой откликнулись Дэниел и Луис.

Когда они вышли из улочки-простенка между домами, Луис спросила:

— Вы знакомы?

— Сталкиваемся иногда, когда выходим, вот и привыкли здороваться. Луис, неплохо было бы пару раз показаться с этим Оливером на улице в дружеской обстановке.

— Чтобы... все решили, что я его новая пассия?

— Ты умная.

— А ты хитрый.

Вечер уже спустился, затаившись по углам домов непроницаемо чёрными тенями. Стало опять довольно прохладно. Правда, сегодня холодок не смущал Луис. Тёплый воротник плотно обёртывал её шею, ощутимо дыша в ключицу.

Они проходили мимо плотной толпы возле киоска со спортивными ставками, когда Дэниел вдруг обернулся к ней и втащил в компанию, оживлённо обсуждавшую ставки на решающую игру какого-то спортивного клуба. Прижав палец к губам, он вытащил из кармана куртки вирт и вопросительно кивнул. Она сообразила и тоже молча вынула свой вирт. Он взял и быстро выстукал несколько цифр. После чего отдал вирт ей и снова потянул за собой. Где-то через минут пятнадцать она спросила:

— И ничего не скажешь?

— Это номер моей личной спасательной службы. Но, думаю, пригодится и для тебя, —

без улыбки сказал Дэниел. — У меня бывают предчувствия. Так вот сейчас я ощущаю приближение чего-то опасного. Только учти: этот номер — для ситуации, которая становится совсем аховой. Когда другого выхода не найти. И вообще кругом мрак, а ты в беспросветном отчаянии. Когда поймёшь, что с этой ситуацией не справишься, когда происходящее на грани жизни и смерти, — звони. Помогут.

— Такое тоже бывает? Между жизнью и смертью? — Луис хотела улыбнуться, но почему-то не получилось. Слишком серьёзно говорил Дэниел.

— Бывает.

— Прости за лишний, может быть, вопрос. А почему ты сам до сих пор здесь, если у тебя есть такой номер-выручалочка? Ситуация не на грани?

— Угу. А ещё... Я уже говорил: мне нужно решить кое-что.

Уже спокойно Дэниел довёл её до входа в бар Санни, где их встретил сам хозяин, немедленно забравший футляр с гитарой. Здесь же Дэниел и Луис попрощались, и девушка с Санни вошла в бар.

... Дни превратились в неделю, потом в месяц, а из предчувствий Дэниела ничего не сбывалось. И девушка привыкла к упорядоченной жизни человека, у которого есть место для сна, есть постоянная работа, на которой она оказалась чудо как востребованной. Больше всего ей в новой жизни нравилось именно это — постоянство происходящего. Пару раз, по настоянию Дэниела, она прогулялась по району с Оливером, который, послушав её раз в баре Санни, признал, что она очаровательна в качестве имита...

... Пошла первая неделя второго месяца её новой жизни.

Луис прошла мимо девочек, которые собирались выходить для танцевального номера у шеста. Они тоже аплодировали ей, как и посетители бара. А высоченная красотка Юджина восхищённо сказала своим густым и глубочайшим контральто:

— Луисита, ты здесь второй месяц, а ещё ни разу не повторилась! Я начинаю верить, что ты и впрямь знаешь весь репертуар Тайры!

— Спасибо, Юджина! — радостно сказала Луис.

Она знала, что поёт хорошо, но получить в который раз признание, что у неё есть талант, — приятно. И вообще, оказалось приятно работать здесь, в этом небольшом баре, когда слушатели тебя не просто слушают, но и сочувствуют твоим эмоциям. Она впервые поняла, что значит — петь для единственного слушателя. И, представляя, что среди посетителей сидит и слушает её Дэниел, обращалась напрямую к нему. А слушающим казалось, что она обращается исключительно к ним. Луис уже знала, что многие приходят в бар Санни, ради того чтобы только послушать её пение. Да и сам хозяин бара относился к имита трепетно. Не зная музыкальной грамоты, Санни очень тонко чувствовал музыку. Хоть и выглядел порой как непрспавшийся, заросший щетиной слон...

Она пробежала по небольшому коридору в комнату-гримёрку — общую для всех, кто выступал в баре. Открыла дверь — и окунулась в тяжёлый воздух, напоённый приторно-сладкими запахами дезодорантов, пудры, лосьонов и дымом дамских сигарет. Ожидавшие своей очереди на выход девочки поприветствовали её, а девушка послала всем воздушный поцелуй.

Луис здесь любили. И она это тоже сильно ощущала. Началось всё с жалости, когда увидели её незаживающую царапину. Первую неделю девочки пытались уговорить замазать уродливый, постоянно мокнувший шрам. Но потом сообразили, что и в самом деле, как первым понял Санни, лучше царапину не маскировать. В конце первой же ночи выступления к ней с недвусмысленными предложениями подошли сразу несколько человек. Те, кто сразу не разглядел кривую полоску, уродующую её лицо. Санни пришлось только подойти и выслушать из уст подошедших комплименты его подбору имита. Затем с нею перезнакомились все завсегдатаи бара — и дискомфорта из-за не нужного ей внимания Луис больше не ощущала.

Для выступлений одевалась девушка несколько мешковато, в мужские костюмы, двумя размерами больше, иногда напоминая себе комика древних времён — Чарли Чаплина, только ростом повыше. Порой раздумывала даже, не прикупить ли театральный цилиндр в «форму» для выступлений.

Её пытались сманить хозяева других баров, но, к вящему облегчению Санни, она отказала всем. Ей хватало пяти-шести номеров за ночь. Боялась за голос, если честно. Тем более что хозяин бара после услышанных нескольких предложений со стороны удвоил ей оплату выступлений. На житеё хватало. Чего же больше? Между выступлениями она сидела в уголке и тихонько, не мешая болтовне присутствующих, репетировала следующее выступление.

В гримёрке она обычно ютилась в уголке, рядом со столиком Юджины. Тут же — на краешке трельяжа, громоздилось хозяйство Луис: плоская банка театрального грима, чтобы подчеркнуть кривой шрам; помада и вирт. Сейчас, после последнего выступления, Луис

интересовал только вирт.

Едва она протянула к нему руку, с плеча съехал Прести и обвил кисть. Тяжело, но мягко и тепло. «Муфточка!» — фыркнула Луис. И взяла вирт. И нахмурилась: вместо ожидаемого сообщения — пустой экран. Она даже перепроверила: последняя запись — та, что обычно оставлял Дэниел перед своим вечерним ожиданием у её двери. То есть: «Я здесь». А вот привычной фразы: «Жду!», которую он оставлял, дожидаясь её по утрам у порога в бар, нет.

Прести что-то тихо проскрипел.

— Сейчас-сейчас, — рассеянно сказала Луис.

На всякий случай, если Дэниел по каким-то причинам опаздывает, она решила сначала положить гитару в футляр, а потом ещё раз посмотреть, не появится ли новое сообщение. Едва гитара оказалась у неё в руках, Прести немедленно съехал на гриф. Пропели струны. Девочки оглянулись и увидели дракончика.

— Ой, кто там пропел! Прести, миленький!

— Лапочка! Прести! Иди к нам! У нас яблочко есть! — сразу засюсюкали девочки, ожидавшие в гримёрке выступления.

Ласкового, хоть и хулиганистого Прести хорошо знали в баре. Девочки всё удивлялись, каким образом Луис удалось приручить неприручаемого зверька. Уже в первый день своего пребывания в барной гримёрке Прести очаровал всех, принявшись нюхать всё, что под нос попало, — и в результате обчихал всех. Очарование чихающей плоской мордочки с вытаращенными от усилия глазищами оказалось непреодолимым. Гримёрка хохотала, выла от смеха, плакала навзрыд, а лохматое существо только таращилось на всех и продолжало чихать. За месяц Прести адаптировался к жутким запахам и лазил по всем столам, любознательно определяя, что он успел понюхать, а что новенького принесли ему на обследование.

Поняв, что дракончика отвлекли и он помчался к поманившим в надежде поживиться вкусненьким, Луис снова взялась за вирт. Пусто. Что делать? Некоторое время она задумчиво смотрела на пустой экран, а затем сама решительно вызвала Дэниела. Режим ожидания. Тишина. Она пробовала ещё раз и ещё... Тишина. Пока ещё только не понимающая, что случилось, она вдруг задумалась. Неужели он снова пил? Она помнила его пьяным только раз — в ту ночь, когда он спас её от бандитов, убивавших Прести. Но время от времени беспокоилась, как бы он снова не напился.

Нет. Не может быть, чтобы он напился...

Она подняла глаза как раз в тот миг, когда вернулся Прести. Дракончик с края столика скрипнул на неё вопросительно.

— Дэниела нет, — неожиданно для себя пожаловалась она ему шёпотом. — Не знаю, что делать. Сейчас идти одной — страшно. Темно ещё. А до утра здесь ждать не хочется.

Прести сел на краешек основательней, будто собирался слушать хозяйку дальше, но Луис уже усиленно думала. Теперь, когда нежданно-негаданно выпало свободное время на подумать, она начала кое-что вспоминать. То, на что почти не обращала внимания раньше. Девушка втиснулась в свой законный уголок гримёрки и насупилась.

В последнее время с Дэниелом что-то происходило. Провожая её, он иногда был каким-то... сосредоточенным настолько, что даже не слышал, как она к нему обращалась. А потом переспрашивал. А наутро приходил то с синяком на челюсти, то с разодранной кожей на скуле. И это совпадало: вечером — сосредоточенный, утром — будто подравшийся. В остальные дни он оставался обычным. Кстати, в первый раз, когда такое произошло, он так и

ответил: ночь была трудной, пришлось силой выволакивать буянившего клиента из бара, где он, Дэниел, и работает вышибалой. Луис тогда посочувствовала ему и больше не спрашивала, чувствуя, что такой разговор ему неприятен.

И только сейчас она совместила два наблюдения: сосредоточенность Дэниела и спустя несколько часов следы драки. И только сейчас подумалось: он — что? Знает, когда в его баре появится буйный клиент?

Додумать не удалось. Вошёл Санни, проверяющий, кто следующим должен идти на сцену, и увидел Луис.

— Ты до сих пор здесь? — удивился он.

— Дэниела нет, — спокойно ответила девушка. — Я дождусь, пока рассветёт, и пойду.

— Ну, ещё ждать будешь, — проворчал хозяин бара и тут же, противореча себе, велел: — Подожди тут немного.

Он ушёл минут на десять. За это время пришли девочки, выступавшие у шеста, мокрые, уставшие.

— Ты чего здесь сидишь? — тоже удивилась Юджина. И цапнула Прести дунуть ему в мордашку. Зверушка недовольно сморщилась и зашипела на нахальную девицу. А Юджина привычно чмокнула его в мокрый нос и замурлыкала сама, умиленно обзывая рассерженного дракончика кисонькой.

Луис невольно рассмеялась. А Прести выдрался из цепких пальцев Юджины и метнулся на шею хозяйки, откуда уже нагло проскрипел что-то нехорошее по поводу загребущих лапок некоторых девиц. Юджина захохотала.

Отсмеявшись, она повторила вопрос. Луис ответить не успела. Вернулся Санни.

— Хотел подвезти, но машины все в разъезде, — виновато сказал он.

— Санни, не беспокойся, — начала уговаривать его Луис. — Ничего страшного. Я пересажу здесь и пойду домой. — И уже Юджине объяснила: — Дэниел не пришёл. Он меня домой провожал. А по ночным улицам не хочу пешком идти.

— Тогда дождись меня! — скомандовала Юджина и сдёрнула с себя сверкающий пайетками бюстгалтер, не стесняясь мгновенно отвернувшегося Санни, который, что-то бормоча, вскоре ушёл. — Я на машине, и у меня есть время до выступления в другом баре.

— Девчонки, а вы куда? — с огромным любопытством спросила ещё одна из тех, кто выступал у шеста.

Ей объяснили. Через минуту гримёрка бушевала, словно встряхнули стакан с водой, куда для эффекта подбросили горсть сверкающих блестяшек, а Луис только ошарашенно смотрела, как девочки — числом семь, у пяти из которых машины, — стремительно переодевались, чтобы проводить имита до дому.

Опомниться не успела, как Юджина уже впихнула её в машину, и звонкоголосая женская ватага на машинах с открытым верхом промчалась по улочке к её дому. Даже Прести сбежал от оглушительных воплей и звонкого смеха своих знакомых дам под куртку хозяйки, откуда изредка высовывался, чтобы посмотреть, не закончился ли тот бедлам, так испугавший его.

— Ага!! Теперь мы знаем, где ты живёшь! — обрадовалась Юджина. — Придём как-нибудь — коктейльчиком угостишь?

— Может, зайдёте сейчас? — растерянно спросила Луис. — У вас же немного времени свободного должно ещё остаться?

— Нет, ты что! Пока доедем, пока грим поправим — минуты не останется! Но мнение

твоё учётом — заявимся как-нибудь!

И вся женская банда с кровожадными воплями и смехом улетучилась из узкого переулочка, который в первую минуту чуть эхом не дребезжал после остаточного звука налетевшей и снова умчавшейся компании.

— Такое впечатление, что у меня до сих пор в ушах звенит, — прошептала Луис то ли себе, то ли Прести, высунувшемуся из плаща посмотреть квадратными глазами вслед улетевшей кавалькаде.

Оглядевшись на всякий случай, девушка пошла в проулок-простенок между домами, размышляя, будет ли наглостью попробовать убедить Оливера, чтобы в следующий раз именно он приезжал за нею, случись что с Дэниелом. У Оливера машина есть. И имита Луис ему нравится. Правда, вставать рано утром... Навряд ли ему понравится — из-за не слишком близкой знакомой...

Она машинально вынула вирт включить вместо фонарика и машинально же прошла к своей двери, где только хотела достать ключ, как Прести внезапно выскочил из-за пазухи — на её плечо. Короткий скрип. Девушка испуганно обернулась. Нет, в проулок никто не вошёл. Но почему тогда Прести, каким боком она ни встанет, немедленно поворачивается в сторону выхода?

Нет. Она посветила виртом на мордочку зверя. Выпуклые глазища вглядывались не в выход из проулочка. Они смотрели ближе. На дверь в комнату Дэниела.

Поколебавшись, девушка сделала привычные четыре шага к двери Дэниела. Посветила на неё виртом и озадаченно нахмурилась. Дверь приоткрыта. Даже зазор виден между самой дверью и косяком. Приоткрыта? Здесь, в бандитском районе?

Луис осторожно стукнула в дверь кончиками пальцев.

Отклика нет.

Тогда она решилась и вошла, уже захлопнув за собой дверь. Мало ли... Если её внимание направили на неправильность в жизни, ещё не значит, что эту неправильность не заметит кто-то другой, для кого человеческая жизнь ничего не значит.

А захлопнув, включила свет.

Дэниел лежал рядом с кроватью, расслабленно, раскинув руки. Так, как он упал пьяным там, у контейнеров. Луис с облегчением засмеялась и поспешила к нему помочь.

Два шага — и с плеча раздался резкий шип. От неожиданности девушка застыла на месте. Посмотрела на неподвижное тело, затем на своё плечо.

— Он же... Пьян?

Но теперь Прести молчал. Только глазища сияли мрачной зеленью.

Луис уже встревоженно наклонилась над неподвижным телом Дэниела и только протянула руку, как отдернула её. Странная мысль закрадась: а если это не Дэниел? Ну нет — возмутилась она тут же. Как это не Дэниел? Одежду его она наперечёт знает! Это его джинсы, его куртка и даже его ботинки!

— Дэниел! — позвала она на всякий случай. А потом решительно отложила футляр с гитарой и, крепко взявшись за плечи мужчины, приподняла его перевернуть.

Тяжёлое тело едва не выпало из мгновенно ослабевших пальцев, когда она увидела его лицо. Сплошная чёрная маска, до сих пор кровоточащая.

— Господи, Дэниел...

Она снова положила его на пол, быстро сняла с себя плащ, быстро побежала на его кухню — налить в самую большую тарелку тёплой воды и прихватить все салфетки и

бумажные и тканевые полотенца, какие только нашла в его душевой. Перенесла всё к телу Дэниела, вспомнила, где находится домашняя аптечка, и принесла и её.

Утро превратилось в кошмар. Сначала снять видимые следы крови. Потом продезинфицировать имеющиеся рассечения и кровоподтёки. Потом с трудом раздеть тяжёлого мужчину и сдерживать себя, чтобы в голос не плакать над растерзанным телом — впечатление, что Дэниела чуть не под колёсами давили. Но на плач времени нет. И тогда вынужденная деловитость перешла в новое качество — в ненависть к тем, кто сотворил с Дэниелом весь этот ужас. И, ненавидя и размышляя о случившемся, Луис осторожно вминала в кожу гель, убирающий синяки. Геля, кстати, в аптечке Дэниела оказалось много. Он специально купил всё это? Предполагал, что так дело обернётся?

А потом появилась проблема. Дэниел всё не приходил в себя, а перенести его на кушетку сил нет. Вот когда Луис пожалела, что Прести не предупредил её о Дэниеле раньше, когда девушки из бара, провожавшие её, всё ещё оставались рядом с проулком. Впрочем, предупреди он её тогда, она бы и не поняла, чего добивается от неё дракончик.

Но оставлять Дэниела на полу просто нельзя. Ночи мало того прохладные, так на полу, естественно, температура гораздо ниже. Прихватит воспаление лёгких...

Девушка растерянно огляделась. Ну ладно, с кушетки она снимет и протащит под него одеяло. Но этого мало. Значит, надо сходить к себе и принести матрас и своё одеяло. Она теплолюбивей Дэниела, который спит без верхнего матраса, на одной кушеточном, так что постельного добра у неё больше.

Но перед дверью из комнаты Дэниела Луис замерла. Войдя, девушка закрыла её за собой. Но перед тем как войти, заметила, что дверь открыта. Что это значит? Дэниел пришёл не сам. Его привезли сюда и бросили у кушетки.

Вынув из кармана нож, Луис отогнула из рукояти лезвие. Ну и пусть, что смешное оружие. Зато — оружие. После глубокого вдоха девушка открыла сенсорный замок. Уже усевшийся на плечо Луис Прести издал решительный скрип, явно подгоняя девушку.

Дракончик до сих пор руководил Луис только тогда, когда она его кормила. Мог шипеть, если в банке, предназначенной для него, ещё оставался кусочек, а девушка пыталась припрятать этот кусочек на завтра. Мог обиженно верещать, если со стола Луис ему не перепало ничего, хотя приглянувшийся кусочек (убеждённо верил он) являлся просто необходимым для бедного голодного зверя.

Значит ли этот его скрип сейчас, что за дверью, в проулке, никого?

И вообще... Пока Луис здесь трусливо размышляет, у кое-как укрытого Дэниела, лежащего на полу, постепенно падает температура. Эта мысль как ком снега, резко сунутый за шиворот. Луис поспешно толкнула дверь и вышла.

Она перетащила в комнату Дэниела не только постельные принадлежности, но и лекарства из своей аптечки. Одна мысль заставила её замереть на месте: а если те, кто бросил Дэниела здесь в таком состоянии, вернуться? Умней было бы перетащить его к себе. Но, пока он в отключке, сделать это невозможно. Луис с сожалением подумала, не заняться ли ей атлетизмом. Но по зрелому размышлению отказалась. Не всегда же она будет попадать в такие ситуации, как сейчас.

Так что девушка крепко закрыла входную дверь в комнату Дэниела. Дверную ручку подпёрла на всякий случай найденной жёсткой пластиковой палкой с чашкой на конце — кажется, вантузом, — из душевой. А затем поставила специальные коробки и блюдца для Прести и полностью перешла к работе с Дэниелом.

По второму разу намазала его оставшимся гелем, завернула во все одежды, какие только нашла и осторожно перекатила вялое тело на приготовленные на полу спальные принадлежности. Может, надо всё-таки привести его в сознание? Есть пара приёмов, которые Луис знает. Или лучше, если он будет без сознания, чтобы не чувствовать боли? Говорят, человек, ощущающий боль, плохо выздоравливает. Тогда ладно. Пусть сам приходит в себя. Так будет естественней.

Луис потрогала лоб Дэниела, для чего откинула прядь волос. Холодный. И лицо непонятное. Из-за кровоподтёков. То ли Дэниел кривится от боли, то ли только кажется... Но лоб холодный.

Луис оглянулась на дверь. Вроде крепко закрыла. Для желающего просто открыть. Но не для желающего во что бы то ни стало вломиться в комнату.

Ну и что...

С края кушетки что-то тихо прошелестел Прести. Он уже устроился спать: бодрствует обычно с хозяйкой и спит тогда, когда засыпает она.

Девушка снова с сомнением посмотрела на мужчину, лежащего на куче тряпья и укрытого целой горой тряпок. А лоб холодный. И её постельные принадлежности всё равно все или под ним, или на нём... Луис решительно сняла джемпер и влезла под гору тряпок. С трудом повернула безвольное тело так, чтобы оно словно привалилось к ней. И обняла его. Она не слышала дыхания Дэниела, пока его голова не оказалась на её плече. Сомкнула руки за его холодной спиной, переплела пальцы и вздохнула.

Сомкнутые в «замочек» пальцы постепенно нагревались. Она ещё пожалела, что не сообразила нагреть воду и налить в бутылки, которых наверняка много у него на кухне. Так греть его слишком долго, и как бы не замёрзнуть ей самой.

Но спать хотелось...

Поэтому Луис постаралась расслабиться и думать только о своих тёплых ладонях. Пусть они станут для Дэниела грелкой.

И уснула.

И приснился сон, которого она давно не видела, но который до появления в её жизни Дэниела снился довольно часто.

Она в помещении. В очень большом. Трудно даже разглядеть очертания стен вокруг. Помещение набито странными вещами, некоторые из которых спящая Луис знает, а некоторые из них для неё загадка. Но загадка такая — из тех, про которые знать необязательно. Луис стоит рядом с микрофоном и пытается петь. А голоса нет.

Ей кричат со стороны, требуют, чтобы она начала петь. Но девушка открывает рот и не может издать даже звука. Только сип и хрип. Теперь уже на неё не просто кричат, а орут — с невиданной злобой. И она напрягает горло, пытаясь выдать из себя звук. Но всё тщетно. И тогда к ней подбегает человек. Женщина. Она бьёт Луис по лицу — и резкая боль пронизывает всё тело девушки. Она пытается закрыть лицо руками, но женщина, лица которой не видно, снова наносит удар, и Луис вздрагивает, пятится.

Женщина продолжает бить её и что-то отчаянно кричит при этом. И девушка пытается вслушаться, чтобы понять смысл её крика. Не понимает. Но даже во сне понимает, что не собирается просить о пощаде, хотя её бьют всё ожесточённей. И не потому, что не осталось голоса. А потому что не за что.

Внезапно Луис бьёт ногой по стойке с микрофоном, бьёт по ноге женщины, избивающей её. Та корчится от боли, а Луис стремительно спрыгивает с какого-то

возвышения, перепрыгивает мотки проводов и несётся к двери. Она знает, что дверь где-то рядом! Щека болит так, будто с неё живьём сдирают кожу, но это лишь повод не плакать! А снова ненавидеть!

... Зажавшаяся во сне, девушка, сама того не замечая, в поисках защиты втискивалась в тело мужчины, который постепенно приходил в себя и понимал, что лежит не один. Ему было больно. Хоть и не так, как совсем недавно. Минуты спустя он начал соображать, увидел в сером рассветном сумраке темноволосую голову, машинально дотронулся до царапины на её лице... Теперь он сам обнял девушку и, осторожно выпростав руку из-под одеяла, стал поглаживать её по голове, утешая и успокаивая.

Старый принцип: тебе плохо, но ты мужчина. Она пришла к тебе за утешением или не за ним, но всё равно помоги ей, чтобы она помнила, что ты рядом, что ты сильный и что ты ей защита. Дэниел всегда следовал этому принципу. И сейчас, пробуждаясь из небытия в мучительную боль, от которой начинало волком выть тело, он осторожно высвободился из объятий девушки, чтобы самому обнять её.

В полусне, постепенно просыпаясь, почувствовала: лежит она на боку, головой на чьём-то горячем теле, обнимая его за плечо. А на её спине, придерживая в этом, близком положении, чья-то же горячая ладонь. Возвращаясь в ясную реальность, Луис сообразила и напряглась. Ему же больно!..

— Что-то вспомнила? — хрипло прошептал Дэниел.

Не поднимая головы: не убрал ладони с её спины, значит, есть время полежать с ним! — Луис с тихой улыбкой ответила:

— Вспомнила. За месяц с лишним ты ни разу меня не поцеловал.

Его тело тоже напряглось под её ухом.

— Почему ты вспомнила?..

Он не договорил, но она поняла: почему она вспомнила об этом именно сейчас?

— Мы уже в одной постели, — улыбнулась она, — а стадии поцелуев не было. Смешно.

— Для тебя... — он передохнул, прежде чем продолжить. — Это важно?

— Пока не знаю. Ты совсем проснулся?

— ... Да.

— Потерпишь перед туалетом минут пятнадцать? Я сделаю тебе массаж, чтобы снять одеревенелость мышц.

— Сделай.

Она осторожно поднялась и отодвинула с себя одеяло. Прежде чем встать, она заметила, что Дэниел смотрит на неё насторожённо. В комнате уже светло, так что можно увидеть и то, что ему наверняка хотелось бы скрыть. Луис скользнула глазами по его вспухшему лицу со словно остекленевшей сукровицей на рассечениях кожи, по телу и улыбнулась. Если он ожидает, что она испугается и будет слезливо жалеть его... Не дождётся. Она решительно встала на колени перед ним и взяла тюбик с остатками геля.

Про одеревенелость мышц сказала, чтобы отвлечь его, а самом деле она умеет делать массаж, снимающий половину боли. Ему это сейчас очень нужно. И Луис принялась разминать его мышцы. По вновь напрягшемуся телу она поняла: он боится её прикосновений. Думает, что она непрофессиональная массажистка, а уступил лишь потому... Потому что ей хотелось помочь, а ему это понравилось.

Девушка улыбнулась. Ей сегодня почему-то очень легко прочитывать его неосознанные или скрытые намёки на движение и на чувства.

Что ж, она и в самом деле непрофессионально делает массаж. Но однажды её, вместе с обучением нужным точкам, научили входить в состояние, при котором пальцы очень чувствительны к той работе, которую делают. Так вот: уж в этом-то она уверена — что не причинит боли, а снимет её.

Уже минут через пять Дэниел расслабленно вытянулся на полу, полностью подчиняясь всем слегка подталкивающим требованиям умелых и сильных рук. Он даже спокойно перевернулся на живот, когда Луис подтолкнула его в сторону. И лишь спустя мгновения понял:

— Ты же не сказала, чтобы я перевернулся...

— А тебе когда-нибудь делали такой массаж?

— Нет.

— Тогда лежи и слушайся. Моих рук, — смеясь, сказала девушка. Смех дался ей нелегко. Храбриться можно сколько угодно, но вид опухшей, несмотря на впитавшийся с ночи гель, спины, да ещё в тёмных пятнах... Она длинно, бесшумно выдохнула, пока он не видит. Кажется, особенно здорово били по почкам. Если синяки и кровоподтёки ей снять несложно, что делать с внутренними повреждениями?

— Луис...

Она перевела взгляд на его лохматую голову и увидела Прести. Тот лежал перед лицом Дэниела изогнувшейся меховой гусеницей и пристально таращился на него.

— Ты его позвал?

— Сам. Смотрит.

— Тебе неприятно?

Вместо ответа он дёрнул плечом. Сам не разобрался.

Но и зверёк не думал долго сидеть перед лежащим человеком. Луис еле уследила глазом, как серая меховая полоска с кофейной подпалиной метнулась вдоль тела мужчины, перескочив через руку, и затормозила у талии. После чего легко вскарабкалась на поясницу, на те самые пятна, оставшиеся от ударов по почкам, и улеглась.

— Что?..

— Ничего не понимаю, но Прести улёгся тебе на поясницу, — сообщила озадаченная Луис, глядя на неподвижного дракончика, закрывшего глаза. — Нет, я, конечно, слышала, что кошки ложатся на больные места людей и вроде как лечат, но... Дэниел, потерпишь Прести на себе?

— Он горячий. Становится, — с каким-то недоумением и будто прислушиваясь к своим ощущениям, сказал Дэниел.

На всякий случай Луис накинула на плечи Дэниела сложенное одеяло. Неизвестно, долго ли будет лечить (в чём теперь сомнений не оставалось) Прести Дэниела, но больной мёрзнуть не должен ни в коем случае!

— Тебе что-нибудь под живот подложить, чтобы поудобней?..

Он покачал головой. Чтобы спросить, она присела на пол, на бедро, рядом с ним, и Дэниел нерешительно протянул руку, чтобы положить свою ладонь на её кисть. Может, он всё-таки чувствовал вину из-за её шуточной укоризны из-за не бывших в их жизни поцелуев; может, ему так было легче переносить лечение... Только следующие мгновения объяснили: если они готовились к длительному лечению, то готовились зря.

Дэниел внезапно содрогнулся, как от резкой судороги. Одновременно его лицо исказилось гримасой сильнейшей боли... И — всё. Тяжело и шумно дыша, он приподнялся на локтях, чтобы взглянуть назад. Луис, испуганная, уже сидела перед ним на коленях, заранее чувствуя вину, если, разрешив Прести своевольничать в надежде на помощь, снова заставила Дэниела пережить боль.

Серый воротник безвольной тряпочкой съехал с поясницы Дэниела, едва мужчина приподнялся на локтях, и теперь лежал неподвижно, почти потерявшийся в складках смятой постели. Луис, сообразив, что Дэниел после судороги, как ни странно, чувствует себя неплохо, бросилась к зверушке. Прести с трудом открыл один глаз, потом закрыл и что-то проскрипел.

— Ну, Прести! — обрадовалась Луис. — Живой! А то когда он упал с тебя, мне показалось... — Обернулась она к Дэниелу и подняла брови.

Мужчина уже стоял на ногах, придерживая на бёдрах простыню, в которую она закутала

его ночью, чтобы не измазаться в остатках геля. Судя по слегка обеспокоенному виду, он вслушивался в себя — и не верил.

— Боли почти нет, — сказал он наконец. — Я себя впервые чувствую так, что... — И он снова замолчал, с удивлением засмотревшись на серый воротник в руках девушки. — А говорят — бесполезные... — Он вскинул глаза на Луис. Попытался усмехнуться. — Может, пошататься вокруг контейнеров и поискать такого лекаря себе?

— Не разговаривай, — велела ему Луис. — У тебя кровь на лице.

После того как исказилось лицо, Дэниел потревожил с трудом затянувшиеся кровоподтёки. Не отпуская с рук Прести, девушка снова промокнула кровь на лице Дэниела и только после этого отпустила его привести себя в порядок в душевой.

Когда он, всё ещё пошатываясь на ходу, закрыл за собой дверь в душевую, она снова взглянула на Прести. И улыбнулась: зверушка всюду молотила короткими лапками по её ладоням, отпихивая их.

— Хочешь самостоятельности? Иди.

Луис нагнулась и отпустила дракончика на пол. Тот сначала растянулся той же плоской тряпочкой, а затем — сначала неуверенно, а потом спокойней — принялся передвигаться по полу, кажется, стремясь изо всех сил попасть на ночное ложе для двоих.

— Если ты такой лекарь, — задумчиво сказала Луис, подняв его и переложив на ещё тёплое ложе, — почему ты мне царапину не вылечил? Мы ведь с тобой месяц вместе. Или ты только ушибы можешь лечить? Что ж, примем эту мысль за аксиому.

Прести чуть-чуть повернул голову в её сторону, и девушке показалось, что он что-то вполголоса пробормотал. Сейчас она бы ни за что не удивилась, если бы он заговорил по-человечески. Но дракончик зарылся в складки одеяла и свернулся в клубок.

А Луис услышала шум воды. Выпрямилась и быстро подошла к внутрискрипному шкафу. В таких шкафах в её комнате хранились, как она теперь знала, ширмы для перегородок между комнатками. Что хранилось у Дэниела? Она подспудно, смутно чувствовала, что он вряд ли сам ответит на вопрос, заданный в лоб. Поэтому, несколько не сомневаясь, положила ладони на дверь встроенного шкафа-купе и сдвинула её.

Тренажёры — насколько она поняла. Причём такие, которые легко смонтировать — за какие-то минуты, а потом размонтировать — за ненадобностью.

Кое-что в этом она понимала: брат занимался в тренажёрном зале и, маленькую, водил её с собой, когда посидеть с ней было некому. А подростком уже она сама бегала за ним, если вдруг он нужен был по дому или ей хотелось просто погулять с ним. Пока у него не появилась девушка... Все эти тренировочные системы понятны в комнате человека, который работает вышибалой и потому вынужден поддерживать физическую форму. Но не слишком ли много здесь тренажёров? И не слишком ли среди них много изошрённых систем, для простой охраны, в общем-то, ненужной?

Кто-то внутри логично возразил: а если Дэниел привык поддерживать форму на уровне? Если занятия на тренажёрах у него простое увлечение? Многие увлекаются тем, что качают мышцы. До сих пор бодибилдинг в почёте у многих мужчин. Почему бы и её соседу этим не увлечься? Всего лишь хобби...

Но тем не менее Луис закрыла дверь шкафа-купе в глубокой задумчивости, тоже достаточно логично пытаясь совместить тренажёрные системы и избитого Дэниела.

Может, он спортсмен? Профессиональный? Из тех, кто дерётся за деньги? Луис слышала немного о бойцовских клубах. Они в большинстве своём легальные. А желание

мужчины заработать на силе и умении драться Луис тоже хорошо понимала.

Ко времени, когда Дэниел вышел из душевой, Луис оделась (спала в обычных штанах и в маечке) и была готова к выходу.

— Ты куда? — удивлённо спросил мужчина, с невольной улыбкой наблюдая, как дракончик ползёт по её штанам, затем хватается за полу плаща и пропадает под ним, после чего появляется наверху, на отворотах, и снова сам превращается в воротник.

Луис привычно погладила спинку застывшего на её шее дракончика.

— Закончился весь гель. Сбегаю в аптеку, посмотрю, что можно взять. Есть какие-нибудь предложения по продуктам?

— Нет, спасибо. У меня холодильник забит готовкой. Но разве ты знаешь, где?..

— Знаю. Мы же ходили с Оливером.

Она повернулась было к двери, как услышала позади:

— Луис, ты серьёзно сказала о... — Он замялся. — О стадии?

— Дэниел, конечно, пошутила. Но если тебе хочется...

Она быстро подошла к нему и чмокнула в край подбородка. И засмеялась, отстранившись. Ему пришлось ладонью придерживать собственный рот, чтобы не засмеяться. И снова спросил:

— Что?

— Наверное, неделю тебе нельзя будет бриться. Представляю тебя бородатым!

Он недовольно засопел, но девушка снова потянулась к нему поцеловать. Он увидел это движение и показал пальцем на собственные губы.

— Сюда! Вдруг ты тоже лекарственная? Тогда стадию всё-таки можно будет опробовать уже через несколько часов!

Она засмеялась снова и с удовольствием, после чего поцеловала его, причём Дэниел осторожно приобнял её и склонился, чтобы ей было удобней дотянуться до него.

— Колючий, — сказала она и ласково погладила его по щеке.

Он открыл ей дверь выйти.

Почти одновременно распахнулась дверь напротив, в комнату Оливера. И он сам показался на пороге, полуобернувшись закрыть её на замок.

— Соседи, привет!

Дэниел кивнул ему и закрыл свою дверь.

Дракончик, как обычно при виде Оливера, бесшумно соскользнул за пазуху хозяйки. Почему-то он не любил показываться соседу.

А Оливер вдруг споткнулся и, лишь вовремя схватившись за дверную ручку, удержался на ногах. Луис, уже проходившая мимо, остановилась.

— Что случилось?

— Что... с Дэниелом? — изумлённо спросил он.

— Подрался с кем-то, — легкомысленно сказала Луис.

— И уже на ногах — в таком состоянии? Судя по лицу, его побили сильно, — поспешно добавил он. — А ты? Ты раньше не выходила днём.

— Кончился противовоспалительный гель, — объяснила девушка, — а у Дэниела ещё не всё зажило. Пойду в ту аптеку, что на галерее за углом.

— Подожди, я с тобой хоть немного пройду. — Он быстро подошёл к Луис и спросил: — Ну что? Вы теперь вместе? Прости за столь откровенное любопытство.

— Не поняла. Почему — теперь?

— Ну, ты вышла из его комнаты, — сказал Оливер. — Да и он давно неровно к тебе дышит. Хочешь сказать — для тебя это новость? Я не сплетник, если что... Знаешь ли ты, что Дэниел бегает в твой бар на время твоих выступлений? Я пару раз был с ним. Хорошо, что Санни сделал расписание и Дэниел может поменяться со вторым охранником...

Он посмеивался над нею, не разглядевшей влюблённости Дэниела, а ещё болтал о том, что Дэниел показывает все внешние признаки влюблённого... А девушка чувствовала, как кровь отливает от лица. Нет, только не это... Да, ей нравится Дэниел, ей нравится петь для него одного, представлять, что именно он сидит в помещении бара Санни, нравится думать, как здорово они дружат... Но... Привязанность... А тем более — любовь?! Нет, нельзя!

Оливер в очередной раз заглянул ей в лицо и удивился:

— Луис, с тобой плохо? Ты побледнела.

— Мало бываю в дневное время на улице, — с трудом улыбнулась она.

У порога в минимаркет, внутри которого уютился аптечный пункт, они распрощались, и Луис вошла в магазин. Пока она разглядывала полки с гелями — слепо смотрела на них, не видя, ужас охватывал её всё больше. Она перебирала слова Оливера и, словно пелена спадала с глаз, когда понимала, что он прав во всём. Как же она-то не заметила, что Дэниел... привязался к ней? Совместные хождения по вечерам и по утрам не могли не заставить его проникнуться к ней симпатией. Даже страшная царапина, на которую до сих пор без содрогания смотреть не мог Оливер, не испугала Дэниела... А она-то думала, что между ними только близкие отношения близких друзей. А тут ещё серьёзно воспринятая им стадия поцелуев, о которой она сказала шутливо!.. Господи, что делать ей в этой ситуации?..

Из минимаркета она вышла с нужным подбором гелей и с окончательным решением исчезнуть с Кэсси, едва выздоровеет Дэниел.

Вернувшись, она заставила его лечь и быстро сделала ещё один массаж, вминая в него лучшие гели. И только затем заторопилась уйти.

— Луис? — недоумённо окликнул её Дэниел. — Ты уходишь?

— Да, мне бы хотелось выспаться перед работой.

— Но ты же можешь выспаться и здесь!

— Дэниел, понимаешь, — неловко сказала девушка, — я сильнее засыпаю, если дома.

— ... Понимаю, — чуть разочарованно сказал он. — Зайдёшь ко мне перед выходом на работу? Я позвонил к себе, что не смогу сегодня прийти, и попросил сменщика забежать ко мне, чтобы проводить тебя.

В своей комнате она села на кровать и задумалась. Санни не подписывал с нею контракта. С ним нетрудно договориться, что она работает в его баре ещё, скажем, неделю, а потом уходит. Затем — за эту неделю выздоровеет Дэниел и тоже не будет нуждаться в ней. В конце концов, возможно, он не влюблён, а лишь тянется к ней, как к женщине. К женщине одинокой, которая живёт рядом и которую так нетрудно пожалеть.

Чувствуя внутри себя пустоту, которая разрастается, Луис прикусила губу.

Придётся расстаться со всеми, с кем была дружна. Оказывается, на этот раз связей с людьми, которые к ней хорошо относятся, гораздо больше. Трудно будет их рвать. А Прести? Сможет ли дракончик пережить перелёт на другую планету? Хотя он постоянно на ней (Прести высунулся из-под руки и скрипнул), так что проблем с переездом зверька точно не будет. Луис жёстко растёрла лицо ладонями. Вот ведь влипла...

Она зашла к нему за полчаса обычного времени выхода на работу.

Обложенный подушками, на которые он опирался, полужёжа, Дэниел выглядел

хорошенько выпавшимся, так что она смогла весело сказать:

— Вот видишь, как хорошо, что я ушла! Небось, и ты выпался неплохо!

— Выпался, — подтвердил Дэниел, усмехаясь уголками губ — рассечения не давали ему улыбаться в полную силу.

— Я же просила замазывать сразу, — сердито сказала Луис, быстро направляясь к нему, чтобы наложить смягчающую мазь на кожу вокруг его рта.

— А нечего было уходить! — поддел её Дэниел. — Осталась бы — за всеми назначениями проследила бы. — И уже серьёзно спросил: — Луис, мне показалось, я переступил в наших отношениях что-то такое, отчего стал тебе...

— Не торопись, — перебила девушка. — Я не совсем поняла: а у нас были отношения? О поцелуях я сказала шутя. Мне показалось — мы просто хорошие друзья.

Он замолчал. Но его молчание было ощутимо тяжёлым. Наконец он зашевелился и с трудом опустил ноги за край кушетки, сел. Похлопал рядом с собой.

— Хорошо. Если тебе нравятся дружеские отношения, останемся друзьями. — После этих слов она неловко села рядом, но не близко, а Дэниел продолжил: — Только, Луис, прошу тебя — не отказывайся, ладно? Когда мне показалось, что отношения у нас выходят за рамки дружеских, я купил тебе небольшой подарок. Так, безделушка. Вот. Возьми.

Он протянул ей тонкий золотой браслет с вкраплениями мелких драгоценных камней. Луис, зачарованная посвёркиванием, с трудом оторвала взгляд от браслета и испуганно замотала головой.

— Это дорогая вещь! Я не могу её принять!

— А мне куда её девать? — пожал плечами Дэниел. — Назад, в магазин? Бери. Пусть будет на память. О нашей дружбе.

Она быстро взглянула на него.

— Дэниел... Мне нельзя, понимаешь? Нельзя...

Он сидел, ссутулившись, тяжело положив руки на колени.

— Да всё я понимаю! — с неожиданной досадой сказал он. И встал, тяжело сделал несколько шагов по комнате. Лохмы волос упали на лоб, и он машинально мотнул головой, чтобы убрать их с глаз. — И что в твоей жизни есть какая-то тайна, из-за чего ты прячешься так, что на улицу без чёрных очков не выходишь, и поэтому поёшь у Санни, а не подмостках какого-нибудь шикарного ресторана. У тебя же шикарный голос. И петь ты умеешь по-настоящему... И, может, имя-то твоё не настоящее! Ты, случаем, не от мужа сбежала? Может, тебя ищет полиция, потому что ищет тебя твой муж?

— Я не замужем, — вставила она. И он замолчал. — И вообще... Кто бы говорил. Ты же не скажешь, что за плохой клиент побывал вчера ночью в вашем баре, против которого ты не выстоял. Так что — квиты.

— Меняем? — внезапно предложил он. — Я говорю, что было ночью. Ты — почему прячешься. Как?

— Ты первый, — уже заносчиво сказала она. — А то вдруг я скажу, а ты — промолчишь.

Он усмехнулся, сумев на этот раз усмехнуться выразительно: смягчённая кожа позволила не лопнуть зажившим царапинам.

— Ты правда согласна?

— Да.

— Я участвую в легальных боях без правил. Есть тут один клуб.

— Зачем? — с недоумением спросила она.

— Что — зачем?

— Ну, зачем ты участвуешь в боях, из-за которых выглядишь будто задавленный машиной? Зачем тебе это?

— Про «зачем» условия не было, — угрюмо отозвался он. — Теперь твоя очередь.

Она отвернулась, собираясь с мыслями и с духом. С минуту, наверное, продумывала, как сказать то, о чём никогда бы не сказала. Дэниел терпеливо ждал.

— Я... — Она подняла голову посмотреть на него. У неё перехватило дыхание, но она упрямо продолжила: — Я убила человека. И теперь за мной гоняется вся полиция Содружества. Я убийца, понимаешь? Поэтому я всё время сбегаяю. Поэтому мне нельзя ни к кому привязываться. А тут ты... Не хочу. И нельзя.

Луис опустила голову, напрягшись. Прести вынырнул из её плащика, ласково потёрся мордочкой о её щеку, но, не дождавшись ответной ласки, снова спрятался в плащ.

Дэниел постоял немного и сел рядом с девушкой. На этот раз очень близко, чтобы обнять её и попытаться прислонить к себе. Она только раз взглянула на него сухими жёсткими глазами и снова отвернулась. Но к его плечу прислонилась.

Сменщик Дэниела приехал на машине, так что на работу Луис попала чуть раньше обычного. Пока она сидела в комнате, рядом с Дэниелом, почувствовала: её губы словно онемели — говорить не хотелось. Мельком прошла равнодушная мысль: а если пропадёт голос? Забудь — сказал кто-то беспощадный. И работай.

Но в баре она оттаяла сразу. Девочки так её обнимали, хохоча и целуя, вспоминая весёлую и громкую поездку по ночным галереям, что она, даже заледеневшая, не могла не откликнуться на их тёплый приём. А ещё от неё ожидали сказки — сказки волшебного голоса Тайры под живую гитару. Правда, о Тайре как-то не упоминалось в последнее время. И Луис просто диву давалась: впечатление, что все подзабыли про имита Тайры, но помнили о певице Луис.

И это страшно, что её так приняли, — пришла к печальному выводу девушка. Теперь, когда забрезжила необходимость исчезнуть, бегство походило на выход из тёплого уютного дома в ледяной колючий ветер.

Потом все успокоились и в лёгком, уже деловитом гомоне принялись готовиться к своим номерам. Луис, усевшись с гитарой в свой уголок и потихоньку подбирая аккорды к песне, твёрдо решила продумать, что же произошло и что делать дальше. Увы... Через минуты она сообразила, что думает только об одном — о словах Дэниела: «В наших отношениях...» Девушка попыталась взглянуть на ситуацию его глазами... Пальцы, перебиравшие струны, замерли. Увидела. Но своими. Она каждый вечер с нетерпением ждала, когда звякнет вирт с сообщением, что он выходит. Каждое утро — после своего последнего номера радостно кидалась к вирту, чтобы увидеть запись, что он ждёт её у порога бара Санны, чтобы проводить домой. А Дэниел, которому было всё равно, есть ли у неё шрам на лице, нет ли, откликнулся на её радость, на её ожидание, что он будет рядом... Получается, она не заметила, что влюбилась сама?

... Дракончик, ворча, влез на корпус гитары и быстро протараторил серию чавкающих звуков, напоминающих нечто вроде: «Чак-чак-чак!» Едва Луис очнулась от размышлений, как он быстро улизнул под стол. Девушка удивлённо взглянула ему вслед, и тут её позвали в зал. Она, вставая, даже усмехнулась: неужели Прести сообразил, что её сейчас позовут?

Вернувшись после выступления в гримёрку, девушка снова присела в уголке. Невольно мысли обратились к Дэниелу. Неизвестно, сколько времени она продержится на Кэсси, но сейчас она вдруг поняла, что теперь её любопытство намертво приклеилось к другим словам Дэниела. Точнее — к его отрицанию. Он не захотел сказать, почему участвует в этих боях без правил. Нет, было бы понятно, если бы он сказал — за деньги. Но он не захотел говорить. И участвовал он в боях, судя по ссадинам на лице, только в последние дни. И чем больше думала об этом Луис, тем больше ей казалось, что не очень-то он хочет в них участвовать.

В общем, наверное, авантюрная жилка в ней точно есть.

Луис решила серьёзно: надо своими глазами увидеть, как это происходит. В смысле — эти самые бои. И почему Дэниел после боя этой ночью выглядел так, будто по нему прошёлся танк. Хотя до сих пор были одни ссадины.

... Кто-то потряс её за плечо.

— Луисита! Ты заснула?

— Нет, задумалась немного.

— Луисита, давно хотела спросить: почему ты постоянно в одном и том же ходишь? Ведь теперь, когда все знают, что у тебя Дэниел в парнях, ты можешь позволить себе и платье, а то ходишь... такой... Ну понятно, какой.

— Но Дэниел... — начала Луис и примолкла. Вот ещё одно доказательство, что она слепа и глуха оказалась и к собственным чувствам, и к чувству другого человека. А со стороны, оказывается, видней. — Я подумаю, как одеться, — уже улыбнулась она.

— И ещё. Девочки наши давно шушукаются, почему ты здесь?

— Где — здесь?

— В баре. Почему не выступаешь где-нибудь в шикарных залах? Сколько есть имита, которые переходят на другие подмостки, отпев своё в кабаках! А ты — застряла тут.

— Юджина, у меня проблема, — вздохнула Луис. — Если ты такое слышала — про сценобоязнь. Я боюсь выступать с большой сцены. Легче сесть на краешке в небольшом помещении и отпеть небольшой номер, чем простоять целый концерт перед микрофоном.

— Вон как. Ну ладно. Хочешь, сегодня съездим в один бутик — круглосуточный? У них там ночью скидки — частенько отовариваюсь. Наберём кучу тряпок! — мечтательно сказала Юджина.

— Да ты барахольщица! — не удержалась от усмешки Луис.

— А то! — самодовольно сказала Юджина. — Ну что? Смотаемся сегодня за шмотками? Или ты не сможешь?

— Твой последний номер во сколько заканчивается? — спросила девушка, прикидывая, сможет ли красotka потом подвезти её домой.

Они договорились, определившись со временем, и после номера Луис обе сели в машину Юджины. Причём Луис заблаговременно попросила разрешения Санни оставить гитару в помещении бара. Санни разрешил, мало того — спрятал гитару в собственном кабинете... Прести уже освоился с машиной и теперь деловито рыскал по ней в поисках крошек, которыми поживился в прошлую ночь, хотя был сыт. Кажется, его больше интересовал сам поиск, а крошки были для него наградой в исследовании машины. Так что подружки наболтались вдоволь, обсуждая всех и вся из знакомых, пока ехали в любимый бутик Юджины.

Кредитная карта, выданная девушке хозяином бара, редко использовалась. Так что у продавщицы на кассе Луис сразу разузнала, сколько у неё на счету.

— Гы... Можно полбутика купить! — счастливо сказала Юджина.

Оторвались не на шутку. Причём Юджина увлеклась идеей хорошенько одеть Луис и вымотала девушку, заставляя примерять те наряды, в которых, она считала, Луис будет выглядеть королевой. На что Луис мимоходом шутливо отметила:

— Мне бы ещё ширмочку для моей щеки! Продаются тут такие?

— А ты знаешь... — задумчиво сказала Юджина. — В аптеках продают такие длинные ленты пластырей телесного цвета. Я всё смотрела на тебя и не понимала, почему ты их не используешь.

— Но рана мокнет!

— А тебе что — трудно менять их? — искренне удивилась красotka. — Ты же всё равно возвращаешься в гримёрку перед следующим номером! Слушай, а у тебя волосы хороши! С такими и причёски делать не надо! Расчесала — и вперёд!

Купили совсем немного: костюм из тонкой кожи — длинную юбку и топ, а также

декольтированное платье до пят. Кроме того, пока Юджина не видела, Луис в отделе мужской и юношеской моды приобрела несколько вещей, совершенно необычных. Заметь их красотка — поперхнулась бы от ужаса. Но Юджина была занята азартным поиском новых, довольно экстравагантных вещей, так что девушка воспользовалась оказией и втихомолку оплатила сразу припрятанные от подруги вещи. Среди кучи свёртков Юджина, естественно, лишнего не заметила.

Пока ехали назад, пока Юджина болтала, счастливая от накопленного и от самого процесса поисков и покупок, Луис раздумывала над странностями происходящего. Она собирается сбежать от той жизни, что за последние дни стала ей дорога, а сама с удовольствием приобретает вещи. Она собирается снова прятаться, но готова выйти на маленькую сцену бара в шикарном платье, чтобы понравиться... Что происходит? И вслух высказала, не замечая, что перебивает Юджину:

— Но в этих вещах я выйду тогда, когда хотя бы на один мой номер придёт Дэниел.

— Да я его сама за шиворот притащу! — воинственно заявила красотка. — Лишь бы увидеть, какие обалдевшие глаза будут у публики, когда ты выйдешь в том шикарном кожаном прикиде! Он тебе так идёт!

Затем Юджина заявила: кутить — так кутить! И повезла Луис выпить чашечку кофе. Мысль была такая: ознакомить излишне домашнюю Луис, по определению Юджины, со всеми значными местами, где девушки могут с удовольствием провести время. Например, в небольшом, но уютном кафетерии. Девушкам пришлось купить не только сладкого к кофе, но и мясного — для возмущённо заверещавшего из-за их первого выбора Прести: др-раконы этой фигнюшки не едят!

Кафетерий находился в супермаркете. Несмотря на раннее утро, посетителей и покупателей здесь оказалось довольно много. И, приглядываясь к кипучей жизни за стеклянными стенами кафетерия, Луис спросила:

— Выглядит довольно солидно. А есть здесь лавка с музыкальными инструментами?

— Надо доехать до последнего этажа — и не на эскалаторе, а на лифте, — сказала Юджина, вытащив потрёпанный рекламный план супермаркета и тщательно изучая его. — А что ты хотела бы там купить?

— Надоело носить гитару туда-сюда. Хочу рабочий инструмент оставлять у Санни, а гитару для репетиций буду держать дома.

Для Юджины поездка на верхний этаж супермаркета оказалась тоже любопытной. Пока в прозрачной кабине поднимались, она сделала для себя несколько открытий: «Ого, здесь, оказывается, новые бутики появились!», что и взяла на заметку. Луис только посмеялась: неужели ей не хватает бутика, в котором набрали столько, что в багажник не уместилось — пришлось набить свёртками заднее сиденье машины!

Юджина довезла Луис до дома, помогла перенести пакеты с покупками и футляр с новой гитарой к Луис, после чего они распрощались так же, как вчера, в начале проулка. Шикарная машина Юджины лихо развернулась в узкой галерее и умчалась во всё ещё тёмную даль раннего утра.

А девушка тихо, чтобы сосед не понял, что она вернулась, распределила вещи по встроенным шкафам и только после этого послала сообщение: «Я вернулась. Можно прийти?» Ответ был получен сразу, как будто Дэниел сидел с включённым виртом: «Да».

Закрывая свою дверь, Луис думала: «Он прав: я авантюристка, да ещё какая! Меня ищут, а я выставляюсь, как будто хочу, чтобы меня поймали... А может, так и в самом деле».

сделать? Пусть меня поймают. Пусть закончится всё беспокойство. Не надо будет переживать и нервничать... Я поэтому согласилась купить все эти роскошные вещи? У меня внутреннее желание быть пойманной? Чёрт, к психотерапевту сходить, что ли?»

Свою грандиозную кушетку Дэниел отодвинул к стене, а вся комната оказалась заставлена тренажёрами. Прести как глянул с плеча хозяйки на все эти системы, как открыл пасть... В общем, зверь нашёл чем заняться, чтобы его хозяйка и хозяин комнаты могли поговорить на свободе.

— Кто тебя привёз?

Первый вопрос Дэниела прозвучал небрежно, но именно эти небрежные интонации заставили Луис подавить улыбку. Приглядываясь к мелькающему среди брусьев дракончику, который решительной мохнатой змеёй осваивал тренажёры, крутясь и извиваясь на них, она ответила:

— Юджина. Она пригласила меня походить по магазинам, купить кое-что из одежды. А ещё я купила новую гитару, чтобы заниматься дома и не носить постоянно свою и на работу, и домой.

— Значит ли это, что ты не собираешься сбежать, как думала раньше? — пытливо вглядываясь в её глаза, спросил Дэниел.

— Я ещё думаю. А гитара — для удобства. Хочешь завтракать? Я принесла кое-что из того кафетерия, где мы были с Юджиной. — Она специально изображала деловитую и хозяйственную, чтобы он не задавал лишних вопросов, на которые неудобно отвечать.

Он не отказался, хотя она знала, что в его холодильнике много чего заготовлено для быстрого разогревания. Но по его же виду поняла, как ему приятно, что она вспомнила о нём, пока была не с ним.

— Не слишком ли рано ты начал тренироваться? — поглядывая на тренажёры и на мелькающего повсюду Прести, спросила девушка.

— Как ни странно, но, несмотря на внешние синяки, я чувствую себя довольно здоровым. Твой дракончик, видимо, и правда, лечит хорошо.

Они сидели на кушетке, разложив принесённые Луис вкусности на подносе. Девушка встала, подошла к одному из турников, оглянулась на Дэниела. Его майка хоть и тёмная, но мокрые пятна на ней видны отчётливо.

— Ты снова пойдёшь в этот клуб?

— Да.

— А... когда? Надеюсь, тебе дали как минимум неделю на то, чтобы... прийти в себя? — задавая этот вопрос, Луис примерно предполагала ответ, поэтому с облегчением выдохнула, услышав короткое же:

— Да. Именно неделю и дали.

Дальше они разговаривали о том, какие люди бывают в баре, но Луис крепко держала в памяти спокойный голос Дэниела, который произнёс потрясающие слова, не подозревая, что она сразу поймёт их: «Неделю дали».

Дали. Он соврал ей. Не сам он захотел пойти в клуб, чтобы заработать так называемых лёгких денег. Его заставили. Слишком знакома ситуация. Интуитивно. Хотя и происходит несколько в иных декорациях, не совсем привычных для Луис.

Следующим же вечером, когда Дэниел сказал, что он вполне готов выйти на работу, она кивнула и без всяких отговорок приняла его привычное предложение проводить её до места работы. Плащ у неё хороший, свободный. За пару вечеров его провожаний она успела

перенести в бар, в шкафчик Юджины, которая уступила ей полку, несколько вещей, спрятанных на себе.

А в третий вечер зашла к Дэниелу, чтобы идти от него вместе на работу, заглянула в его глаза и похолодела: они были очень сосредоточенными. Поэтому, торопливо сказав, что забыла кое-что взять, забежала в свою комнату заказать по вирту прокатную машину, которую должны были оставить для неё на стоянке бара Санни. Уже в баре она умолила Санни сменить программу и поставить её выступления на начало вечера и на утро, оставив середину, почти всю ночь, свободной. Несколько удивлённый, хозяин бара пошёл-таки ей навстречу.

И после первых трёх отработанных подряд номеров, спустя минут двадцать, она сидела в машине неподалёку от бара, где работал Дэниел. С погашенными огнями сидеть было сначала тяжело — место здесь довольно тёмное. Но захваченное с собой она могла надеть и без всякого света, так что поспешно переодевалась, стараясь не слишком раскачивать машину своими движениями. К тому времени как она крепко нахлобучила себе на голову парик, превращая себя в парнишку-головастика, глаза привыкли к темноте, и присевшего сбоку на ступени невысокого крыльца Дэниела она видела отчётливо. Его смена только-только началась. Он сидел не один. Со сменщиком, который однажды подвёз по его просьбе Луис. Сменщик стоял, прислонившись к стене, между окном и крыльцом, и курил.

Следом за несколькими подъехавшими на стоянку машинами и девушка втихомолку подогнала свою, прокатную, ближе к крыльцу.

Вот теперь, при хорошем освещении бара, она могла спокойно разглядеть всё, что происходит и будет происходить.

Правда, разглядывать долго не пришлось. Подъехала ещё одна машина. Из добротных и дорогих. Открылась дверца. Дэниел помедлил, встал со ступеней и, не оглядываясь на сменщика, занявшего его место на ступенях, сел в машину. Дверца захлопнулась. Вспомнив, как массировала тело Дэниела в последний раз и как оно выглядело, девушка стиснула зубы и поехала следом за дорогой машиной. Она таила дыхание, словно её могли услышать в той большой машине, и мрачно думала о том, что сейчас чувствует Дэниел. Её машины в общем потоке не замечали. Ночное движение хоть и казалось реже дневного, но машины есть. Они проехали недолго, но незнакомыми для неё галереями, прежде чем остановились у красивого даже в ночной тьме здания с высокими колоннами. Сильные прожекторы с клумб и со стен освещали его, создавая тёплый, жёлтый оттенок, несмотря на убывающую ночь... Три человека вышли из преследуемой машины и вошли в здание. Девушка узнала Дэниела. Он шёл впереди, словно конвоируемый чуть поотставшими двоими.

Понаблюдав, Луис отметила, что в здание входят достаточно большими группами, так что можно затеряться среди людей. Это облегчало ей задачу проникновения.

Она вошла позади группы людей, одетых разношёрстно. В этой небольшой толпе невысокий кучерявый парень, в широких штанах, в бесформенной куртке, из-под которой виднеется модная среди молодёжи грубая рубаха, в трикотажной бесформенной же шапке, ничем не выделялся. Разве что татуировкой изысканного дракона на щеке, до которой парень часто дотрагивался. Видно, недавно сделали... Впрочем, на татушку тоже никто внимания не обращал. Дракончика, Прести, Луис прихватила с собой. Знала: он не любит незнакомых мест — зря не высунется, обнаруживая себя.

Внутри оказалось совсем просто. Во-первых, там были молодые люди примерно возраста того паренька, которого Луис изображала. Во-вторых, надо всего лишь купить

билет. Правда, изучив стоимость билетов в зависимости от расположения зрительных рядов, Луис обратила внимание, что в здании есть несколько бойцовских залов. В котором из них будет драться Дэниел?

Как будто в ответ рядом заговорили о том, в какой зал пойти. А затем трое обсуждавших бои подошли к другой стене, где, как оказалось, вывешены имена выступающих на арене бойцов. Вместе с этими зрителями девушка постояла у списков, но имени Дэниела не нашла. Что происходит? Неужели он выступает под прозвищем? Тогда его не найти... Что же делать?

Покрутившись ещё немного у трёх касс, Луис сообразила интересную вещь: некоторые зрители, явно завсегдатаи, покупали билеты не в те залы, которые были указаны в списках, а в какие-то необнародованные. Их всего два. Заинтересовавшись, девушка буркнула тот же не названный в списках адрес и поспешила следом за последним, кто купил билет туда же, в неизвестный зал. Правда, выяснилось, что этот высокий бритый парень взял несколько билетов на несколько залов. Вместе с ним (позволяло брожение зрительских народов с одного уровня-зала на другой) она проследовала на пару боёв, на которые, оказывается, ещё и ставки делали. А затем с довольным бритым, который дважды выиграл, девушка спустилась куда-то вниз. Тот не замечал, потому как и вместе с ним, и ему навстречу торопились зрители, которые тоже спешили успеть везде — на самые зрелищные бои, как поняла Луис.

— Аллертон! — окликнули бритого с верхней лестницы.

Бритый остановился, и Луис пришлось пробежать мимо него, чтобы он не понял, что она идёт строго за ним. Она остановилась под той лестницей, на которой он встал.

— Что?

— Сегодня Большой Дэн играет! Знаешь?

Про себя девушка чуть не выругалась. Она же слышала, как при ней толстяк назвал Дэниела Большим Дэном! Вытащив на всякий случай билеты, она держала их в руках мгновенно наклоняя к ним голову, когда мимо кто-то проходил.

— Разве он в форме? — изумился бритый Аллертон. — В кассе никто ничего не сказал!

Окликнувший его, широкоплечий парень, с намечающимся брюшком, из-за своих бакенбардов и бородки похожий на байкера, сбежал к нему и доверительно сказал:

— Будут они говорить...

— Но ведь в прошлый раз его чуть не всмятку?..

— Оклемался. Я только что видел, как он выходил из машины. По походке и не скажешь, что его тогда всмятку. Неплохо парень держится.

— Слишком быстро, — с сомнением сказал Аллертон.

Луис договорила его фразу: слишком быстро вышел на бой. И внутренне зажалась от его следующего вопроса:

— На чём его поймали?

— Говорят, у него девка появилась.

— Ясно. Думаешь, стоит идти на него?

— Ну хоть начало посмотреть — в какой он форме. А там посмотрим, ставить ли на него, — проворчал Байкер.

Они начали спускаться, и Луис быстро пробежала лестницу, прежде чем остановиться и с пристальным вниманием снова уткнуться в дело перебирания купленных билетов. Собеседники прошли мимо, обсуждая, видимо, уже следующий бой и пытаясь угадать, кто

его выиграет — боец с довольно претенциозной кличкой Ядро-Убийца или некий Томми-Мрак.

Наконец они вышли на небольшую площадку и направились к раскрытым дверям, за которыми бурлили взволнованные зрители.

Итак, разговор только подтвердил то, о чём она подозревала. Если бы не она, Дэниелу не пришлось бы драться в этом клубе. Ещё одна причина сбежать.

Она подошла к дверям и протянула свой билет в этот зал, про себя порадовавшись, что сообразила купить ещё и грубые митёнки: из-за них её длинные пальцы казались короткими, а лаком она никогда не пользовалась. Так что по пальцам никто не мог бы заподозрить, что под маской парня прячется девушка.

Бой ещё не начался. Судя по недовольным разговорам, народ собирался неохотно именно из-за слухов о плохой форме Дэниела. Кажется, раньше он был в фаворитах толпы. Но теперь... Наконец, двери зала закрыли. Луис протиснулась к перилам над ареной, с тревожно забившимся сердцем рассматривая пока пустой вход вниз.

Раздался голос — торговца, расхваливающего свой товар:

— Встречайте! Томми-Мрак! Неоднократный победитель в боях без правил!

На арену вышел... Луис замерла... Вышел громадный мужчина — с такими чудовищными мышцами... Он победно вскинул руки — и толпа вокруг отозвалась на этот жест одобрительным рёвом.

— И Ядро-Убийца, неизменный победитель — во всех боях без правил!.. — Голос сделал паузу, в которую на арене появился (девушка снова перестала дышать) тот самый бугай, который подходил к ним с Дэниелом месяц назад. Когда рёв вокруг достиг предельной силы (Луис погладила сжавшегося под курткой Прести) и пошёл на снижение, голос закончил торжествующим воплем: — Против Большого Дэна!!!

Они сошли с ума?!

Выпускать эти две горы чудовищно перекачанных мышц против Дэниела?!

Додумать она не успела.

После сиплого вопля объявляющего, который или простыл, или был заядлым курильщиком, в огромном гулком помещении воцарилась почти тишина. Люди на нескольких ярусах вокруг бойцовской арены взволнованно прильнули к перилам, негромко переговариваясь — в основном недовольно.

К арене вела небольшая дорожка от выхода из коридоров. Публика замерла, когда на ней показалась тень идущего человека. Дэниел спокойно вышел из тени нависающих ярусов и не спеша прошагал ещё немного вперёд. Луис видела его немного сбоку.

Если при появлении первых двоих бойцов зрители орали, приветствуя их и откликаясь на их яростное желание насладиться восторгом уже при виде их тел, то теперь реакция толпы оказалась несколько иной. Первые двое вышли, заранее требуя подбадривающих воплей: они шли, раскачиваясь и демонстрируя себя и свои мышцы. Они даже одеты были в расчёте на одобрение их внешнему виду — в борцовские майки и длинные шорты, атласно поблёскивающие светлым цветом, что зрительно увеличивало их тела и предполагало потенциально лёгкую победу над любым соперником.

Дэниел, в чёрной спортивной форме, цветом сужающей его фигуру, шёл бесстрастно, но такой походкой... Это шёл уверенный в себе хищник, который привык охотиться и убивать, а не просто участвовать в схватке домашних, вышколенных для драки псов. Это шёл тигр, который не демонстрировал мускулов, но этот его ленивый, чуть замедленный шаг... Дэниел не потрясал кулаками, лихо не подпрыгивал — лупя невидимого противника и показывая притом, какой он мощный. И он, сильный и уверенный в себе человек, просто коротко вскинул кулаки, как и у остальных бойцов — перевязанные лентой, приветствуя собравшихся. На что публика откликнулась мгновенно! Постепенно нарастающий — крик захлестнул всё помещение!

Двое забытых зрителями бойцов уставились на Дэниела с такой злобой, что Луис невольно сжала руки на груди, а потом опомнилась (я парень!) и быстро вцепилась в перила, прежде поспешно погладив под курткой перепуганного дракончика.

А что творилось вокруг! Люди поспешно меняли ставки, орали, спорили, ругались! Луис ничего не понимала в боях, но ужасающее своим плачевным видом тело Дэниела в подробностях разглядывала дважды в день, когда приходилось его массировать, заново облеплять пластырями и мазать гелями. Неужели все эти завсегдаги соревнований в нелегальном бойцовском зале, более-менее сведущие в этом страшном спорте, сочли лишь по одному появлению бойца, по одной его походке, что он выдюжит против этих страшных на вид двоих?! Ведь вся эта публика наверняка видела, в каком состоянии Дэниел был всего три дня назад!

Тем не менее, поведение этих странных людей и Луис придало толику уверенности. Если многие пытаются поставить на него, значит... Почти прижатая к перилам, она с трудом огляделась. Бритый Аллертон и Байкер метрах в трёх от неё вообще повисли на перилах, жадно вглядываясь в арену — с беспрерывным ликующим воплем: «Большой Дэн! Дэн! Посмотри сюда! Мы тебя любим, Дэн!»

Дэниел мельком бросил взгляд на зрителей. Он опять-таки даже не подумал к этому бою постричься. Будучи всё таким же привычно лохматым, он будто подчеркнул своё отличие от лощёных бойцов с горделивыми прозвищами. И выглядел всё таким же отстранённым и закрытым.

Рефери, тощий низенький человечек, выскочил на арену и закричал бойцам встать на определённые места. Жадно прислушиваясь к разговорам и воплям вокруг, Луис с полным ощущением нереальности сообразила, что всё сказанное ранее — правда: эти двое будут драться против одного — против Дэниела.

Где-то ударили в гулкую металлическую тарелку — в гонг.

Злобно оскалившись, две мускулистые горы кинулись на Дэниела.

Первое впечатление — столкнулись, задавили его своей массой.

Внутри упорядоченнодвигающегося мяса произошло какое-то резкое, короткое, по ощущениям — чёрное движение. Дэниел то ли повернулся, то ли ударил.

В ушах девушки зазвенело от взвизгнувшего крика толпы: Томми-Мрак резко шлёпнулся на пол — причём, показалось, его крупное тело подпрыгнуло, словно мяч, наполненный не воздухом, а водой. Чуть не падая, мимо Дэниела пробежал Ядро-Убийца, который, отшатнувшись, лишь чудом не попал под кулак Дэниела.

Пока он добегал до точки, в которой смог бы остановиться, Дэниел не спеша развернулся. Кажется, он точно рассчитал и своё движение, и инерцию бега противника.

Толпа орала:

— Добей его, Дэн!!

— Крови, Большой Дэн!! Мы жаждем крови!!

Томми-Мрак больше не вставал. Рефери остановил бой, чему Ядро-Убийца был очень рад, хоть и пытался скрыть облегчение. Задышавшись после бега, он внимательно проследил, как двое поспешно вызванных парней в одинаковой форме, ухватившись за ноги поверженного бойца, волоком увезли его с арены.

Отмашкой рефери снова начал бой — уже между оставшимися противниками.

Снова завопили зрители, требуя от Дэниела покончить с противником быстро и решительно. Но постепенно дружный ор затихал. Дэниел дрался с Ядром-Убийцей так, словно пытался чего-то добиться от него. Но чего? Вскоре не только Луис, но и толпа поняла, что Большой Дэн что-то задумал. Негромко переговариваясь, зрители напряжённо следили за действиями атакующего и тут же уходящего в сторону Дэниела. Тот дрался экономно. Начиная привыкать к его манере, девушка поняла, почему зрители ожидали быстрого поединка: если его противник двигался не очень быстро и даже неповоротливо, явно рассчитывая только на мощь наносимых ударов, то Дэниел, двигаясь стремительно и так, что взгляд просто не успевал за ним, ограничивался чёткими ударами — всегда в цель и всегда, судя по гримасам Ядра-Убийцы, болезненными.

И правда... Почему же Дэниел тянет с завершением боя?

Впечатление, что он преследует Ядро-Убийцу, но всего лишь заставляя защищаться, будто на победу не надеется...

Дэниел внезапно подпрыгнул — сжатой пружиной. Мелькнула нога. Голова противника дёрнулась назад, но сам он на ногах устоял. Зато в воздухе что-то мелькнуло — маленькое и сияющее. И шлёпнулось на грязный пол арены.

Секунды тишины. Дэниел стоял напротив Ядра-Убийцы и спокойно смотрел на него. А тот тяжело дышал: побегать, обороняясь, пришлось немало, — и только смотрел на

шпуковину, которая валялась на полу. Одновременно пытался чуть не горстью смахивать кровь изо рта, текущую по подбородку, а то и отплёвываясь от неё.

Ничего не понимающая Луис вслушивалась в тишину.

Кто-то из зрителей не выдержал. Здоровый мужской хохот раздался в нескольких метрах от неё. А следом хохот, словно вспыхнувшее пламя, рванул по всем рядам и всем ярусам. Мужчины, парни, мальчишки и даже женщины (Луис увидела трёх) хохотали до слёз! Что произошло?!

— Ты! Что всё это значит?! — не выдержала девушка, трясая за рукав куртки соседа — черноволосого мужчину лет тридцати.

Тот, утирая слёзы и через силу останавливая самый настоящий припадок смеха, через пятое-девятое объяснил.

Дэниел — непобедимый боец в боях против нескольких противников. Такой боец — огромная редкость для бойцовских залов, даже для нелегальных. Но в последнем бою Ядро-Убийца выдрал из своего рта капу — предмет, защищающий зубы бойца от удара, и бросил, мокрую, обслюнявленную, на пол, под ноги противника. Бой-то без правил. Капа — из мягкого пластика. Дэниел поскользнулся на ней. А двигался слишком близко к Ядру-Убийце. Тот подскочил и одним ударом ноги по позвоночнику (видимо, попал на точки) сбил ему равновесие и буквально затоптал. И сейчас Дэниел отомстил: дрался с противником до тех пор, пока не нашёл возможности выбить из его рта капу. Вместе с зубами. То есть за пару минут спокойного боя — точнее, игры, — продемонстрировал, чего именно добивался, пока вроде довольно вяло атаковал и защищался сам. Это очень трудно, но эффектно — вот так виртуозно отомстить.

С ужасом глядя на Ядро-Убийцу, на эту массивную тушу, Луис представила, каково было Дэниелу, когда противник «затаптывал» его.

Настоящий бой, как в начале поединка и предполагали зрители, закончился быстро. Едва рефери повелительным криком велел идти на сближение, Дэниел ударил противника, как сказал сосед девушки, своим коронным ударом — резким, почти мелькнувшим в воздухе движением ноги. И, выглядевший устрашающим гигантом, Ядро-Убийца рухнул безо всяких признаков жизни.

Чуть ссутулившись, Дэниел исподлобья обвёл сумрачным взглядом восторженно вопящих зрителей, дождался, пока подошедший рефери поднимет его руку в знак победы. И ушёл, не обращая внимания на неподвижное тело Ядра-Убийцы, над которым присел человек с небольшим чемоданчиком и к которому уже подходили парни с носилками.

Последнему Луис даже обрадовалась: жив!

На правах знакомой — знакомого! — она снова обратилась с вопросом к соседу, будет ли сегодня ещё раз драться этот победитель. Тот объяснил, что, по сведениям из кассы, на сегодняшних состязаниях был заявлен только один бой с Большим Дэном.

Вытиснувшись из толпы, Луис мелкими перебежками: где от группы к группе, а где вместе с группками зрителей — выбралась из здания бойцовского клуба и поспешила к прокатной машине. Усевшись за руль, она выпустила Прести, жутко обалдевшего от места, в котором побывал с хозяйкой, отчего поначалу притихшего, и стала следить за выходом из клуба.

Она как-то не учла, что бойцы из здания могут выйти, не используя парадного входа. Если бы не дракончик, радостно хрюкнувший при виде знакомого человека, она бы и не обратила внимания на одинокую фигуру, постепенно уходившую от клуба.

К нему никто не подошёл, хотя ему пришлось идти между небольшими компаниями зрителей, вышедших подышать прохладным ночным воздухом.

Вспомнив крепкий запах пота: и старого, словно впитавшегося в стены нелегального зала, и нового, особенно в сочетании с вонью от курева и спиртного, — девушка поморщилась и вздохнула. Впечатлений — целая куча. И нужно время, чтобы понять, как она сама относится к тому, что довелось пережить в этом месте... А ещё, пока следила за уходящим Дэниелом, раздумывала над следующим: если Дэниела не предупредить, что она уезжает, кто будет ухаживать за ним, сделай с ним ещё одну подлянку один из бойцов, с кем он будет драться, не зная, что её уже нет на Кэсси? А если предупредить, как смотреть в его глаза?

Некоторое время Луис наблюдала за Дэниелом, которому предстояло пешком проделать довольно длинный путь — после драки, стоившей ему много усилий. Почему никто ему не предложил доехать? Почему он сам не вызвал такси? И решила.

Некоторое время она ехала вровень с ним — по дороге, параллельно пешеходной дорожке, по которой он брёл, — специально, чтобы он обратил внимание. Он обратил. Шагнул угрожающе к окну — и оторопел: Прести ткнул мордочкой в стекло дверцы, расплющив и так плоский нос! Под радостное взвизгивание дракончика Дэниел открыл дверцу, взял на руки Прести и сел рядом с девушкой.

— Как давно ты здесь? Почему в таком виде? — уже изумлённо спросил он, с интересом разглядывая её. — Тебя трудно узнать.

— Спасибо, — отозвалась девушка.

Она покосилась на него. Дэниел сдвинул брови — и понял.

— Зачем ты приехала?

— Увидеть, как это происходит. — Договорив, она помолчала и добавила, понимая, что с ним надо всё-таки быть честной: — Я надеялась узнать, почему ты начал ходить в этот клуб.

— Узнала?

— Да. Слышала один разговор, на чём тебя поймали. Через три дня я улетаю с Кэсси. И тебе больше не придётся драться.

— Узнала, значит, — повторил он и тяжело задумался, машинально поглаживая блаженно распластавшегося на его коленях Прести. И лишь через несколько минут предложил: — Давай поговорим дома. Что-то сейчас об этом говорить не хочется.

Девушка хотела ответить: нет смысла разговаривать о том, что яснее ясного, но вспомнила, как он дрался, представила, сколько наверняка ему пришлось пережить, чувствуя своё не до конца выздоровевшее тело. И промолчала. Дома так дома.

У её бара они остановились. Луис быстро переделась — снова прямо в машине, а Дэниел вызвался перегнать машину в прокатный гараж. Со служебного входа девушка забежала в коридоры бара, добралась до гримёрки и попросила девочек сообщить о её приходе Санни. Тот обрадовался, что она уехала не на всю ночь, как предполагала сначала, и снова распределил её номера так, чтобы между ними вставить выступления других артистов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда она села на сцене для последнего выступления, взгляд почуяла сразу. Будто рассеянно оглядывая зрителей, в самом тёмном углу, за самым дальним столиком, она заметила Дэниела. Улыбнулась, после чего пела только ему.

Прежде чем выйти к нему после рабочей смены, она подошла к Санни. Тот сидел у себя

в кабинете, за письменным столом, что-то подсчитывая, и поднял голову сразу.

— Что — пришла гитару оставить?

— Да. Санни, мне очень неловко, но я пришла тебя предупредить: уйду. Возможно, ещё три ночи выступаю, а потом...

— Чего замолчала? — вздохнул Санни и почесал макушку. — Проблема, однако... Что за манера у молодых — не сидеть на месте? Вот любопытно, скажешь ли ты мне о причине? Луис, что тебя заставляет уйти из моего бара?

— Санни, мне нравится твой бар. Мне нравится его хозяин (Санни, довольный расцвёл). Мне нравятся здешние девочки, с которыми я подружилась. Мне нравится здешняя публика. И я бы хотела побольше оставаться на этом месте. Но проблемы в личной жизни есть у каждого.

— Если ты намекаешь, что этот Дэниел... — Грозно выпрямился Санни. — Этот Дэниел обижает тебя!

— Что ты, Санни, — вздохнула Луис, виновато поглядывая на него, расстроенного, — дело не в нём, а во мне.

— Ладно, не хочу больше говорить на эту тему, — махнул рукой хозяин бара. — Я тебя понял. Говорить, думаю, не стоит — ведь ты уже всё для себя решила. Так что... Оставляй гитару — и до свидания.

— Спасибо, Санни!

Она выскочила на улицу-галерею, почему-то испугавшись, что Дэниел ушёл, не дождаввшись её. Метнулась было вперёд, на безлюдную галерею, и ахнула, когда кто-то сбоку схватил её и обнял.

— Куда? — насмешливо сказали в ухо, и она улыбнулась, почувствовав, как вместе со словами тёплый воздух толкнулся в её волосы.

Сердитый Прести, поневоле зажатый между двумя телами, вылез из плаща девушки и сердито же пискнул на Дэниела.

— Вот-вот, — сказала Луис. — Присоединяюсь к вышесказанному: отпусти нас на землю. Мы люди самостоятельные, можем и сами стоять.

— А если мне хочется тебя (вас!) подержать на руках — хоть один разок?

Она снова заглушила желание сказать: в твоём состоянии подержать меня — совсем не маленькую? Но вспомнила, как он уходил с арены, и снова промолчала. С ним так нельзя говорить. Нельзя с этим мужчиной говорить о его вынужденной физической слабости. Поэтому усмехнулась и сказала:

— Оттягиваешь разговор?

— Наверное — да, — ответил он и опустил её на землю.

Прести поднял нос понюхать ночной воздух и чихнул, после чего снова залез под плащ Луис. Дэниел положил её ладонь себе на сгиб локтя и предложил:

— Почему бы нам не заглянуть в какой-нибудь бар, где не знают ни тебя, ни меня? Там и поговорим.

Луис пожалала плечами — и согласилась. Быть рядом с ним, прижиматься локоть к локтю — это оказалось так хорошо, что она готова была согласиться с любым его предложением. Она не стала спрашивать, куда он поведёт её. Положилась на его решение. И Дэниел, словно чувствуя её доверие, пошёл не спеша...

Уже в маленьком кафе-кондитерской, наблюдая за дракончиком, который, ворча, выборочно уничтожал начинку купленной специально для него пиццы, Дэниел спросил:

— Луис, ты серьёзно всё решила?

— Да. Мне не хочется, чтобы однажды из того клуба привезли тебя не просто избитым... Мне становится страшно, когда подумаю, что ты из-за меня находишься в таком состоянии, как три дня назад. А если...

— Не думай об этом, — сказал Дэниел. Он покрутил в руках опустевшую чашечку из-под кофе, словно не решался сразу заговорить о том, что может спугнуть Луис. — Понимаешь, Луис... У меня есть ещё одна причина ходить на бои. И не денежная, как ты можешь подумать. В деньгах я не нуждаюсь. Тебе покажется эта причина, возможно, очень странной, но, если вдуматься... Это естественно.

— Что именно? Эти страшные драки? Их даже боями трудно назвать!

— Луис, я застоялся в этой дыре. Когда я решил здесь остаться, лишь бы обдумать свои жизненные, скажем так, перспективы, я не думал, что всё затянется так надолго. Понимаешь... Это затягивает — упорядоченная жизнь. Жизнь почти по расписанию. И иногда хочется взорвать всё к дьяволу. И тогда этот клуб — спасение. Ты бьёшь кого-то, выбиваешь из себя собственное напряжение или застой, а тебе за это ещё и деньги дают.

— Ты — это серьёзно? — поразилась девушка. И почему-то ей припомнилось их знакомство, когда он стрелял по трём парням.

— Более чем, — подтвердил Дэниел. — Моя жизнь до Кэсси — это сплошное напряжение, которое я мог сбрасывать не самым мирным образом. А этот клуб...

— Но этот клуб — для боёв без правил! А если в следующий раз тебе подбросят не капу под ноги, а что-то похуже?

— Ничего страшного. Есть рефери. Он остановит бой, если сочтёт, что крови достаточно и публика насытилась её видом.

— Дэниел... — Сказала она и остановилась. — Наверное, я ничего не понимаю в мужских игрушках. Но я-то женщина. Теперь, зная, что именно происходит в этом клубе, я не смогу оставаться спокойной. Знаешь ли, это очень страшно: ожидать, что ты вот-вот окажешься лежащим на полу. Брошенным, будто сломанная кукла. И главное... Бояться, что в следующий раз тебя доломают. Я женщина, Дэниел. А женщинам это свойственно — волноваться за тех, кого... — Она снова замолчала.

А Дэниел мгновенно качнулся к ней через столик, за которым они сидели, схватил её за руки. Вгляделся в её глаза.

— Волноваться — за кого? За кого, Луис?

— За тебя, — она отвела глаза и вдруг снова вскинула их на него. — Да, мне тоже это тяжело говорить! Дэниел, я уже столько раз привязывалась к людям, а приходилось часто их бросать, удирать изо всех сил! Но это мне самой... А знать, что из-за меня страдают от физической боли... Знать, что из-за меня могут убить человека, который мне дорог... Дэниел — это невыносимо! Я не хочу, чтобы это случилось с тобой!

— Проехали с Кэсси вместе? — внезапно предложил он. — У нас ведь с тобой не ситуация, когда загнаны в тупик. Всё поправимо. Мне, как и тебе, легко сорваться с места.

— И что? Потом всю жизнь переезжать с планеты на планету?

— Ну, почему... Есть другие способы достигнуть нужного.

Он сказал и замолчал. И опять она подавила в себе желание спросить: а как же тот номер вирта — твоей палочки-выручалочки?

Пришлось подавить. Он не считает ситуацию безвыходной. Хуже того, он считает, что этот клуб — нормальное времяпрепровождение для мужчины, хотя он всегда будет с другой

стороны от наблюдающих за боями зрителей. А то, что она послужила причиной его появления в этом клубе, — ничего страшного: ведь это просто повод окунуться в клубную жизнь!..

Оплатив заказ, Дэниел поднялся и крепко взял её за руку.

— Сегодня ты не останешься в своей комнате. Сегодня мы останемся в моей комнате.

На весь день до начала работы.

— Почему в твоей?

— В моей кушетка больше, — заявил он и улыбнулся ей — или высунувшейся из её плаща черноносой мордочке, весело поблестевшей глазищами на него. — И не надо будет тосковать по чьим-то тёплым ладошкам, которые так приятно гладят моё тело последние трое суток... — уже шёпотом закончил он — и шёпотом не из-за того, что их могли подслушать. А потому что снова всматривался в её глаза, склонившись к ней близко-близко. И добавил: — Или ты против?

Она опустила глаза, но снова взглянула на него и несмело ответила:

— Нет. Не против.

Он несколько секунд смотрел на неё, сдвинув брови. Ей показалось — он боится, как бы она жёстко не потребовала от него прекратить заниматься своими убийственными игрушками. Но она всего лишь смотрела в тёмные глаза, еле видные под прядями лохматых волос, и тогда он уже спокойно повёл её к своему проулку.

Тяжёлое горячее тело вдавило девушку в мягкую кушетку. Это первое, что она почувствовала, проснувшись. Первая мысль: «Светло уже...» Первое понимание: она на животе, щекой на его ладони, он обнимает её так, что закрыл собой от всего белого света. Первое своё движение она оборвала, уже было напрягшаяся попытаться вылезти из-под обманчиво мягкой тяжести. Если Дэниел так тяжёл, значит, он ещё спит. Что значит — есть время подумать.

Или вспомнить, что было, когда они пришли в его комнату. Луис улыбнулась. Она чуть всё не испортила, жутко боясь причинить ему боль. Всё время помнила, каким он был всего три дня назад. И сама была скованной и неуклюжей, пока он не выдохнул: «Забудь!» Как будто понял, о чём она думает. Но забыла — после первого поцелуя, на который откликнулась несмело, всё ещё опасаясь неловким движением задеть его. А потом... Она забыла обо всём, кроме одного: она нежная, гибкая, пластичная — но только в этих сильных руках. И — она нужна. Он доказывал это каждым движением, каждым жадным и требовательным стоном, каждым поцелуем!.. Она вздохнула и потёрлась щекой о его ладонь. Сухая и горячая... А руки вокруг неё взяли — и сжались, обнимая её за плечи.

Сонный шёпот в ухо:

— Тяжело? Сейчас...

Едва она сообразила, что он собирается приподняться, чтобы освободить её, как немедленно схватила его за запястья.

— Что?

— Лежи.

Он немного полежал, тоже, как недавно она, напряжённый от движения встать, а затем снова обмяк, как будто её слова дошли до его сознания не сразу. И снова сжал её, и она невольно улыбнулась силе его бережных рук, в которых оказалось не столько уютно, сколько надёжно... И замерла. Три дня. Осталось три дня. Их не будет. Будут — он. Она.

А Дэниел снова спросил:

— Что? О чём ты подумала, если так... — Он явно затруднился с определением того, что внезапно почувствовал, обнимая её.

— У нас впереди целый день, а ты торопишься, — улыбнулась она.

— А... Вон что... — Он теплодохнул в её ухо и сам улыбнулся. Она ощутила его улыбку, когда он снова заговорил: — И тебе даже не интересно, почему я так легко подчинился твоему «лежи»?

— В твоих глазах я выгляжу настолько любопытной? — лукаво спросила она у пальцев, которые видела перед собой. А потом отпустила его запястье и дотянулась до ладони, вплела свои пальцы в его и пробормотала: — Вообще-то могу догадаться и без тебя. В комнате холодно, но ты, кажется, не мёрзнешь. Следовательно, мой глазастый шерстяной шарфик на тебе.

— Ага. На пояснице. Греет. Ещё и недоволен.

— Чем это?

— Ну... Я пошевелился, а он сразу заворчал. Слушай, у него когти есть! — изумлённо прошептал Дэниел, чуть ёжась.

— Открытие... — улыбнулась она, тихонько пожимая его пальцы и чувствуя, как они

ласково сжимаются в ответ. Потом подумала, сказать ли ему, нет ли, что Прести не зря сидит у него на пояснице. В этом ночном бою Дэниел не позволил противникам даже дотронуться до себя, но с прошлого-то раза досталось так, что наверняка Прести сейчас лежит, залечивая всё остальное. Хорошо, что Дэниел на себе уже прочувствовал, что дракончик обладает способностью лечить.

— Сполз, — негромко сказал Дэниел, очевидно прислушивавшийся к тому, что делал зверёк на его спине. И усмехнулся. — Ползец. Небось, весь бок исполосовал.

Луис чуть не стукнула его по челюсти, всполошённо подняв голову, — он всё-таки успел отпрянуть, а она виновато снова ткнулась головой в его ладони.

— Больно?

— Терпимо. Тебе точно так удобно?

— Почему-то есть захотелось.

— Мм... Теперь ясно, в кого этот зверь такой прозорливый.

— Мы не прозорливые! — возмутилась она.

И пискнула: он сжал ноги вокруг её тела и перевернул на себя, тоже перевернувшегося на спину. Отдышавшись, она одним глазом посмотрела на него. Довольны-ый!.. Нет, Луис уловила-таки недовольство, когда он боком разглядывал её. Что же вызвало его недовольство? Девушка вдруг вспыхнула: она лежит на нём, повернувшись той частью лица — с царапиной!

Но секунды спустя выяснилось, что не царапина заставила его поморщиться. Он легонько встряхнулся всем телом — Луис от его внезапного толчка съехала с его живота и оказалась теперь, придержанная его руками, чтобы не увернулась, так же лежащей на нём, но уже свесившись головой с его плеча — щека к щеке с ним.

Вот теперь он был доволен на все сто! Его даже не смутило, когда она, повернув к нему голову, задела своей щекой — его, колючую, от суточной щетины.

— Отпусти!

— Ещё чего! — самодовольно промурлыкал он и придержал её голову, чтобы поцеловать её открывшийся в негодовании рот. После чего вроде как даже удивился, насмешливо глядя в её глаза: — Мм... Вкусно!

Она не выдержала, засмеялась.

Потом она всё-таки попыталась сбежать с кушетки, а он ещё поймал. И не просто поймал, а потребовал компенсации за беспокойство по поводу её несостоявшегося побега. Потом они ещё повозились, словно недавние школьники, которые боятся, как бы их не застали на месте преступления, а потом... Потом она уже не боялась, что ему будет больно, он заставил её забыть о его боли, о своей царапине... Осталось лишь чувственное впечатление: она погружается в безудержный мир такого наслаждения, что хочется взмывать к небесам от счастья. И не в одиночку...

До вечера они не расставались. Ему просто не хотелось куда-либо уходить. Она не понимала, что куда-то можно уйти, когда главное на свете — вот оно, это её лохматое счастье, которое или ворчит, разглядывая на бедре царапины, оставленные и в самом деле сползшим с него дракончиком, или в очередной раз признаётся, что голоден, но в этом ещё нужно разбираться, в чём именно он голоден, потому как с одинаковым энтузиазмом он признаётся, что ему хочется съесть пару бифштексов — и её саму.

Луис лишь однажды сбегала к себе — за гитарой, чтобы порепетировать в его комнате, но репетиция не удалась, потому что Дэниел решил, что в таком виде — без одежды, но с

гитарой в руках, она убийственно эротична. И провёл свой вариант репетиции — перед выходом, как сообщил он, пока она отдыхала потом в его объятиях.

А потом они чуть не проспали, утомлённые этими излишне частыми репетициями.

Вскочили с кушетки — с разных сторон. Оглянулись друг на друга — и начали хохотать! Потом бегали в поисках почему-то попрятавшейся одежды и, запыхавшись, выбежали из комнаты — оба зверски опаздывая.

Встрёпанные и взбудораженные, они пронеслись мимо то ли входящего, то ли выходящего Оливера, который удивлённо улыбнулся их самому настоящему бегству.

Дэниел торопливо довёл её до дверей бара Санни, поцеловал, нисколько не стесняясь охранников — впрочем, знакомых, и быстро пошёл назад, к себе.

— Луисита! — окликнула её Юджина, едва девушка, запыхавшись, очутилась на пороге гримёрки. — Последние новости слышала?

— Новости? О чём?

— Тайру поймали на микшере! В новом клипе она пела не своим голосом! Точней — своим, только составленным из кусочков нескольких своих же песен!

— Откуда это известно? — торопливо переодеваясь к выступлению, рассеянно поинтересовалась Луис.

— Передавали в космосети, по новостным каналам. Её поймал контроль по соблюдению закона живого звука. Говорят, у неё голос пропал, поэтому она решила на подделку. Если бы не новый клип, с которым она должна была войти в новый год...

Девушка знала, о чём говорит Юджина. Каждая официально признанная певица или певец Содружества в новый календарный год должны войти с клипом новой песни, которая становится хитом, если пройдёт хотя бы отборочный тур престижной Сотни хитов или хотя бы завоюет приз слушательской симпатии.

Значит, Тайра попала на подделке. Следовало ожидать.

— И что теперь? — поинтересовалась она у Юджины. — Меня, как имита Тайры, забросают тухлыми яйцами или гнилыми помидорами?

— Тебя?! — возмутилась Юджина и, наконец, развернулась к девушке: до сих пор она, уткнувшись носом в зеркало, пыталась выдавить прыщ над бровью. — А ты тут при чём? Да и попробовал бы кто тебя так забросать! Костей бы личных не собрал! У нас тут люди за тебя, знаешь как?.. Если что — драться будут, попробуй кто тебя обидеть! — И она потрясла кулачищем, который не очень стискивала, чтобы не порезать себя самую длиннейшими кроваво-алыми ногтями.

— Ничего себе, — поразилась девушка и снова поспешила к двери гримёрки.

— Ты куда? До твоего выступления время ещё есть!

— К Санни! Моя гитара у него!

По дороге, в коридоре служебного помещения, она остановила знакомого, чтобы узнать, в кабинете ли у себя Санни. Её предупредили, что он в кабинете, но у него посетители. Пожав плечами, Луис подбежала к двери и стукнула, предупреждая о своём приходе. Санни отозвался, но как-то необычно — будто буркнул. И Луис быстро влетела в кабинет, тараторя на ходу:

— Простите, пожалуйста! Я — только гитару!..

— А, Луис, — с облегчением сказал Санни, сидевший на стуле — в этом маленьком кабинете кресло бы не уместилось. — Твоя гитара вот. И познакомься — это Лахти, импрессарио ресторана «Марго». Он ищет имита Тайры. — И вопросительно взглянул на

девушку. Сначала она не поняла, почему он так на неё смотрит. А потом сообразила: он подозревает, что она уходит из бара, потому что нашла место в ресторане. А этого Лахти уговорила разыграть сценку, что он её хочет уговорить перейти к ним.

— Я пока никуда не собираюсь переходить, — сухо сказала девушка, сразу расставляя все точки над И. — Мне пока нравится у тебя.

— А никто пока никому и не предлагает переходить, — лениво протянул Лахти, полноватый черноволосый мужчина, чьими основными отличительными чертами были круглое лицо и какие-то мелкие черты, в том числе и мелкие глаза. — Не надо спешить, милая. Я тебя не слышал — и, как бы ты хорошо о себе не думала, неизвестно, подойдёшь ли ты нам.

— Не подойду! — уверила его повеселевшая Луис. Повеселела она, глядя на облегчённо вздохнувшего Санни: мало того что она предупредила его, что уходит, а тут ещё появляется этот самовлюблённый хлыщ, который объявляет, что ищет имита Тайры. Девушка представляла, в каком настроении должен находиться хозяин бара.

Лахти только хмыкнул: кажется, он, в своей напыщенности, даже не представлял себе, что кто-то (в здравом уме и памяти) может отказаться от тёпленького ресторанный местечка и кругленькой суммы, разительно отличающейся от той, что давал Санни.

— Спасибо! — сказала Луис Санни, кивнувшему ей на футляр, и выскочила из его кабинета. Она не испытывала никакого желания снова встречаться с этим типом и понадеялась, что после парочки её дерзких реплик импрессарио не захочет даже слушать её. Ну, в крайнем случае — разговаривать с ней после выступления.

Странно как-то всё совпало, думала она. Сначала Тайра, одолеваемая звёздной болезнью, самонадеянно выпускает на официальные каналы клип с микшированным голосом. Теперь появляется этот чванливый коротышка... И всё это тогда, когда она так счастлива в этом баре, в конце выступлений в котором придёт самый прекрасный человек на свете — проводить её... нет, не домой. Проводить её к себе. Ну... Хотя к себе — это, наверное, теперь для Луис и есть домой?

Рассуждая таким образом, Луис заскочила в гримёрку, где Юджина залепила ей щёку пластырем телесного цвета, на что теперь девушка согласилась без лишних слов. Теперь к ней никто не пристанет, когда будут знать, что Дэниел и правда её парень.

— Может, и платье наденешь? — задорно предложила Юджина.

— Нет, рано пока. Дэниела не будет сегодня.

— Откуда ты знаешь? Может, ему удастся вырваться с дежурства?

— Знаю, — многозначительно сказала Луис и засмеялась.

После чего быстро подхватила гитару, убежала, сопровождаемая Юджиной (ещё бы красotka в своё свободное время номер имита пропустила!), к сцене, где её уже объявляли. Девушка оглянулась на Юджину, которая ободряюще кивнула ей, и вышла в зал. Её приветствовали почти по-домашнему радостными возгласами. И Луис быстро подошла к привычному месту — к краю сценической площадки, уселась на него и бегло проверила струны гитары. Подкрутила один колок и приблизила к себе микрофон.

— Ты проснёшься, а в окно стучит
Дождь, посланный мной, навеянный мной.
В нём тихонько имя прозвучит
Сном, смытым с стекла небесной водой.

У мокрых окон ты в полусне
Всё будешь смотреть в тёмную ночь.
И нарисует дождь на стекле
Тропинки, что ведут лишь ко мне.
Шелестом трав, плеском дождя
Я прошепчу: «Откликнись, жду тебя!»
Шорохом шаг, блеск мокрых трав...
Взгляд опушу, пришедшего узнав... [Ш](#)

Она улыбалась, пока пела незамысловатую, легко узнаваемую всеми песенку из репертуара Тайры. И зрители ей тоже улыбались — не потому, что узнали песню, а тем интонациям, которые она вкладывала в эту песню. В баре давно привыкли к тому, что имита Луис поёт песни Тайры её голосом, но с другими интонациями, не копируя тех, узнаваемых, как это делают многие имита.

Под последние слова песни, под припев, зрители уже тихонько похлопывали или постукивали по столам, словно создавая ритм. Хотя на самом деле — подчиняясь ритму, заданному девушкой. А затих последний аккорд — и наступила тишина, после которой не громкие рукоплескания, а хлопанье в ладоши людей, которые оценили голос и мастерство имита, спевшей известную песню по-своему.

А Луис заалелась, будучи благодарной за то, что в баре сохранялся полусумрак: Дэниел всё-таки пришёл! Она словно настроилась на него, и он почувствовал её желание увидеть его и спеть для него!.. Он коротко кивнул ей и вышел из помещения.

Всё понятно. Отпросился или договорился с кем-то на время её выступления.

Девушка поклонилась аплодирующим посетителям и вышла в служебный коридор, чтобы сразу отправиться к гримёрке. Впереди ещё пять выступлений. Есть время подремать или поиграть на гитаре, репетируя выбранные песни. Санни не настаивал, чтобы она пела именно то, что он велит. Так что свой репертуар Луис корректировала сама. И чаще — в зависимости от настроения зала, от того, как посетители откликались на первую песню.

Но у гримёрки она столкнулась с Санни и Лахти.

— Луис, зайди ко мне ещё раз, — с заметным огорчением сказал хозяин бара.

Она молча повиновалась.

В кабинетике девушке предложили сесть. Сияющий коротышка Лахти только руки не потирал, глядя на Луис. Настроение девушки стремительно полетело. Уже мрачно она сказала, выразительно глядя на импрессарио:

— Я предупредила, что с этого места не уйду!

— Деточка, — нежно возвал к ней Лахти. — Ты это сказала, ещё не зная о тех условиях, которые мой хозяин готов предоставить такой имита Тайры, как ты.

— Я не впервые на сцене, — возразила Луис и с треском содрала с щеки пластырь. — И я прекрасно знаю, что может предложить мне ресторан. Но я не хочу ресторанных выступлений. Вам не повезло со мной. У меня сценобоязнь. Думаю, вы хорошо знаете, что это такое. Поэтому меня устраивает бар Санни.

— Сценобоязнь — это серьёзно, — согласился Лахти. — Но у нас есть свои бары, внутриресторанные. Ты могла бы выступать в них.

— Простите. Это ни к чему не ведущий разговор, — спокойно сказала Луис и поднялась

со стула. — И — мне некогда. Скоро мой выход.

— Девочка, ты зря со мной так, — сладко сказал Лахти в ей спину.

— Не разочаровывайте меня! Не надо меня уверять, что под этим элегантным пиджаком таится самый настоящий бандит, — ответила девушка, стоя уже у самой двери. И вышла, недовольно думая о том, что приставать этот коротышка будет ещё долго, пока не уверится, что все его посулы бесплодны. Может, вызвать Дэниела? Нет. Ему и так не до неё, а он ещё и бегаёт на её выступления.

Ладно. Будем надеяться, что этот теперь слащавый Лахти останется до конца, пока она не отпоёт последней песни. Наверняка он захочет выйти с нею — и вот он, Дэниел!

Девушка улыбнулась желанной сценке. И, словно в тон её мечтательной улыбке, с плеча скрипнули, и Прести легко и быстро обвился вокруг её шеи.

— Представляешь, — шёпотом сказал девушка, — мне тут предложили такой ужас! А тут ещё... — Она внезапно остановилась.

По коридору, пока не видя её, шли два человека. Они ей не были видны полностью: Санни свет в коридоре экономил, и тусклые лампы не могли показать внешность пришельцев. Но то, что это чужаки для служебного коридора, нетрудно было догадаться по первым же их шагам: они шли тяжело и уверенно — так, как ходят люди, облечённые властью. Чувствовалась в них и выправка...

Луис немедленно шмыгнула в женский туалет, мимо которого как раз проходила. Слегка отодвинув дверь от косяка, она осторожно взгляделась в этих странных незнакомцев. Те прошли, не заметив её в тенях коридорных поворотов, прошагав прямо к кабинету Санни. Зашли — не стучась.

Сердце сжалось. Луис быстро вышла из туалета и почти бегом добежала до гримёрки. Вбежав, она постаралась успокоить поспешный шаг и уже спокойно добрела до своего уютного местечка. Юджины, выступавшей на сцене с другими девочками, не будет ещё минут десять. Луис вжалась в уголок и, поглядывая на остальных, готовящихся к своим номерам, будто ненароком отодвинула край трельяжа, скрываясь за ним полностью.

Успела вовремя.

— Имиита Луис здесь? — спросил незнакомый голос.

Девочки огляделись и совершенно искренне сказали, что певицы в гримёрке нет. Как только девушка прошла мимо них и присела за зеркалом, они подзабыли о её присутствии, включившись в общий разговор о шмотках.

Когда дверь в гримёрку закрылась, Луис перевела дыхание и осторожно выглянула из-за края зеркала. Девочки всё ещё болтали о своём, так что девушка быстро пересмотрела косметическое богатство Юджины и быстро же нарисовала себе «лицо», с которым собиралась выйти на последующие выступления. Опыт имелся. Единственное, о чём пожалела, что не купила, как раньше думала, белокурого парика.

Потом прибежала Юджина, поразила внешности подруги.

— Так, Луис. Что произошло? — грозно спросила красотка.

— Ничего.

— Не ври мне! Я по гриму вижу, что ты испугана.

— Ты такое видишь?! — поразила девушка.

— Слушай, Луис, я на сцене уже давно. И читать по боевой раскраске могу безошибочно. Говори: кто тебя напугал? Сейчас мы ему!.. Да, девчонки?

— Ага! Ты нам только покажи — кого! Как только, так и сразу! — рассмеялись девочки,

не обращая внимания на серьёзно возмущённую Юджину. — Кстати, Луис, где ты была? Тебя тут искали!

— Кто искал? — насторожённо спросила сообразительная Юджина, которая сразу связала появление людей, ищущих девушку, и растерянность Луис, немедленно спрятавшейся под гримом.

— От Санни приходили, — отозвалась одна из девочек.

Луис дёрнула Юджину за руку, заставляя сесть.

— Всё хорошо. Мне просто показалось... Ты знаешь, что во время первой моей песни в зале был Дэниел? — легкомысленно спросила она, надеясь, что её голос не дрожит.

— Луис, не уходи от вопроса, — потребовала Юджина. — Я хочу тебе помочь. Что происходит? — Она возвышалась над сидящей девушкой и встревоженно смотрела на её виновато склонённую голову.

— Ничего, — неожиданно для неё процедила сквозь зубы девушка и выпрямилась. — Мне просто надо незаметно исчезнуть из бара.

— А как же другие номера?

— Ты сама сказала, что хочешь мне помочь, — упрямо ссутулилась девушка.

— И как ты хочешь, чтобы я тебе помогла? — скептически спросила Юджина.

— Я выпрыгну из окна туалета, а ты подашь мне гитару.

Снизив голос, Юджина спросила почти шёпотом:

— Луис, что происходит?

— Меня ищут в связи с преступлением, — безжизненным голосом сказала девушка.

Юджина убедила Луис оставить гитару у Санни. И теперь девушка была благодарна ей за эти уговоры.

Выпрыгнув из окна, как и договорились, налегке, время от времени вжимаясь в плотные тени от домов, чтобы пропустить редкие встречные машины, она бежала ночными переулками и галереями в свою комнату, примерно предполагая, сколько времени у неё на фору перед теми незнакомцами. По дороге успела даже заскочить в один из привычных для неё и Дэниела магазинчиков, чтобы там, в банк-автомате, снять наличные со своей карточки.

Гитары жаль... Нужно быть реалисткой — угрюмо думала Луис. Теперь этого прекрасного инструмента ей не видать никогда. Потому что она за ним никогда не вернётся... Она снова замерла, прижавшись к стене. Мимо проехала машина, свернула в другую сторону, с её пути... Пришлось ещё сделать крюк, обегая бар, где работал Дэниел.

На бегу она нерешительно подумала, не воспользоваться ли тем номером вирта, который дал ей Дэниел. Но одёрнула себя: эта ситуация ей знакома — когда приходится бежать, оставляя все вещи, нажитые за время короткого отдыха от погони, оставляя всех, с кем сдружилась. А Дэниелу может быть хуже, чем ей. И... Вдруг этот звонок только на один раз? И — помогут ей, а для Дэниела шанса не будет?

Она почти впрыгнула в свой проулок и помчалась к двери своей комнаты, когда почти в кромешной, привычной ей тьме что-то ворохнулось — что-то ещё более тёмное, более плотное, чем успокаивающая сейчас её тьма. Схватившись за стену, близко к которой бежала, она резко встала.

Сердце ударило лишь раз, раздирая всё тело. И этот удар отозвался в глазах ослепительно-белым взрывом!

Её тело выгнуло необъяснимой, но страшной силой. Что-то взорвалось в голове, и показалось — взорвалось до того же ослепительного, чудовищного мрака! И кто-то другой начал повелевать всем её телом, заставляя делать страшные вещи...

Правда, на этот раз чужой в её сознании властвовал недолго. Странный верещащий визг извне ворвался в голову, занятую сумасшедшим и властным пришельцем. Этот визг разрезал страшную белую тьму... И Луис снова пришла в себя — в тёмном переулке, сжимающая нож лезвием назад. А в глаза смотрели сияющие призрачно-зелёным огнём глазища. Они будто впитывали её убивающий взгляд и осторожно тушили его...

Кто-то совсем рядом простым, человеческим голосом что-то сказал.

Она обернулась (зелёные глазища мгновенно исчезли), не понимая негромких слов, только дышала открытым ртом, жадно втягивая холодный воздух. Потом, будто прикосновением к чужой коже, почувствовала прикосновение чужой руки к своим рукам. Неизвестный, невидимый в темноте, настойчиво встряхнул её руку и потянул за собой. Открылась дверь, хлынул из неё свет. Как зачарованная, подталкиваемая неизвестным, говорящим утешающие слова (смысла она не понимала, слышала только интонации), она вошла в комнату — и только сейчас узнала Оливера. Он ввёл её в свою комнату.

— Луис, — монотонно повторяя, видимо, уже не впервые, позвал он. — Луис, ты меня слышишь? Ответь мне, Луис! Покажи, что ты понимаешь меня! Ты испугалась? Луис?

Первым делом, придя в себя, она машинально и незаметно спрятала нож назад — в

рукав. Прести сам давно спрятался от Оливера. Прищурившись, Оливер заглянул в её глаза, кажется, сообразил, что она пришла в себя, и велел:

— Садись. Что случилось?

Она потащила руку из его послушно расслабившейся ладони.

— Мне нужно уезжать. Срочно. Сколько сейчас времени? — Она взглянула на включённый вирт и охнула: — Господи, зачем я вообще сюда вернулась?!

— Успокойся, Луис, — он даже погладил по её руке. — Сядь и объясни. Ты убегаешь? Тебя обидел Дэниел? Вы уходили с ним такие счастливые — аж до завидок! А теперь...

— Мне надо уехать — и немедленно, — как заведённая, повторила Луис и снова рванула к двери. — Мне нельзя оставаться здесь!

Он неожиданно грубо поймал её за руку и толкнул в сторону. Она еле удержалась на ногах. Закрыл дверь, к которой девушка было снова подскочила, и спокойно сказал:

— Если уедешь — Дэниела убьют.

— Отпусти!! — закричала чуть не в истерике.

И вдруг — будто эхо его слов расслышала, поняла, что именно он сказал. Помолчала немного, вглядываясь в его металлически серые глаза.

— Что?

— Ты уедешь — Дэниела убьют, — сухо повторил он.

— Кто? — по инерции спросила она.

Она смотрела в его глаза, совершенно дезориентированная. Ничего не понимала, хотя пыталась привести в порядок мечущиеся мысли обо всём сразу. Наконец инерция выручила и здесь, заставив задать более логичный вопрос:

— За что?

— Тебя не будет — у него не будет причины ходить в бойцовский клуб. И в первом же бою без тебя, пока он не знает, что тебя нет, его убьют. Потому что для репутации клуба это выгодно — убить непобедимого. Это красиво. Это — переживательно. Это хорошо для эмоций публики, — саркастично добавил он. — И это — приманка для зрителей.

— Но как можно убить непобедимого? — сказала и поняла, что задала глупый вопрос. Что подтвердил и Оливер.

— Легко. Подсыпать ему что-нибудь в еду. Дать ему спортивную майку, заранее пропитанную в определённом веществе. Да хоть просто укол. Сделать непобедимого слабым, не соображающим, что происходит и что нужно делать. Таким станет Дэниел. И его убьют. Красиво — для публики.

— Оливер... — медленно, словно просыпаясь и начиная понимать, сказала девушка. — А ты кто?

— Я поводырь Дэниела. То есть... Меня подселили в эту комнату, едва узнали, что он отлично дерётся. Я должен был сообщить боссам, как только появится возможность привлечь Дэниела к боям. Такая возможность появилась — ты. Ваши чувства друг к другу. Уже без меня Дэниелу пригрозили расправой над тобой. Он про меня не знает. Для него я всего лишь сосед. — Он прошёл по комнате и сел на низкий диван. — Садись и расскажи о своих проблемах. Теперь я ваш общий поводырь. И сделаю всё, чтобы ты не убегала с Кэсси. Дэниел слишком дорого стоит нашему клубу, чтобы лишаться его из-за какой-нибудь мелочи.

— Я ничего не скажу. — Она ещё не совсем понимала ситуации, слишком жёстко замкнувшись на своей беде.

— Ещё интересней. Луис, давай так. Ты не говоришь о внутренней причине своего побега. Говоришь только о том, что тебя... испугало. Я решаю твою сиюминутную проблему. Все довольны. Как?

Девушка присела на диван подальше от Оливера. Понимание, что вот-вот к её комнате подъедут люди, которые охотятся за ней, заставило её лихорадочно размышлять. Светлорусый парень сидел молча и терпеливо ждал.

— В бар приехали люди, которые ищут меня, чтобы арестовать, — наконец сказала Луис. — С минуты на минуту они будут здесь. Полиция. Этого хватит?

Он словно прислушался к звучанию её слов, словно попробовал их на вкус, после чего взял вирт и встал.

— У меня ситуация «игрек», — сказал он собеседнику. — Достаточно человек пять. Но немедленно.

Луис сидела на диване, слыша, но не вслушиваясь. Она только сейчас начала осознавать, в какую пропасть вляпалась. Из свободной жизни, которая ей так нравилась, одним словом Оливер втянул её в жизнь, полную ограничений и ловушек. Нет. Не Оливер! Это она сама виновата! Не надо было бежать сюда! А она побежала. Чего ради? Ради вещей, которые могла купить чуть позже — в процессе, когда они ей понадобятся. Не дослушала, не сообразила, как можно вывернуться — выболтала тайну Оливеру, сама сунулась в трясину. Что же она наделала...

— Ну, вот, — с облегчением сказал Оливер, садясь рядом. — Теперь твои проблемы решены. Легко и быстро.

— Их убьют? — шёпотом спросила она.

— Не думай ни о чём, — снова сухо сказал Оливер.

— Совсем ни о чём? — заторможенно проговорила Луис. — Ни об ошейнике, который я добровольно нацепила на себя в тот момент, когда сказала тебе, что со мной... Ни о людях, которые умрут, потому что я попала в ловушку... Лучше бы они меня арестовали.

— И погиб бы Дэниел.

— Ты... профессионально решаешь проблемы, — сказала девушка, всё так же задумчиво глядя на него. — Оливер, а что бы было, если б ты сам погиб минут пять назад? Когда в проулке подошёл ко мне, почти невидимый?

Он резко обернулся к ней всем телом — при этом слегка отодвинувшись так, чтобы между ними было небольшое расстояние.

— Полиция, — сказал он, будто пробуя слово на вкус. — Полиция. Что же натворила имита Тайры, что её ищет полиция? Ты, конечно, не скажешь?

Теперь она, собранная, как перед прыжком, сама слегка повернулась к нему. От недавней вялости не осталось ни следа. Она выглядела опасной. И не только выглядела. Эту опасность Оливер учуял кожей: он снова отодвинулся.

— Имита убила, — сказала она спокойно. — И может убить снова. Это ты хотел знать?

В комнате слышалось лишь зачастившее, еле уловимое дыхание напряжённого человека — и это была не Луис... Понимая, что он ничего ей не сделает, девушка опустила глаза и, тихо вздохнув, спросила:

— Ты сможешь сделать так, чтобы меня потом подвезли к бару Санни? Когда там всё успокоится? Мне осталось выступить с несколькими песнями.

— Да, смогу, — хрипло ответил он и сразу встал, при этом ещё немного отодвинувшись от Луис. Хотел было сделать это незаметно, но движение получилось судорожным.

— Я не кусаюсь, — тихо сказала девушка. И добавила: — Пока не доведут.

После чего отвернулась, а Оливер, мрачно посмотрев на неё, отошёл к небольшой барной стойке, которая делила комнату и место для обеда, — снова поговорить по вирту.

Луис сунула руку под куртку. Мокрый нос ткнулся в пальцы, и девушка погладила дракончика, безмерно ему благодарная, что в нужный момент своим ужасающим визгом, похожим на верещание (только для неё! Судя по всему, Оливер ничего не слышал), он успел остановить её в шаге от убийства.

Оливер после разговора по вирту сказал, что незнакомцы ушли из бара и, кажется, едут сюда. Он вывел её из своей комнаты через другую дверь — в другой проулок. Там их дожидалась машина. Луис решила, что «поводырь» доведёт её до машины и отправит с незнакомым водителем. Но он сел рядом, правда, оставив немного места между собой и имита. Водитель немедленно закрыл свою часть машины. Едва машина тронулась с места, девушка поняла — почему: Оливер заговорил с нею.

— Если хочешь, хозяева клуба обеспечат тебе постоянную охрану.

— И как это объяснить Дэниелу?

— Он не заметит наших охранников.

— Не уверена в этом. — И, помолчав — глядя в боковое окно, не оборачиваясь, Луис спросила: — Вы о Дэниеле всё знаете? Кто он?

— Он из вечных бродяг, — пренебрежительно ответил Оливер. — Такого рода люди часто попадают в наш клуб. Никогда долго не сидят на месте, вечно перелетают с планеты на планету, будто ищут чего-то. Он с тобой не говорил о чём-нибудь?

Она поняла — о чём. Что ищет Дэниел. Усмехнулась.

— Автоматически ты перевёл меня в доносчики? Весьма признательна. Или ты думаешь, что теперь я стану источником информации по Дэниелу?

— Мы как-то вытащили у него два пистолета, — выждав немного и убедившись, что пауза затянулась, продолжил Оливер. — Это тоже хорошо вписывается в образ бесшабашного бродяги. Такие люди, как он, умеют многое, потому что часто им приходится приспособливаться к тем обстоятельствам и условиям, в которые попадают.

Девушка не дрогнула ни единой чёрточкой лица: они не знают, что Дэниел — «мёртвый глаз»! И тут же вспомнилось, как Дэниел дал тот самый номер вирта — палочки-выручалочки: он набрал его на память. Свой вирт он вытащил лишь для того, чтобы она увидела его и вынула свой. Вывод: на его вирте того номера нет. Поэтому Оливер много чего о Дэниеле не знает.

Почему-то Луис сразу стало теплей: раз о них двоих, пойманных друг на друга, не знают хоть чего-то, это внушает больше уверенности.

Дэниелу она ничего не скажет. Не надо его беспокоить каким-то «поводырем».

Оливер всё поглядывал на неё, явно собираясь спросить о чём-то, но пока помалкивал. А самой девушке не хотелось говорить, потому как хотелось побыстрее оказаться в баре, где можно выпустить заскучавшего Прести.

Наконец они подъехали к бару Санни — с задворков, к служебному входу. Оливер вышел первым, подал руку Луис, помогая выбраться из машины. Хлопнул дверцей и только тут спросил:

— Тебе очень нравится Дэниел?

— То есть? — изумилась девушка.

— Когда всё закончится, я хотел бы... дружить с тобой. Если бы стала моей... подругой,

ты получила бы очень многое. Разве тебе не хотелось бы стабильной жизни? Наш клуб может нам это обеспечить.

Он сказал эту потрясающую фразу настолько серьёзно, что Луис переступила на месте, слегка поворачиваясь, зная, что он вглядывается в её лицо и повернётся следом за ней — к свету. Да, он был очень серьёзен, высказываясь

— Оливер... — Она прикусила губу и, собравшись с мыслями, сказала: — Я не мастак говорит некоторые вещи. Вот только, мне кажется, быть поводырем — это так мелко.

— Я думал, ты скажешь — низко, — уязвлённо усмехнулся он.

— Нет. Именно мелко. Сталкивать людей, заставляя их следовать твоим указаниям, вынуждать их делать то, чего они не хотят, — с моей точки зрения, это мелко, потому что конечная цель — заставить их драться... Пусть ради больших денег... — Она снова неловко замолкла. — Нет, я не могу объяснить это.

— Мы плохо знаем друг друга, — спокойно сказал он. — Дай время для естественного хода событий, а там — посмотрим.

Она попыталась не скривиться, и это ей удалось.

— Хорошо, так и сделаем, — согласилась она. — А теперь я побегу. Надеюсь, Санни не слишком будет кричать на меня за моё опоздание.

Последнее она выговорила легкомысленно и только взялась за дверную ручку, как вирт в кармане куртки заставил её остановиться. Оливер, повернувшись было к машине, не оборачиваясь, остановился. Спустя секунды он, наверное, здорово пожалел о желании послушать, о чём будет говорить девушка.

— Да, я здесь!.. Нет, я сейчас войду, и ты убедишься, что я здесь! Да-да! Прямо сейчас! — Радостно договаривая на ходу, она закрыла за собой дверь. Прести немедленно выскочил из её куртки и поспешно зашипел, когда в длинном коридоре показалась высокая знакомая фигура.

Луис подпрыгнула на месте и помчалась навстречу Дэниелу, который бежал по коридору, всё ещё прижимая вирт к уху.

Он схватил её прижать к себе и, смеясь, выговорил:

— Что случилось? Санни бесится! Юджина молчит, как заговорщик! Все, у кого спрашиваю о тебе, молчат в тряпочку!

Она сжала руки вокруг его шеи. Нет, ему она говорить ничего не будет — это точно. Беспokoить его своими скелетами в собственных шкафах? Ни за что?

По её левой руке на его плечо поспешно сбежал тихонько, но тоже радостно повизгивающий Прести. Дэниел вздохнул, глядя на зверушку, и опустил Луис на пол.

— Санни сказал, что тут приходили от «Марго», и ты им отказала. Это правда? Почему ты им отказала? Они платят неплохо.

— Тебя не пропустят в ресторанный зал, — сказала она, любовно расчёсывая пальцами его лохматые тёмные волосы. — Здесь ты можешь ходить сколько угодно — и тебе никто ни слова не скажет! А там... Зачем мне менять зал для выступлений, если сейчас ты со своей работой гораздо ближе ко мне?

— Смешная и глупая, — пробормотал он, ткнувшись ей в плечо.

— Я не глупая, а влюблённая, — поправила она, ладонями охватывая его лицо и разглаживая морщинки между бровями. — Поэтому я хочу, чтобы сегодняшнее повторялось: я пою, и вдруг вижу тебя. Это так здорово!

Она почувствовала, как его руки приподняли ей куртку сзади и легли на спину. Его губы

нашли её, прошептали, задевая их:

— А не пошли бы все они, а?..

— Ага! — выдохнула Луис в его рот и первая прильнула к нему.

... В баре тех незнакомцев, с выправкой, и в самом деле уже не было.

Потом, когда Дэниел поспешно ушёл на работу к себе, она умилоstellивила грозного Санни тем, что сама предложила спеть несколько песен подряд, а потом сидела на краю сцены, пела, наслаждалась собственным пением, откликом зрителей и страшно недовольным видом так и не ушедшего из бара импрессарио Лахти.

Юджина уже уехала в другое место для выступления. Так что Луис была рада, что красotka не будет приставать к ней с вопросами. Хотя было ясно, что Юджина-то как раз и не пристанет, а будет выжидать, когда девушка сама захочет ей всё рассказать.

Хуже было, что теперь Луис знала: за нею и Дэниелом, не спуская глаз с них обоих, наблюдают. Но больше других проблем её волновала другая: рассказывать ли обо всём Дэниелу? О том, что Оливер — не просто жилец и добродушный сосед. О том, что Оливер обладает некоей властью от клуба, которой пользуется легко, а ему подчиняются там с одного слова?

Будет ли умолчание Луис обо всём, что она сегодня узнала, однажды воспринято Дэниелом, как недоверие к нему?

— Девочки, вы не представляете, кто сидит в баре! — ахнула заскочившая в гримёрку девушка. Остальные заинтересовались и начали расспрашивать её. После чего она гордо выпалила (первая увидела!): — Здесь тот самый Ядро-Убийца!

— Что-о? — вырвалось у Луис.

— Ты знаешь, кто он? — немедленно обернулись к ней девочки.

— Слышала кое-что, — уже растерянно пробормотала девушка. Да что сегодня за ночь такая! Столько событий, столько людей! — А... что он здесь делает?

— Да не знаю! — отмахнулась девочка, принёсшая новость. — И он не один! С ним ещё качок из бойцовского клуба! Девочки, а вы помните, как мы ходили в тот клуб? Луис, тебе надо там однажды побывать! Мужские драки — это такое волнующее зрелище!

Прести вопросительно прошипел что-то на ухо Луис, и она сразу отвлеклась от быстрого и какого-то нервного разговора девочек. Задумалась. Если Ядро-Убийца пришёл не один, не значит ли это, что он будет поджидать Дэниела? Неужели он хочет взять реванш — и отомстить Дэниелу за публичное унижение на арене? Дэниел, как и Луис, никогда не скрывал, что встречается и провожает имита Тайры.

И ещё вопрос: говорить ли о Ядре-Убийце Оливеру?

Сидя перед зеркалом Юджины, Луис положила локти на край трельяжа и, опершись подбородком в переплетённые пальцы, посмотрела в зеркало. Всего несколько часов назад всё было хорошо и даже волшебное.

И вот сейчас можно перечислить беды, навалившиеся на неё настоящей лавиной. Это стечение обстоятельств? Или это справедливое возмездие судьбы?

Дракончик, весело скакавший перед ней по трельяжу, внезапно остановился и заглянул ей в глаза. Ещё одна тайна. Оказывается, кроме умения лечить, Прести обладает странным свойством возвращать к реальности. Если примерно так можно назвать тот миг, когда он пронзительным воплем снял с неё её старое проклятие ухода в чёрную тьму и не дал снова, в очередной раз стать убийцей.

— Луис, там зрители просят тебя выйти ещё раз, — сказал вошедший в гримёрку Санни,

усталый и довольный — особенно при взгляде на неё: ещё бы — не сбежала в ресторан! И молчит по поводу трёх дней!

Девушка быстро расчесала волосы, брызнула на них лаком и, прихватив гитару, поспешила за хозяином бара. Уже в спину ему она спросила:

— Кто-нибудь из завсегдатаев?

— Нет. Этого человека ты не знаешь. Он редко ходит по барам. Но ему рассказали про тебя, и он с удовольствием послушал, как ты пела. Да — я знаю, что он борец. И пришёл с друзьями.

— Ядро-Убийца, — пробормотала Луис, чуть не остановившись. Но Санни пообещал этому типу её песни, и девушка не хотела бы подставлять хозяина бара.

Она всё-таки вышла. Хотела пройти, не поднимая глаз, лишь бы не видеть того, кто неожиданно заказал её песни. Но, усевшись на привычное место, не выдержала. И с трудом подавила усмешку: да, за одним столиком сидел Ядро-Убийца со товарищи, а сбоку, но так, чтобы ему было видно, сидел Дэниел, пришедший, чтобы проводить её домой.

Сговорились они, что ли?

Санни зашёл в гримёрку за гитарой Луис, чтобы собственноручно отнести ценный музыкальный инструмент к себе на хранение до следующей ночи. Если недавно Луис видела его успокоенным, то сейчас морщинка между его бровями, чью рыжесть словно припорошило проступившей сединой, выглядела довольно горестно. Девушка сначала не поняла, в чём дело, слишком взбудораженная потоком событий, которые предстояло ещё осмыслить и с ними же определиться, что из них требует немедленного решения, а что — подождёт. А пока сидела перед зеркалом, стараясь как можно ловчей приклеить маскирующий пластырь на царапину.

— Санни? — Сосредоточившись на том, чтобы не смять пластырь и наклеить его ровно, Луис не сразу обратила внимания, что владелец бара всё ещё стоит у неё за спиной, рассеянно прижимая футляр к себе. — Что случилось?

— Две ночи осталось, — вздохнул Санни, — что ещё? Ты же предупредила. Вот... Переживаю. Привык к тебе. А тут ещё...

— Санни! Там драка! — ворвался в гримёрку один из официантов. — Охрана не справляется!

— Следовало ожидать! — совершенно спокойным, хоть и с ноткой обречённости голосом сказал хозяин и, положив футляр с гитарой на пустой столик трельяжа, поспешил к выходу: — Там, где эти двое... Чёрт бы подрал этого Лодера! — И, оглянувшись от порога, объяснил специально для девушки: — Это и есть Ядро-Убийца, если не знала... Луис, не выходи пока. Надеюсь, страховка покроет все разрушения в основном зале. Эх...

Выходить девушка и не думала. В тот самый основной зал. Но подглядывать собиралась наверняка. Так что, едва голос Санни затих вдалеке, она вскочила со стула и помчалась к двери. Прести немедленно обмотался пушистым шарфиком вокруг её шеи и зашипел что-то воинственное, вроде как: «Берегись! Это мы бежим!»

Бар заканчивал работу — время приближалось к утренним часам, поэтому группа людей, собравшаяся между залом и служебным коридором, оказалась небольшой, но достаточной, чтобы Луис могла спрятаться за спинами любопытных.

Середину помещения уже «расчистили»: столы и стулья валялись по сторонам, ближе к стенам, некоторые — в плачевном состоянии; барная стойка сломана, как будто её кто-то ударил ногой — но каких размеров!.. Возможно, на неё грохнулись в падении — предположила изумлённая Луис. Дрались в основном Дэниел и Ядро-Убийца. Ещё двое сидевших, пока Луис выступала, рядом с Лодером, пытались нападать сзади на Дэниела, а им пытались в том помешать охранники бара. Но тренированные на бои здоровяки лишь пренебрежительно раскидывали всех, пока кому-то из охраны не надоело. После недолгой переклички охранники взялись за сломанные предметы мебели — с искренним и вполне объяснимым желанием доломать их о каменные головы разбушевавшихся бойцов.

Радикальное решение охраны запоздало. Бой между Дэниелом и Лодером оказался таким впечатляющим и завораживающим, что потенциальные жертвы охраны, ещё минуту назад пытавшиеся помочь зачинщику драки справиться с Дэниелом, замерли, лишь следя за ходом событий.

Рабочие бара и посетители, которые успели заметить начавшуюся драку или которые не успели выйти из бара от греха подальше, переживали, естественно, в первую очередь за

Дэниела. Опасливо поглядывая на Лодера и его дружков, люди всё же время от времени охали, если Дэниелу, казалось, вот-вот попадёт, или пытались поднять дух своего фаворита подбадривающими вскриками.

Странно. Сейчас Ядро-Убийца казался гораздо более пластичным, чем ночью на клубном ринге. Он и дрался без всякой бешеной рисовки, определённо настроившись на единственный хороший удар, которым можно положить Дэниела сразу. Но — тем не менее слишком плотный из-за мышечной массы. Суховатый и гибкий Дэниел ускользал из-под его ударов мгновенно. И ещё успевал ударить в ответ. Дэниел тоже дрался не так, как в клубе: присматриваясь, делая короткие удары — с прицелом к уязвимости противника.

Один раз из куртки девушки вылез дракончик. Оглядел помещение, застыл зелёными глазами на середине, превращённой в ринг. Луис погладила его по плоской голове, но Прести обшипел её, после чего повернулся к «рингу» и обшипел и его. Судя по всему, грохот и невольные стоны сталкивающихся противников не доставляли ему боевой радости. Потом, как показалось девушке, зверушка вздохнула и медленно осела вовнутрь куртки своей хозяйки.

Зрители ахнули, когда здоровяк обрушил на Дэниела оба мощных кулака. Да только Дэниел уже рванул в сторону, и удар, чуть не вбивающий в пол, получился скользким от плеч до поясницы. Этот удар не отправил Дэниела в нечто вроде нокаута, но заставил упасть на колени. Отчего и охнули все.

Правда, Дэниел не грохнулся, а стремительно, используя инерцию падения, перекатился в сторону — и встал за спиной Лодера. Зрители даже неуверенно посмеялись, когда Лодер ошеломлённо огляделся в поисках исчезнувшего противника. Наконец он обернулся и с глухим рыком снова набросился на Дэниела.

Далее пошла, судя по всему, затяжная драка, когда противники кружили друг против друга, только примериваясь к удару, и пока удовлетворялись пробными тычками.

Зато... Неизвестно, как остальные, но Луис сразу заметила, как из раскрытых дверей в помещение мягко и почти незаметно влетели три человека. Она бы не обратила на них внимания: на них нет формы — не полиция, что для неё было главным. Решила бы — Санни вызвал ещё подмогу. Если бы не узнала по фигуре одного — Оливера. Мелкими кивками он послал двоих в сторону приятелей Лодера, которые уже не дрались, а увлечённо следили за боем, уже не возражая против компании остальных зрителей.

Теперь девушка уже целенаправленно наблюдала за пробирающимися между зрителями двумя незнакомцами. В суматохе и в увлечённости боем поединщиков, разных по параметрам, но почти одинаковых по опасности, исходящей от каждого, незнакомцы легко прошли толпу и встали за спинами приятелей Ядра-Убийцы.

Лодер и Дэниел аж подпрыгнули от неожиданности, когда два приятеля Лодера вдруг рухнули им под ноги. Уже не скрываясь, незнакомцы стояли над ними. Один из них демонстративно спрятал в коробку шприц и обыденно сказал — даже не велел. А просто кивнул бойцам, чтобы те поняли, что не высказанный интонационно, но всё-таки приказ относится именно к ним:

— Брек, в общем. Разошлись, ребята.

Дэниел и Лодер переглянулись. В какое-то мгновение Луис испугалась, как бы они не выступили против этих двоих, так легко убравших приятелей Лодера. Слишком опасными показались эти, действующие со шприцами. Если что — не замедлят с огнестрельным, или какое у них там есть оружием.

Бойцы вопросительно заглянули друг другу в глаза. Дэниел повернулся первым. И это не было поражением или слабостью, что прекрасно поняли все зрители. Так уступить мог лишь сильнейший...

Девушка, стараясь сделать это незаметно, огляделась: Оливера нигде нет, хотя он не выходил, — уж за выходом она после его прихода следила внимательно. Но вскоре увидела: он стоял неподалёку от Санни, прислушиваясь к тому, что хозяин бара говорил по вирту. И Луис встревожилась: не лишнего ли говорит сейчас Санни? Но Оливер постоял, послушал и спокойно пошёл прочь. Лишь однажды обернулся. Резко. Девушка не успела отвести глаза, ожидая уже с облегчением, пока он уйдёт, — и его взгляд словно ударил её по глазам... Отвернулся. Вот теперь видно было, как он ушёл в коридор, ведущий к выходу из бара...

Деловитые незнакомцы со шприцами дождались, пока из того же коридора выйдут ещё два человека, подобные им, и уже вчетвером уволокли поверженных бойцов из бара. Причём один из них, тот который развёл бойцов, негромко предупредил хозяина бара не вызывать полицию. Когда тот недовольно сказал, что ремонт встанет ему в копеечку, незнакомец велел быстро оценить сумму ущерба и передать список бойцовскому клубу... Лодер, понурившись, враскачку пошёл за ними.

А сердитый Санни начал командовать своими людьми, уже зорко оценивая на глаз, какие разрушения являются быстро восстановимыми в ближайшее время, а из-за каких придётся повозиться, вкладывая немалые деньги.

Где же Дэниел?

Луис взглянула на коридор, ведущий в служебные помещения, вовремя: на пороге возник Дэниел, недоумённо оглядываясь. Девушка улыбнулась. Её ищет. И поспешила к нему. Наткнувшись взглядом на неё, Дэниел с облегчением заторопился навстречу.

— Где твоя гитара?

— Теперь я оставляю её у Санни. Дома есть запасная. Забыл?

— Забыл. Пойдём?

— Ты не устал? Может, такси вызвать?

— Если ты не против, хочется немного прогуляться. Что-то сиюминутной драчки, да ещё с Лодером я не ожидал. Но если...

— Нет. Мне нужно тебе кое-что сказать, а дорога обычно у нас занимает с полчаса. Успеем поговорить.

— А почему не дома?

— Вот с этого и начнём.

Они уже шли по пешеходной дорожке. Время необычное для обоих — слишком позднее утро. Поэтому солнце уже встало где-то там, над крышами, и уже успело сотворить из галерей и переулков нечто вроде запалённых белым и серым порошком конструкций, слишком пустынных в это время. Сунув ладонь на сгиб локтя Дэниела и чуть ёжась от утренней прохлады, Луис начала:

— Дэниел, ты когда-нибудь проверял свою комнату на прослушки?

— Было дело, — мигом становясь сосредоточенным, сказал Дэниел. — Но давно. А что? У нас проблемы?

«У нас»... На сердце девушки потеплело. Даже Прести, будто в ответ на это тепло, высунулся из куртки и зажмурился на белый свет с мурлыкающим ворчанием.

— Этих двоих, которые уложили Лодеровых дружков, привёл Оливер. Ты знаешь, что он твой поводырь?

— Пару раз я видел его в клубе, но не думал... — Дэниел оборвал сам себя и медленно улыбнулся — тем насмешливым крысиным оскалом, который однажды примирил девушку с его симпатичной внешностью. — Вот, значит, как... Что-то я в последнее время начал плыть по течению. Кажется, пора выбираться на берег. Как ты узнала о нём?

— Мне придётся рассказать тебе всё. — Девушка помолчала и опустила голову. Побег от напугавших её незнакомцев в форме имел и в самом деле длинную историю. Она решила рассказать её так кратко, как сможет. Если же Дэниел захочет узнать больше, она не откажет ему в подробностях. — Я училась на частном отделении вокала. На последнем курсе меня сбила машина. Голове здорово досталось. Сначала я обратила внимание, что у меня появилась сценобоязнь. Денег на психотерапевта не было. Другого образования — тоже. В семью вернуться не могла: там меня бы не прокормили. А потом обнаружилось... — Луис облизала пересохшие губы. — Обнаружилось, что я... У меня бывает помрачение рассудка в экстремальной ситуации — и я убиваю того, кто является для меня на тот момент раздражителем! — выпалила она, чтобы больше не тянуть. И выдохнула, остановившись и не понимая, как теперь дальше жить, если Дэниел скажет что-то такое... такое...

Он тоже остановился и притянул её к себе. Погладил по плечам, по голове.

— Не бойся... Я рядом. — И после минутного молчания сказал: — Ты проговорила довольно необычные слова. Значит ли это, что ты всё-таки попала к психотерапевту?

— Попала. Но только ещё раньше попала в очень нехорошую историю. О ней — не буду. Она не имеет отношения к Оливеру. Просто из-за той истории у меня появились деньги. Вот тогда я попробовала пойти к психотерапевту.

— Но он не помог, — проговорил Дэниел.

— Ничем не помог. — Чувствуя, что он не собирается вести её дальше, она ещё сильнее прикинула к нему. — Он использовал теорию страха перед нарушением запрета на убийство. И добился того, что теперь я боюсь выходить на улицу без оружия. Нож ты видел. Ношу его с собой постоянно, потому что ощущаю себя незащищённой без него. И однажды я убила человека, после чего за мной начала гоняться полиция Содружества. Вчера я увидела в баре двоих незнакомых мужчин. Мне показалось — они были в полицейской форме. Я сбежала и побежала домой. А в проулке между домами заметила кого-то и испугалась. Если бы не Прести... Когда со мной это происходит, в голову будто кто-то вламывается и начинает командовать мной. А Прести закричал на меня — и... будто выгнал чужого. Так я не убила Оливера.

— Зато он, судя по всему, поймал тебя в этом состоянии, — задумчиво сказал Дэниел, перебирая пряди её волос, отчего девушка становилась всё спокойней.

— Да, я выболтала ему, что, возможно, сейчас за мной придут, а он сказал, что он твой поводырь, что ему нужно, чтобы я никуда не убегала. Поэтому он теперь будет нашим общим поводырем. — И Луис рассказала почти всё, произошедшее несколько часов назад. Умолчала лишь о предложении Оливера стать его любовницей.

Дэниел и правда уточнил несколько моментов в её рассказе, после чего предложил пойти дальше, чтобы в движении согреться. Несмотря на то что стояли, обнявшись, утренняя прохлада начала пронизывать обоих.

— Тебе бы хотелось уехать отсюда? — спросил Дэниел, сжимая её озябшую ладонь.

— Мне нравится у Санни. Я давно ни у кого не останавливалась так надолго, — вздохнула Луис. — И я никогда не заводила друзей и подруг, как в этом баре. Но, наверное, так будет всегда, если где-то застревать как минимум на месяц. Тот человек в машине...

Помнишь? Ногами вперёд сидел... Это хозяин бойцовского клуба?

— Один из хозяев. Их трое. Боишься за меня?

— Иногда — очень. Дэниел, а ещё вопрос, про тот номер вирта... Если я по нему позвоню, сможешь ли ты потом им воспользоваться?

— Конечно.

Он сказал это так удивлённо, что она поверила.

— И что теперь мы будем делать? — с надеждой спросила она у него, заглядывая в его глаза. Теперь, когда сказано главное, а он не отказывается быть с ней, он же должен что-то придумать, чтобы изменить ситуацию!

— Если учесть, что Оливер отвёл от тебя беду с полицейскими, — после недолгого раздумья заговорил Дэниел, — и пока нам с тобой ничего не грозит, думаю, ничего предпринимать не будем. Единственное, что я прямо сейчас сделаю, — проверю комнату на прослушку, как ты и говорила. Не думаю, что в комнате она есть. Они ведь уверены, что поймали нас обоих в ловушку. Загнали. Но мне самому не по себе, как представляю... В общем, нам обоим будет спокойней, если будем знать, что в комнате чисто.

— Подожди. А если прослушка есть и нас прослушивают, вдруг они сообразят, что мы решили доискаться её и уничтожить? — встревожилась Луис.

— Ничего страшного. Для начала мы поищем прослушивающие жучки — для чего у меня есть один прибор в миниатюре — и весьма усовершенствованный. Такого они точно у меня не ожидают. Он не даст подслушивающим понять, что мы ищем что-то. А если микрофоны имеются, он будет глушить их. Причём фишка в том, что они понять не смогут, почему у них аппаратура не работает.

— А дальше?

— Дальше будем жить, как жили. До того времени, как придётся делать что-то, что круто изменит нашу жизнь.

— Дэниел, если не секрет... Почему ты дрался с Лодером?

— Он неправильно определил твой статус при мне. — Дэниел усмехнулся. — Пришлось ему объяснять, что к чему.

— Он дрался иначе, чем в клубе, — задумчиво сказала девушка, задумчиво же поглаживая высунувшегося Прести.

— Не накачался препаратами, снимающими боль, — спокойно подтвердил Дэниел.

Девушка некоторое время молча смотрела на него.

— Такое разрешается?

— Не всегда. Только с ведома и разрешения хозяев.

Они зашли по дороге в магазин, где Дэниел набрал столько продуктов, сколько раньше не набирал. Объяснил, что, когда приходится переживать нервотрёпку, его всегда тянет съесть больше обычного. Пока он стоял у кассы и ждал пересчёта покупок, Луис быстро набрала номер Юджины, чтобы предупредить подругу, что всё в порядке.

Та откликнулась сразу и радостно:

— Луисита! Не представляешь, насколько я рада тебя услышать! У тебя как?

— Всё нормально, — весело сказала девушка. — Я остаюсь ещё на неопределённое время, так что...

— Слушай, Луисита! — решительно перебила её красотка. — Ты зря испугалась, что это полиция. Это не полиция была! Совсем какие-то другие люди. Они и правда искали тебя, но это точно не полиция. Я у них документы спрашивала — ты же знаешь, что я могу

настаивать. У них никаких жетонов с собой не было! И они искали тебя по такому маленькому вирт-снимку! Сказали, что вроде как из частного детективного агентства.

— Странно, — только и смогла ответить Луис.

Она выждала, когда вместе с Дэниелом выйдет из магазина, и только после этого передала ему содержание разговора с Юджиной. Странная весть так захватила её, что девушка только сейчас подумала вот о чём.

— Дэниел, а что сделал Оливер с теми, кто меня искал, как ты думаешь? Их ведь двое. Неужели он приказал их убить?

— Не знаю, что он приказал, но проблему нашу он решил, — улыбаясь, сказал Дэниел.

Уже в своём проулке они весело переговаривались, пока открывали дверь в комнату Дэниела, пока переносили сумки и пакеты, а потом потрошили их... Затем Луис вспомнила, что хотела взять из своей комнаты кое-что из вещей.

— Дэниел, я быстро! К себе — и обратно!

— Стой!

Дэниел быстро подошёл к ней.

— Луис, только не пугайся. Но с этого момента ты всегда будешь на людях. Или на моих глазах. Так что в комнату твою мы пойдём вместе. Поняла?

— Поняла.

Она опустила глаза и голову, чтобы он не заметил её улыбки: ей этот приказной тон понравился. Как хорошо, что есть на свете человек, которому можно довериться!

Она повозилась возле двери немного: в тёмном, как всегда, проулке не сразу можно было разглядеть панельку для сенсорного ключа. Дверь открылась — и первым в комнату вошёл Дэниел. Она не успела переступить порог, как услышала его длинный свист. А потом ругательства сквозь зубы.

Обошла его и остолбенела: комната пережила полный разгром. В воздухе пахнет сожжёнными вещами. Ширмы, которыми она огораживала себе небольшие комнатки, переломаны и все лежат. Личные вещи разбросаны, причём все, хоть и слегка, но подожжённые. По стенам — чёрная сажа от затушенного пламени. Всё, что можно сломать, сломано. Не пощадили даже части комнаты от хозяев — два встроенных шкафа выглядят так, будто по ним лупили огромными молотами.

Прижав ладони ко рту, Луис в ступоре разглядывала комнату, которой совсем недавно так радовалась...

Снова вылез Прести. Дракончик округлил глазища — Луис горестно всмотрелась в его мордашу — и жалобно взвизгнула.

И этот жалобный звук для Дэниела стал сигналом к действию.

— Что из нужных для тебя вещей здесь было?

— Из нужных... Не знаю... — Рот морщился, с трудом контролируемый, и Луис с трудом же соображала, как ответить на простой вопрос. — Все основные мои тряпки у тебя. И гитара тоже. А здесь — так, мелочь всякая. И по хозяйству... И тряпки, которые мы... мы с Юджиной купили... Что такое здесь было? Что?

— В таких районах, как наш, бывает всякое, — философски сказал Дэниел.

Его простые слова, сказанные с различной ноткой сопереживания, привели её в себя. Девушка быстро обошла, иной раз высоко поднимая ноги — перешагнуть горы мусора, всю комнату. Быстро собрала вещи, которые ещё можно использовать. Дэниел помог, следуя за ней с большим пакетом. Затем они снова очутились у двери, и Дэниел привлек Луис к себе.

— Пошли ко мне. Отоспимся — разберёмся. А пока — смысла нет.

Уже в его комнате, переодетая и успокоенная, Луис, немного удивлённая, сказала:

— А что если... Что, если это те люди — из детективного агентства?

— Не нашли тебя — отыгрались на комнате? — усмехнулся Дэниел. — Не слишком ли глупо звучит? И ты сказала, что ими решил заняться наш старый друг Оливер. А он в баре был. И спокойный. Судя по всему, твою комнату разгромили хулиганы, польстившиеся на мелочь... Вот только одно меня смущает, — снова впадая в задумчивость, выговорил он. — Каким образом они замок твой открыли? Обычное хулиганье просто бьёт замок вдребезги, а здесь мы ничего не заметили — никаких отметин. Такое положение вещей здорово укладывается в действие, скорее, именно представителей детективного агентства. Но вот зачем им надо было громить твою комнату?

— События несутся так, что мне становится страшно, — со вздохом сказала Луис. — Что-то мне не кажется, что нас ждут спокойные дни, как ты думаешь...

— Хорошо. Чтобы быть спокойней, сделаем так: сейчас мы поспим (не знаю, как ты, а я валюсь с ног), а потом ты сбегает к Оливеру и выяснишь точно, что именно он сделал с теми, кто явился в бар Санни. Согласна? Ну и прекрасно. Завтракаем и — спать!

Перед сном Дэниел задумчиво сказал только одно:

— Ты заметила? Комнату разгромили совсем недавно. Пара вещей ещё дымилась... Значит, буквально перед нашим приходом сюда. И, кто бы это ни был, он не знает, что ты переехала ко мне. — И улыбнулся. — Вовремя.

— Теперь разбираться с хозяйкой, — тоже задумчиво сказала Луис и поёжилась.

— Забудь.

— Да нет, мне нетрудно будет заплатить. Просто неудобно. Подумает ещё...

— Главное только то, что подумаю я, — смеясь, Дэниел притянул её к себе и обнял. — Спим. А то что-то последние дни у нас довольно смутные выходят. Даже отдохнуть некогда. А потом попробуем разобраться, что у нас тут.

«И всё почему-то связано только со мной», — тайком вздохнула девушка, стараясь прижаться к нему, к горячему, как можно плотней. Прижаться так, чтобы ему удобней было обнимать её. Доприжималась. Дэниел пробормотал что-то ощутимо совсем не сонное. Его ладонь скользнула с плеча девушки, мягко проехала до её бедра... Луис изогнулась от одного этого нежного движения — с длинным вздохом, закончившимся почти бесплотным стоном, когда Дэниел приподнялся над нею. Секунды он смотрел на неё, а она восхищённо вглядывалась в эти тёмные глаза, которые темнели всё больше, наполняясь странной, чувственной глубиной и сиянием. Сон из них пропал окончательно... Дэниел осторожно наклонился и приник к её губам...

А когда всё закончилось, Дэниел снова закрыл её собой, обнимая за плечи, обмякая на неё мягко и бережно, так что она почувствовала его тёплую тяжесть с благодарностью — за ощущение защиты.

... Прести свалился на обоих откуда-то сверху. Дэниел сонно что-то проворчал — от внезапного, хоть и лёгкого прыжка на плечо. Но дракончик, сел, словно кошка, — передними лапами на его ухо, сам растёкшись по плечу, и, видимо, пригрел место. Дэниел сразу расслабился и уснул — судя по лёгкому дыханию. А Луис вслушивалась в его тихое, размеренное дыхание и, чуть улыбаясь и вспоминая его слова про «потом попробуем разобраться», думала, что мужчины, наверное, часто так считают: несчастье одно за другим, но жизнь продолжается; так, пока не стукнет основательно, зачем беспокоиться? Почти как в старинной пословице: гром не грянет — мужик не перекрестится... И уснула.

И приснился ей сон. Кошмар.

О том, что выспаться им не дали.

Что в дверь загрохотали так страшно, что Луис испугалась — до умирающего в болезненном, суматошном биении сердца.

Что Дэниел, довольно спокойный, только страшно недовольный, пробормотал что-то, размыкая объятия, но встал и пошёл к двери.

Что выяснилось: в дверь стучали двое полицейских...

Удивлённый, ничего не понимающий Дэниел не успел закрыть лежащую на его постели девушку. Луис только и успела накинуть на себя одеяло. Наверное, впервые, с тех пор как он здесь живёт (поняла по его досаде Луис), он пожалел, что не расставил ширмы, отгораживающие от входной двери вид на его комнату или хотя бы на кушетку.

И всё полетело, как летит только в сновидческом кошмаре. Ненормально.

Девушку попросили показать её комнату. Почему-то не удивились погрому. А потом предложили опознать нечто, запихнутое в прозрачный пластиковый пакетик. Нечто оказалось — её нижнее бельё. Изумлённая, Луис только и успела выговорить:

— Откуда у вас это?

И, договорив, поняла, что вокруг потемнело. Сонный кошмар среди белого дня стремительно и неумолимо начал преобразовываться во что-то такое жуткое, что Луис вдруг оказалась отрезанной от Дэниела. Она — здесь. Он — где-то там, среди полицейских, которые деловито шныряли по её комнате, выискивая какие-то доказательства, — и она не понимала, что за доказательства, для чего? А они что-то поднимали, выискивали, складывали в свои пластиковые пакетики, о чём-то издали спрашивали её, и она, ничего не понимая, отвечала сразу, не задумываясь...

А Дэниел ещё пробовал что-то узнать. Она слышала его как-то глухо, со стороны. Показалось, он ушёл и стоит где-то за тонкой, хорошо прослушиваемой дверью. И вроде преграда маленькая, но — он там. А девушка здесь.

А потом ей предложили одеться...

Она с ужасом обнаружила, что ходит до сих пор в одном коротком халатике, наспех наброшенном. Бросилась к наваленной одежде...

... и вывели её из комнаты Дэниела — как объяснили, кое-что показать. Или посмотреть? Дэниел — она опять чувствовала его где-то на периферии своего пространства — шёл за ними, поскольку полицейские не возражали.

Пять шагов — от двери его комнаты до противоположной стены. Дверь Оливера. Открытая. Луис нерешительно переступила порог, как ей велели, — и закричала, застонала, прижав ладони ко рту. Мимо них всех в комнату проскочил Дэниел, готовый защитить её от того, что она увидела и что её напугало. Чуть не сбил с ног одного из полицейских. И внезапно встал, а потом даже попятился...

Защищать не от кого.

Оливер, мёртвый, лежал у своей кровати. Маленькое кровавое пятно на лбу. Чёрная полоска снизу пятна поблёскивает. Кровь ещё не засохла.

— Вы знаете его? — спросил кто-то, кажется, обращаясь к девушке.

Она закивала, но её снова спросили о том же, и она вынуждена была сказать это вслух. И тогда ей сказали поразительную вещь:

— Вещи, опознанные вами, мы нашли в его комнате. Ваши следы в его комнате есть. Его в вашей — нет. Вы можете объяснить это?

Кошмар продолжался. И не потому, что у неё спросили об этом. А потому, что Дэниел оглянулся на неё. Непроницаемый взгляд.

И в этот момент она отчётливо поняла одно: он только с её слов знает, что она разговаривала с Оливером в его комнате. Теперь Дэниел, конечно же, думает, что они не только разговаривали...

Всё запуталось. Это главное, что она поняла. Запуталось так, что по-другому уже не объяснишь, разве только рассказав, что на самом деле происходит с нею самой. А она этого — рассказать — не сможет. Никогда.

Голова заболела. Лучший способ, чтобы больно не било в виски, — сидеть спокойно, расслабив мышцы лица. И лучше, если не разговаривать. Она даже не стала заходить (а её и не приглашали) назад, в комнату Дэниела. Стояла, прислонившись к стене, между двумя дверями, его и своей. Дожидалась, что будет дальше. Смотрела и не видела. Дэниел снова

где-то стороной ощущался. Не рядом. Отчуждённым.

Пока выносили Оливера, пока её провожали в машину, оставленную возле входа в проулок, она больше его не видела. Не подошёл...

В полиции её провели в пустую комнату, такую же просторную, как у Дэниела, только, вместо кушетки, посередине стоял стол и по две стороны от него — два стула. Ей предложили сесть на один, напротив устроился какой-то безликий человек, который принялся выпрашивать её о взаимоотношениях с погибшим. По наводящим вопросам она рассказала всё, что знала об Оливере. А затем ей сначала намекнули, а потом открытым текстом предложили: неплохо бы рассказать об интимных отношениях, бывших между ними, о ревности, из-за которой был убит Оливер.

И тогда она сказала равнодушно:

— Убили не Оливера. Убили меня. Дэниел не поверит, что я...

И заплакала. Не кривясь от слёз, а просто сидела, смотрела в ничто, а слёзы щекочуще бежали по лицу, и она где-то подспудно злилась на них, что отвлекают от переживания обиды. Но злилась тоже как-то стороной. Только когда изуродованную щёку защищало от боли, она спохватилась, приняла от дознавателя бумажный платочек. Мельком поймала брезгливый взгляд на её пальцы, прижавшие платочек к царапине, — и сама отвела глаза. Даже теперь чувствовала себя виноватой, что человеку пришлось видеть эту уродливую царапину.

Её отвели в камеру. В клетку. В душе девушки всколыхнулось было — хоть выспаться бы!.. Но спать не дали. Через полчаса её вызвали к другому следователю, и он задал те же вопросы об Оливере и о характере их взаимоотношений. Потом снова отвели в клетку. Где она уже даже не пыталась прилечь на койку. И оказалась права. Полчаса — и она, опасной преступницей, снова идёт между двумя конвоирами на следующий допрос. Другой следователь. Те же вопросы. Насколько она поняла — в плывущем заторможенном состоянии: её пытаются поймать на лжи, чтобы, прицепившись хоть к чему-то, выбить из неё признание.

Спрятавшийся на ней дракончик оказался единственной нитью, которая связывала Луис с реальностью. Достаточно было погладить его голову, и она будто опускалась на землю и понимала всё, что происходит. До следующего допроса, который вызывал у неё впечатление кошмара наяву.

А потом снова вызвали, но вдруг оказалось — не на допрос.

В кабинете — на этот раз, а не в помещении, гулком и пустынном, ей предложили подписать уведомление о невыезде. И уведомление о том, что выпущена под залог. И передали Луис её сумочку, с самой разной мелочью, всегда необходимой женщине, — отдали, естественно, тоже под расписку.

Растерянная и обрадованная — Дэниел! — она вышла в коридор уже без конвоиров и прошла по лестницам на выход. В вестибюле полицейского участка её ожидали двое: клюющий носом, измученный без сна Санни и разъярённая Юджина.

Красотка слетела со стула и кинулась обнять Луис. Та аж отшатнулась от внезапного порыва подруги.

— Чёрт бы всех и всё! — заорала она, не обращая внимания на снующих везде полицейских. — Что происходит?! Луисита! Не молчи! Что случилось?!

— Успокойся, Юджина, — попросил сморщившийся от её крика Санни. — По ушам же бьёт. Луис, девочка, поехали. Довезу тебя до бара — выспишься. А то разве не вижу, в каком

ты состоянии. А потом расскажешь всё, ладно?

Но ждать Луис не стала. Как только села в машину, тут же закрыла глаза. Пока Санни выводил из переулка машину, она сразу сказала, не открывая глаз и плывя в странном, покачивающемся пространстве:

— Меня обвинили в убийстве. Я не убивала. Откуда у вас такие деньги? Я видела в уведомлении, сколько вы перечислили.

— Это Дэниел дал, — сказала Юджина. — Я, правда, не поняла, почему он с нами не поехал, но денег он дал. Луисита, ты приляг на моё плечо. Нам ходу в таком потоке — с час, хоть немного поспишь...

Но перед тем как уснуть или хотя бы попытаться это сделать, Луис коротко же рассказала, что её комнату разгромили, пока её самой там не было. Потрясённый Санни покрутил головой и высказал только одно:

— Хорошо хоть, твоя гитара у меня хранится.

Безвольной куклой девушка и в самом деле приткнулась к плечу Юджины, полагая, что сможет обдумать происходящее — деньги Дэниела, например, но сон сморил сразу. А тут ещё постоянно прятавшийся в её куртке Прести вылез. Дракончик без всяких сомнений мгновенно залез на открытый участок хозяйкиной шеи, обвился так, чтобы греть... Последнее, что почувствовала Луис, — два движения: Прести лёг влажным носом ей на свободное ухо, а Юджина осторожно примостила свою голову на её — и тоже уснула. У самой ведь тоже ночь — рабочее время.

Спустя час, как и напророчила красotka, они все вышли у бара Санни. Внутри по дневному времени пустовало, хотя народ был: трое служащих прибирали зал после ночного происшествия, и уже дружно стучали молотками два вызванных мастера — подремонтировать то, что поддаётся ремонту на месте.

Девушки прошли мимо работающих, и Санни указал Луис на дверь гримёрки.

— Юджина сейчас уйдёт и тебе мешать не будет. Выпись.

— Для начала я зайду вместе с ней и помогу постельку сделать! — заявила красotka и выполнила свою угрозу.

В гримёрке, в подсобном помещении, нашлась старая тахта, выполнявшая функции места отдыха для выступавших, если им, как Луис, приходилось выступать в баре через долгие промежутки времени. Здесь, в уголке, рядом с рабочим зеркалом Юджины, — закрой только дверь в гримёрку, — не слышно шума молотков. И здесь Юджина накидала на тахту старых костюмов и приволоченных Санни старых скатертей и укрыла утонувшую в этой куче Луис, велев:

— Не думай ни о чём, Луисита. Спи. Приходи в себя. Потом поговорим. Я б тебя привезла к себе, но только я пока домой не еду. Но после ночной — мы едем ко мне. Ясно? А если ясно — спи.

Девушка послушно покивала и снова закрыла глаза.

Шаги, уверенные и подцокивающие — на шпильках, затихли к двери. Мгновения тишины, пока Юджина открывала-закрывала дверь. Снова еле слышное цоканье каблучков, постепенно пропадающее за уже дверью... Луис подтянула к подбородку край скатерти, зажмурилась... Надо уснуть... Только вот... Несколько часов подряд она слушала имя Оливера и воспринимала его отдельно от существующей реальности, а теперь перед закрытыми глазами она постоянно видела одно и то же: распластавшийся у кровати Оливер лежит на животе, словно пытается встать на ноги, для чего упёрся руками в пол. Глаза

открыты, но тусклы, и всё так же стекает с переносицы чёрная, почти застывшая струйка крови... Девушка попыталась переключиться на Дэниела... Глаза Оливера, заплывшие кровью, вдруг заблестели, резко обозначившись чёрными зрачками. Шевельнулись бледные, обескровленные пальцы...

... Хозяйка задышала прерывисто, и Прести вздохнул, снова переполз ближе к её голове. Цепляясь короткими лапками за её волосы, он взобрался ей на макушку и спустил лапы на лоб. После чего приник к лапкам мордой. Зелёные глаза блеснули в полутьме закрытого помещения и медленно закрылись... Дыхание Луис выровнялось. В пространстве сна появилась дорога. Пустынная и убегающая, исчезая, к горизонту. Девушка шла по этой дороге, пока дорога сама не подхватила её необычайно лёгкое тело. Чувствуя животом почти воздушную подушку, Луис взмахнула руками — и полетела. Руки удлинились и становились тяжелей. Она скосилась на них и увидела тяжёлые крылья... Дорога удалялась от взлетающего человека, а вскоре рядом с ним появилась вёрткая точка, которая радостно кружилась, облетая крылья человека. Дракончик так радовался человеку в их объединённом сне, что и человек забыл обо всех своих сиюминутных горестях и бедах, отдавшись свободному полёту над дорогой...

Сон оказался очень глубоким и даже каким-то оздоравливающим.

Когда Луис проснулась, реальность вокруг неё крепко стояла на ногах. Несмотря на убийство Оливера и остальные передраги, в этой реальности для полной уверенности не хватало лишь одного — Дэниела.

Она поднялась с вороха тряпок, спустила ноги на пол. До начала активной вечерней жизни и работы бара оставалось часа полтора. Слева от ног она заметила гитарный футляр. И на душе потеплело: пока она спала — приходил Санни.

С минуту она посидела на старенькой тахте, обдумывая, что сделать в первую очередь. Умыться. Сходить на кухню бара, выпросить что-нибудь, что можно принести сюда и поесть. Подготовиться к рабочей ночи, в общем.

Дэниел... Она машинально огляделась в поисках сумочки. Оказывается, та лежала в ногах. Юджина, наверное, побеспокоилась оставить на видном месте. Луис схватила сумочку, вынула вирт и нетерпеливо включила его. Глазам не поверила. Секунды спустя медленно опустила вирт на колени. Где на нём тут же устроился дракончик, просительно взглядывая в её глаза. Девушка понимала этот взгляд: Прести тоже голоден и ждёт, когда же хозяйка побеспокоится о хлебе насущном.

Ни одного звонка от него.

Но ведь залог он внёс...

Она бездумно посидела ещё некоторое время, прежде чем решилась дозвониться до него. И спросить... Снова включила вирт — и резко отбросила его от себя. Как ядовитое существо, к которому лучше даже не прикасаться. Вирт пулей влетел под ворох тряпок, бывших ей только что постелью.

Нет. Лучше потом. Когда руки перестанут трястись.

А потом нагнулась, сунула руку под тряпки и нащупала вирт. Набрала номер. Пальцы похолодели, когда услышала: «Ваш номер заблокирован!»

Посидела, снова опустив вирт на колени. Ничего не почувствовала, кроме недоумения. Почему?.. Сложить два и два нетрудно. Кажется, он поверил в версию следствия. Убийство на почве ревности. Ну да. Всё правильно. Несколько часов её не было, и Дэниел просто не знал, где она находилась. Легко сделать выводы, что девушка на такси может быстро доехать

до проулка, где они живут, убить Оливера в его комнате, а потом быстро вернуться.

Ничего. После первого выступления она сбегает к нему на работу и попытается убедить, что ни в чём не виновата.

Успокоившись на этой мысли и даже повеселев (правда, как-то ощутимо нервно повеселев), Луис принялась выполнять намеченную программу по подготовке к рабочей ночи. Сначала расчесала волосы, постоянно забывая, что расчёсывается, и застывая на никакой мысли. Вроде что-то и думает, а вроде и ни о чём. Если бы не нетерпеливый Прести, так и не расчесалась бы. Но дракончик хотел есть, а в гримёрку сквозняком тянуло из кухни такими вкусными аппетитными запахами: всё-таки помещения находятся по одному коридору. И Прести не придумал ничего лучшего, как заставить хозяйку поторопиться с насущным: пока она замирала с расчёской, он забирался на её плечо и, как с горки, скатывался с него. От его мельтешения перед глазами девушка пришла в себя и быстро закончила с волосами. Затем в той же подсобке она умылась, накрасилась по необходимости и побежала на кухню.

Здесь выяснилось, что выпрашивать ничего не надо: Санни распорядился покормить имита Луис и как можно вкусней. С огромной благодарностью девушка взяла приготовленный для неё поднос и унесла в гримёрку. С приключениями, конечно, как без этого: едва она вышла в коридор, на поднос с её плеча свалился дракончик. Поднос, конечно, вздрогнул — чудо, что Луис от неожиданности вообще чуть не выронила его. Но, кажется, Прести того и добивался: упавшая крышка с одного из салатников стала результатом его диверсии, после чего дракончик на законных основаниях и с наслаждением сунул голову в салат.

Поужинав, Луис попыталась составить личную программу для выступлений на сегодняшнюю ночь, как обычно и делала. Она знала, что нельзя составлять программу из песен, содержащих только одну интонацию. Если песня грустная или печальная, она должна плавно переходить в более оптимистичную, а то и шутливую.

Но сегодня всё, что ни вспоминалось, выглядело чуть не похоронным. Пришлось взять себя за шкуру и заставить думать. Хотя был момент, когда она горестно улыбнулась своей мысли о похоронах и шутках: а что ещё остаётся делать, если дом, пусть временный, разрушен? Если человек, самонадеянно обещавший взять её и Дэниела под своё сомнительное покровительство, буквально часы спустя после своего обещания мёртв? Причём его убийство пытаются повесить на неё. На Луис.

«Луиссс...»

Она вздрогнула. Что это? Показалось?

Сидевший с нею на тахте дракончик на её резкое движение поднял голову и засиял на девушку зелёными глазницами. Он вольготно расположился на корпусе её гитары и до сих пор, до её резкого движения, лежал, водрузив морду на струны, отчего выглядел благодушной кошкой, которая везде найдёт себе местечко для уютного отдыха.

— Прести, скажи... — Девушка смущённо взглянула в сторону двери и снова обратилась к дракончику: — Скажи, Прести. У меня ведь с Дэниелом всё будет хорошо? Как ты думаешь? Он ещё... захочет увидеть меня?

Дракончик некоторое время смотрел хозяйке в глаза, а потом снова положил морду на струны, как бы говоря: некогда мне всякими глупостями заниматься, когда хочется подремать... Забыв о своём вопросе, но вспомнив кое-что другое, Луис снова взялась за вирт. Она попробовала снова набрать номер Дэниела. Но тот же автоматический голос опять

произнёс равнодушную фразу о заблокированном номере.

А потом стало не до номеров. В гримёрке появились первые девочки, которым предстояло переодеваться для выступлений, пока первым номером идёт выступление имита. И девушка, подавив тяжкий вздох, улыбнулась вошедшим, поздоровалась со всеми и шуганула Прести с гитары. Пока она проходила всё помещение с гордо восседающим на плече дракончиком, его успели все обласкать и обсюсюкать. Уже в коридоре она встретила с мрачной Юджиной и встревожилась сама.

— Юджина, что ещё случилось?

— Ничего. Звонила своему адвокату спросить насчёт твоего дела.

— У тебя есть свой адвокат?! — не удержалась Луис.

— Ну, как сказать — свой? Ходили, гуляли одно время с ним, — усмехнулась Юджина. — Вот, теперь вроде как разрешение получила иной раз позванивать. По моей просьбе, он позвонил узнать о твоём деле. Дело очень серьёзное. Этот твой убитый — не хухры-мухры, а какая-то там шишка в теневых кругах.

— Это я знаю, — нетерпеливо сказала Луис. — Есть что-то, чего я не знаю?

— Если ты настроена, что этому делу спуска не дадут по инстанциям, то ты права. Хозяева этого убитого потребовали провести следствие по всем правилам.

— Ну и пусть проводят, — равнодушно сказала девушка. — Юджина, ты извини. Я на сцену. И... Юджина, спасибо огромное, что ты беспокоишься обо мне.

Красотка наклонилась чмокнуть подружку и пошла к гримёрке, ворча что-то невразумительное, но угрожающее.

Оставь своё настроение за порогом, выходя к людям. Как бы тебе плохо ни было. Особенно, если ты имита. Ты артистка, ты влияешь на настрой слушателя — значит, возьми себя за глотку и — играй. Играй, что тебе весело. Что у тебя романтическое настроение. Люди пришли не для того, чтобы слушать твои жалобы. А для того, чтобы забыться в том дивном мире, который ты создаёшь на короткое время. Играй искренне. Иначе, почувствовав фальшь, они не будут тебя слушать никогда. В общем, как бы ни было тебе плохо, слушатель должен наслаждаться.

Луис перешагнула порог из служебного коридора (порог, за которым остались Дэниел, вдруг отдалившийся, разорённая комната и убитый Оливер) и прошла между девочками, замершими, глядя на неё почти с трепетным ожиданием

Мягкий глубокий аккорд — и в баре притихли. Как всегда на это время — сегодня много народу. Про отличную имита Тайры, уже месяц поющую в заведении Санни, знают многие, и именно «на Луис» сюда начали приходить любители и ценители искусства имита. Поскольку приходили на короткое время, только на её выступления, — и в самом баре заказывали немного. Но Санни ухмылялся: по мелочи, вроде и незаметно, но торговля шла.

Сегодня много мужчин, и некоторые без пары. А значит, сегодня можно себе позволить и пожаловаться:

— За что ж ты меня оставил одну? Придумал мне боль и вину? По городу тихому тихо бреду, покоя ищущу — не найду. Как лист, подгоняемый ветром, летит душа в переулках пустых. И жалобно плачут дожди всех обид среди стен, среди каменных плит...

В баре все притихли, слушая жалостливый рассказ об обиженной девушке, которую бросил возлюбленный... Жёстко сдерживая себя, чтобы не расплакаться, с холодной головой расставляя нужные интонационные акценты и выдерживая темп, Луис старалась сдерживать излишние эмоции, не забыть, что это не плаксивая песенка, а всё же часть искусства... А вот теперь, когда застыла задумчивая тишина, можно разбавить негатив классикой. Это не в репертуаре Тайры, но ведь имита может пошутить?

Пальцы задорно отстучали ритм по деке, народ оживился, с интересом вглядываясь в Луис: какой сюрприз она поднесёт им?

— Бёрнс, — многозначительно сказала она и начала с лукавой хитринкой: — Кто там стучится в поздний час? «Конечно, я — Финдлей!» — Ступай домой. Все спят у нас! «Не все!» — сказал Финдлей.

Под конец старинной песенки народ тоже тихонько постукивал по столам, выбивая озорной ритм. Слушатели не смеялись — но улыбались. И эхо зрительского ответного чувства Луис почувствовала мгновенно и с облегчением. Она даже ощутила, как шерстяной шарфик на шее шевельнулся, будто пытался рассмотреть всех тех, кто помогал хозяйке держать ритм... Проиграв короткую программу первого выступления, Луис поклонилась и пошла к служебному коридору. Спокойная гордость профессионала: смогла взять себя в руки, не допустила личных эмоций — превратилась в лёгкую грусть. Если бы она умела это делать на большой сцене! Впрочем, нужно ли ей это? Когда и на краю сценической площадки небольшого бара она чувствует себя уверенно, умело руководя настроением слушателей?

У начала коридора в гримёрку её поймала Юджина, погладила по плечу.

— Луисита, ты молодец! Я уж, грешным делом, думала, что петть не сможешь. Но ведь настоящего не отнимешь... Эх... Молодец!

Девушка улыбнулась и, уже сворачивая в коридор, послала ей воздушный поцелуй.

В гримёрке, привычно устроившись в уголке, она немного поговорила с девочками, которые спрашивали, какая сегодня публика, нет ли кого из потенциально опасных, кто может сорвать номер, а потом сидела и следила за бегающим по всем столам трельяжей Прести. Дракончик будто играл с присутствующими: девочки пытались его погладить, а он, едва ладонь нависала над ним, резко удирал — к удовольствию взвизгивающих и смеющихся присутствующих. То ли играл, то ли предлагал поиграть с ним. А может, пытался совмещать и то, и другое.

В общем, всем было весело, пока Луис пыталась решить, позвонить ли снова Дэниелу или выяснить причину его молчания позже — с глазу на глаз, напрямую.

Не выдержала. Вынула вирт. Суеверно прошептала:

— Пусть он нечаянно разблокировал меня... Пусть!

Но вирт снова бесстрастно отозвался о блокировании её номера.

Она посидела, бездумно глядя на весёлый переполох в гримёрке, устроенный дракончиком, неожиданно выскакивающим из совершенно неожиданных мест, на радость девочкам, которые радостно пугались его резкого раздражающего шипения. Посмотрела на вирт. До следующего выступления — около часу времени. До бара Дэниела — пять минут быстрым шагом. Осторожно встала, оставила гитару за своим стулом так, чтобы не упала и чтобы никому не мешала.

Быстро прошла гримёрку. Буквально с потолка на неё свалился Прести, вызвав восторженный смех девочек. Луис улыбнулась им и вышла тем же деловым шагом — вроде как: «Я сейчас, на минутку!» Куртку на всякий случай, чтобы не приставали с вопросами, несла в руке опущенной — чуть по полу не волочила.

Вышла служебным ходом, накидывая на ходу куртку, — из уже прогретого до духоты помещения в сухую прохладную ночь. Прести бормотнул что-то недовольно и уткнулся мордой в застёгнутый чуть не до горла воротник. Быстрым шагом девушка обогнула бар Санни и почти бегом побежала по дороге. Расстояние хоть и небольшое, да только на этой улице, насколько успела усвоить, встретить какого-нибудь алкаша или какого-нибудь типа, недовольного всё равно чем, но готового сорвать своё недовольство хоть на ком, не редкость. Так что — бегом, бегом!..

Фонари здесь есть, да толку с них, если галерея, по ощущениям, сама чуть не мистически пытается стать тёмной...

Она бежала и думала только об одном: как ему объяснить, что она не убивала Оливера? Сможет ли она сделать так, чтобы он поверил в её объяснения? Если судить по тому, что он внёс за неё немаленький залог... Может, поверит?..

Бар, где работает Дэниел. Она постояла на углу одного из домов, ближе к бару, отчаянно присматриваясь: а вдруг он на крыльце? Несколько человек негромко переговаривались у крыльца, но расслышать отсюда, говорит ли среди остальных Дэниел, невозможно. Свет из бара тоже не располагал к выглядыванию отчётливых черт лиц собравшихся на крыльце — слишком неровный, подрагивающий и разноцветный... Но вот группа людей разошлась от входа, осталась лишь одна мужская фигура. Луис прижала ладонь к груди, машинально пытаясь утихомирить сильно бьющееся сердце, после решительно зашагала к бару.

Уже подходя так, что в освещении от бара наконец начала проглядывать человеческая фигура, она разочарованно вздохнула: у стоящего у входа — светловолосая голова. Это не Дэниел. Подошла совсем близко, так что он обернулся на шаги. Сменщик Дэниела. Шапочное знакомство Луис. Можно спросить его. Этот парень не удивится и не станет спрашивать, а зачем и почему.

— Привет, — поздоровалась она, когда по глазам поняла, что сменщик узнал её. — А где Дэниел?

— Не знаю, — медлительно сказал парень. — Я после смены отдыхал — меня вызвали. Сказали, пока третьего сменщика не найдут, чтобы ещё подежурил. Устал, как собака. Мне ведь двое суток полагается, а тут — вызвали. Фиг его знает, куда он пропал.

— Ладно. Извини. Мешать не буду, — сказала Луис и повернулась было бежать назад. Но сообразила и быстро развернулась. — Слушай (она даже не знала, как его зовут), а ты не мог бы ему позвонить?

— Без меня уже звонили — не подключается, — всё так же медлительно ответил парень, и Луис вдруг поняла, что он не медлительный, а почти сонный — видимо, днём не выспался в расчёте на сон этой ночью.

— Спасибо, — сказала Луис и пожелала ему спокойного дежурства.

Тот кивнул и присел на цоколь сбоку от трёх ступеней крыльца, сразу прислонившись к стене крыльца и закрыв глаза.

А Луис побежала к себе, по дороге обеспокоенно вспоминая, были ли сегодня у Дэниела сосредоточенные глаза.

Но времени до следующего выступления оставалось мало, пришлось запихивать вовнутрь души все тревоги. Быстрый бег по ночной дороге всё-таки привёл хоть к одному положительному результату: Луис твёрдо решила просить Санни, чтобы он хоть одно её выступление отложил на час, чтобы она успела вызвать такси и доехать до бойцовского клуба. Она понимала: в сам клуб она не войдёт. Но даже переодеться в мальчишку не будет, ведь среди зрителей в прошлый раз были и женщины, значит, её появлению там никто не удивится. А самих клубных посетителей бывает много и на улице, когда они выходят во время перерыва. Значит, она просто может подойти к какому-нибудь человеку рядом с клубом и спросить его, выступает ли сегодня Большой Дэн. В крайнем случае она дойдёт до кассы и спросит там.

На этом более-менее успокоилась.

В баре Санни выяснилось, что успела прибежать ещё до конца номера девочек у шеста. Так что свалилась на свой стул и до появления Юджины утихомирила своё дыхание. Никто ничего не заметил. Юджина немного посидела рядом, пытаясь болтовнёй приглушить беспокойство подруги, а потом вынуждена была уехать с остальными в следующий бар. Поэтому, уже не боясь, что сердобольная подруга будет приставать с утешениями и уговорами не обращать внимания, Луис быстро нашла Санни и умолила третье выступление отодвинуть как минимум на полчаса.

Сразу после второго выступления она выскочила на улицу. Такси решила не вызывать, вспомнив, что некоторые таксисты предпочитают выжидать пассажиров после бара. На стоянке, как и предполагалось, стояли две машины. Одна приехала на вызов, зато вторая была свободна. Таксист узнал имита Луис и не возражал быстро отвезти её к другу в бойцовский клуб, дожидаться её там, а потом привезти на работу.

Девушка вздохнула, расслабившись, и села в машину.

По дороге с редким по ночи движением до бойцовского клуба добрались быстро.

Луис вышла и ещё раз предупредила водителя подождать её. Остановилась машина чуть слева от входа, и сразу стало видно, что неподалёку стоят человека три.

Оглядываясь на машину, девушка насторожённо подошла к ним.

— Извините, хотелось бы узнать, сегодня Большой Дэн выступает?

Один, высокий и широкоплечий, взглянул на неё сверху вниз и мрачно сказал:

— Клуб закрыт. Сегодня никто не выступает. — И через паузу выругался матом.

Поражённая, Луис попятилась, а потом повернулась и быстро села в машину.

— Всё? — спросил водитель, не глядя на неё.

— Да. Поехали к бару, — сказала девушка, стараясь не передёргивать плечами от внезапного мороза по позвоночнику.

Осталось последнее, четвёртое выступление. Почти на самое утро. Как Луис пережила его ожидание — сама не понимала. Помог Прести. Он всё вертелся вокруг неё, всё время чего-то требовал, толкался головой, чтобы она его погладила, потом — чтобы накормила. И таким образом занял своей персоной всё её внимание. Хоть девушка и продолжала сидеть, как на иголках.

После четвёртого выступления в гримёрку вошёл Санни, выглядел Луис, уже собравшуюся, и напомнил:

— Никуда не уходи! Юджина обещала тебя забрать. Только что позвонила — скоро будет. Не убегай!

— Но я... — начала девушка.

Хозяин бара перебил её:

— Прости, Луис. Только мне бы не хотелось ещё и по этому поводу ругаться с Юджиной. Да и права она — сама подумай. Где теперь тебе жить?

Луис присела на стул, с которого была встала.

Но и с Дэниелом надо поговорить! Немедленно!

Она выждала, пока Санни выйдет из гримёрки, и быстро подскочила к двери, благо в помещении осталась одна. Санни удалялся по коридору, пока на секунду не остановился перед какой-то дверью. Судя по расстоянию от гримёрки — перед своим кабинетом.

Он исчез. Луис выждала ещё немного — и рванула вперёд так, что Прести с трудом удержался на её плече. Захотят узнать, что и как с ней, — перезвонят. Но она должна! Должна увидеть Дэниела!

На площадке бара машин нет. Девушка выдохнула и побежала по дороге. Где-то наверху уже начинало светлеть — точнее, чёрное небо слегка поблёкло. Однажды что-то прищемило её волосы. Она пробежала ещё некоторое расстояние, прежде чем поняла: круто выскочила на повороте, отчего чуть не свалившемся с плеча дракончику пришлось вцепиться в её волосы. «Прости меня, Прести!» — чуть слышно прошептала она, снова мыслями устремляясь к комнате Дэниела. Ну, добежит она. Ну, ворвётся в комнату. Что ему скажет? С самого порога будет кричать, что не виновна?

Нет! Уже ни о какой виновности-невиновности говорить не будет — только увидеть бы, что он жив! Почему он заблокировал всех? Что с ним? Девушка не думала, что он так переживает из-за ссоры с ней (а была ли ссора?), что обиделся, как мальчишка, и потому блокирует всех. Нет, с ним что-то случилось...

— Я только на минутку, — задыхаясь, прошептала она в холодный воздух, от которого колюче продирало горло, — только на минутку... Только увидеть тебя — и всё...

Полчаса делового шага превратились в минут пятнадцать бега. За это время она здорово наглоталась холодного воздуха, но лишь раз, мелькнула мысль, что может простыть, что горло может воспалиться...

Проулок. Успокаивая дыхание, часто сглатывая, чтобы смягчить и согреть саднящее горло, она остановилась перед входом в простенок между двумя домами. Три комнаты. Одна разгромленная. В другой — был труп человека, которого она считала очень хорошим знакомым, но который оказался... жуткое слово «поводырь». Лучше бы он сказал, что шпионил... А... А интересно... Впервые такая мысль пришла в голову. Интересно, а кто вызвал полицию в его комнату? Кто сообщил полиции, что Оливера убили?.. Не до этого. Пора идти в проулок и стучать к Дэниелу.

Она свернула в проулок. Уже не думала, дома ли он, нет ли. Просто машинально подошла к двери и, совсем забыв, что хотела предварительно постучать, схватилась за дверную ручку потянуть на себя. Дверь внезапно — даже для неё — легко открылась. Луис перешагнула небольшой порог. Увидела. Опустила руки. Даже не вздрогнула, когда дверь за спиной мягко прихлопнула, закрываясь.

На кушетке неподвижно лежал Дэниел — свесив с неё ноги, раскинув руки. На светло-серой куртке расплывалось чёрно-красное пятно. Рядом — в профиль к ней — стоял Ядро-Убийца, словно разглядывал его. В руках пистолет. Вздрогнув, Лодер оглянулся на негромкий звук захлопнувшейся двери...

Замкнутое пространство комнаты перед глазами дрогнуло. Белый, ослепительно-пепельный взрыв грянул перед застывшими глазами Луис. Движения, ворохнувшегося на груди, она уже не почувствовала...

... Забвение...

Нет, желание забвения...

Желание небытия...

Жить... не хочется, когда умирает душа... Вместе с частью, которая вложена в другого. Когда нет жизни, нет счастья без того, кто стал твоей частью...

... Она очнулась — на коленях, упираясь в пол руками, кашля и плача. Слезы и сопли. И — кровь... Что? Откуда на её пальцах кровь? Она огляделась, холодея... И умерла вместе с Лодером, который лежал рядом — лежал с ножом, торчащим в сердце.

... Она села на колени, уже выпрямившись, села на пятки. Одно неполное движение, чтобы повернуться к огромному телу рядом. Бесстрастно положила ладонь на его шею... Пульса нет.

И чуть не завизжала, когда услышала шорох с кушетки. Замерла, стараясь удержаться от крика, но — снова шорох, а затем и стон.

Она вскочила. Дэниел пошевелинулся. Она быстро подошла к нему, встала коленом на край кушетки. Он дышал. Быстро, неровно. Не открывая глаз...

Ничего не понимая, только видя, что он жив, Луис вытащила свой вирт и быстро отыскала таинственный номер. Облизала пересохшие от ужаса — или от горячего дыхания — губы. Успела сообразить вытащить из-под куртки длинный воротник джемпера и натянуть его до глаз на лицо. Спряталась. Отчаянно ткнула пальцем по панели вирта.

На экране появился сухощавый и даже худой человек, лет сорока, с жёсткими зелёными глазами. При виде Луис он приподнял светлую бровь. Больше в его лице не дрогнула ни одна чёрточка.

— Я слушаю вас, девушка.

Как он?.. Ах да, волосы распущены.

— Дэниел сказал... — начала она и даже сама поняла, каким мёртвым голосом говорит. Сглотнула. — Дэниел сказал, что по этому номеру можно позвать помощь. — Она повернула экран вирта, чтобы человек увидел Дэниела. — Он ещё жив. Записывайте адрес.

— Планета.

— Кэссия.

— Теперь полный адрес.

Она сказала.

— Мы сейчас будем. У нас есть отделение на Кэссии.

Он даже не спросил, что произошло. Но, прежде чем он отключился, она сказала:

— Меня здесь не будет.

— Можно поинтересоваться, почему?

Ледяные зелёные глаза, казалось, заглянули в самую душу. Она снова повернула экран вирта. На Лодера.

— Я, как Тифозная Мери, приношу одни несчастья и смерти. Мне лучше уйти. Может, тогда Дэниел выживет.

— Не уходи, — то ли попросил зеленоглазый, то ли велел.

Она отключила вирт, тяжело шагнула к двери. Эхом услышала его слова, сбитые на полуслове отключением связи, — почти угрозу: «Мы ведь тебя всё равно найдём».

Она вышла из проулка. Мелькнула мысль о забытой у Санни гитаре. О профессии имита придётся забыть. Поэтому о гитаре надо забыть... Она словно почувствовала под ладонью сухой гриф, услышала прозрачный аккорд, призрачно повисший в воздухе... И поёжилась... Оставить все мечты. Устроиться посудомойкой. Или охранником. Или куда-нибудь на дальние, плохо развитые планеты, на самые тяжёлые работы... Она чисто машинально стянула воротник-хомут, закрывавший её лицо. Зато Дэниел будет жить...

Всхлип вырвался помимо воли. Она прошла ещё несколько шагов и прислонилась плечом к стене. Лицо ощущала спокойным, сухим. А всхлип всё равно рвался. «Возьми себя в руки!» Не получалось. Появилась странная обида на Дэниела, почти зависть: ему-то хорошо! Ему-то сейчас помогут! А я?!

Что-то пушистое и тёплое мазнуло по щеке.

— Прести... — прошептала она.

Дракончик потёрся о её щёку снова. И вместо следующего всхлипа она смогла длинно, прерывисто вздохнуть.

Оттолкнулась от стены. Хорошо, что вовремя сняла все деньги с карточки. Её сейчас наверняка блокируют... Вперемежку с другой мыслью: хорошо, что она не притронулась к Дэниелу... А вдруг бы убила? Новый всхлип рождался недолго. Пришлось заставить себя идти — и быстро. Потому что движение отвлекало.

Запоздалая мысль: а что с Лодером? И вспыхнула от ужаса: нож! Её нож в его сердце! Мало того — на ноже её отпечатки пальцев! Опоздала с мыслью... Чувствуя, что её начинает бить крупная дрожь, она была вынуждена остановиться, потому что начала идти странно, словно пьяная: то заваливаясь в одну сторону, то делая резкое движение, будто собираясь упасть...

Позади замелькали огни быстро едущей по переулку машины.

Луис остановилась, отошла к стене, пропуская и с благодарностью думая, что есть секундная возможность успокоиться, пока машина проезжает мимо.

Но машина вдруг затормозила. Прямо перед нею.

Зажавшись от страха, ссутулившись — невольно прижимающаяся к стене, Луис, оцепеневшая от страха, следила, как открывается дверца со стороны водителя, как навстречу ей быстро идёт высокая, выше, чем она, Луис, красивая девушка в белых мехах, по которым выются длиннейшие, до пояса, белые волосы. Девушка останавливается в шаге перед Луис, вглядывается в её перепуганные глаза, а потом делает ещё один шаг — и обнимает.

— Лу, глупая девочка! Наконец-то я тебя нашла!

Сначала, скованная ужасом, Луис не сразу поняла, кто перед ней. С трудом заставила себя расслабиться, вдыхая тонкий аромат холодных духов, и, наконец, приникла к девушке. Слёз не было. Была только громадная благодарность.

— Тайра, милая, — зашептала она, — ты опять меня нашла вовремя!

— Не плачь, глупышка, — ласково сказала девушка и отстранила Луис от себя. — Теперь всё будет хорошо. Я же здесь! Пошли в машину...

Шаг к машине — и Луис оглянулась. А может...

— Быстрее, Лу! — позвала Тайра, и девушка торопливо юркнула в машину.

... Дракончик, спрятавшийся на груди Луис, внимательно прислушивался к происходящему...

С новым клипом для отборочного тура Сотни хитов, вместо пойманного на микшере, Тайра опоздала буквально на три дня. Но произошло то, что и должно было произойти: её клип, оказавшийся вне конкурса, выпущенный просто для эфира в качестве очередного, как затверженно твердят комментаторы, взорвал космосеть! Мало того что видеоряд был смонтирован весьма качественно, так ещё и голос Тайры!.. Он, глубокий и проникающий в душу, волновал до мурашек, до томления. Да, он слегка изменился, но фанаты Тайры сами провели проверку и ликовали — это Тайра! Она выздоровела — и теперь начинается новый виток в истории музыки!

В поддержку нового альбома, из двенадцати песен которого все оказались хитами на высшем уровне — хитами, перед которыми бледнели многие хиты из Сотни, Тайра проехала гастрольный месячный тур по самым престижным залам Содружества. Она выходила к зрителям в роскошном длинном платье любимых красных тонов, чтобы подчеркнуть роскошные белые волосы; она выходила на край сцены и слегка поднимала раскрытую ладонь, чтобы поцеловать её и дунуть, — и залы взвивались от восторга и обожания!

Луис не сопровождала Тайру на гастролях. Она оставалась в её новом доме на Лии. Здесь у неё были свои апартаменты, в которых она могла чувствовать себя почти как дома. Если ей надоедало сидеть среди стен, девушка поднималась на верхний этаж. Здесь располагался зимний сад, с чьим хозяином, Ливеем, она познакомилась в первый же приход сюда. Сначала садовник не слишком хорошо принял девушку. Но, когда понял, что Луис приходит не рвать его прекрасные цветы, а погулять в аллеях или посидеть на скамеечке, выгуливая своего странного зверька, то смирился с её посещениями, а затем и с удовольствием начал встречать её. Ливеем было под пятьдесят. Низенький и плотный, он обращался с цветами, словно с детьми, и ему нравилось, когда приходят полюбоваться на его творения из цветов и зелени. А творить он умел. Его живые композиции славились повсюду. Тайра сумела пригласить его лишь для временной работы, но переманить к себе на постоянную работу так и не смогла, несмотря на суммы, которыми улещивала его.

Ещё Ливей опасался, что дракончик будет пожирать его цветы. Девушке пришлось объяснить, что Прести предпочитает белковую пищу, и садовник сразу оттаял.

Всем непосвящённым в доме Тайры сказали, что Луис — однокурсница и подруга знаменитой певицы, которая время от времени живёт с нею, потому что великая Тайра любит общаться с нею. Тайра и общалась — особенно в рабочие дни, особенно на студии записи. Домашние — прислуга — относились к Луис, как и надлежало, как к гостье, но слегка снисходительно, потому что гостя была явно из небогатых — мягко говоря. Все видели, что Тайра привезла её без багажа, а потом водила по бутикам, набирая ей гардероб. Вывод, сделанный всеми, был однозначен: певица благоволит девушке, а то и занимается благотворительностью по отношению к менее удачливой по жизни подруге.

Особенно всех умиляло, что девушка иногда в своих покоях принималась за гитару, которую ей тоже купила богатая подруга, и тихонько пела, явно пытаясь изображать из себя имита Тайры.

... Луис чувствовала бы себя здесь, у Тайры, как в раю, если бы не одно «но».

На этот раз Тайра не постеснялась приставить к ней охранника.

Когда Луис скупо рассказывала о себе Дэниелу, она умолчала о главном. С Тайрой она

познакомилась на тех самых частных курсах по вокалу. Луис, с её голосом, могла бы стать известной уже тогда: на частных курсах студенткам сразу предлагались пути выхода в большой мир музыки, но девушке не хватало денег даже на самую маленькую студию звукозаписи для создания первого клипа или хотя бы просто записи на диск. У Тайры же были деньги, но голос был посредственный. Хуже того. При довольно приличной чистоте звука голосу девушки не хватало силы, а когда начались записи, выяснилось, что преподаватели вокала были правы и дикция Тайры оставляет желать лучшего. Она буквально жевала слова, не давая расслышать, о чём поёт. Логопеды не помогли. Тайра психовала. А на последнем, третьем курсе случилось событие, которое всё расставило по своим местам.

Луис и правда попала в катастрофу. И кураторы Тайры, тщательно отслеживавшие все происшествия на частных курсах, заплатили за её лечение в больнице. Когда девушка с недоумением узнала, что она, оказывается, должница Тайры, ей предложили подписать долгосрочный контракт. Кураторы сообразили следующее: есть девушка с неприметной внешностью, но отличным голосом, и есть девушка без особого голоса, но с внешностью идеальной звезды. Значит, от сочетания этих двух элементов будут неистовствовать трибуны зрителей. Ко всему прочему чуть позже выяснилось, что обучение на частных курсах Луис продолжать не может по причине сценобоязни, возникшей после аварии, а последний курс — это сплошь подготовка к выступлениям на большой сцене.

Терять нечего, учитывая, что её семья финансово поддержать не сможет, — решила Луис, не подозревая, что попадает в многолетнюю кабалу. У неё-то юриста, который предупредил бы её о всяких юридических казусах и объяснил ей пункты контракта, не было. А контракт оказался бессрочным. Когда года три спустя Луис попыталась выяснить, когда заканчивается контракт, Тайра показала ей нужные строки контракта и велела больше не дёргаться. Ошеломлённая Луис поняла, что попала в самое настоящее рабство. Вот тогда-то, дождавшись конца записи очередного альбома Тайры, Луис впервые сбежала.

Её нашли быстро, и особой трагедии побег не принёс, учитывая, что обкатка последнего альбома шла целый год — в основном в гастролях. А тут ещё выяснилось, что сценобоязнь, от которой Луис пыталась вылечиться, после побега углубилась и обрела форму, при которой у девушки появилось желание убивать.

Последний побег растянулся в целый год. Кураторы всё-таки с помощью собственного отдела расследований нашли её — в момент, когда девушка отчаянно нуждалась в том, чтобы вылезти из невыносимого тупика. Теперь она этот тупик видела по-настоящему. И там, в конце этого тупика, в темноте, ей всегда чудилось тело Дэниела с раскинутыми по кушетке руками. Убитый Лодер из памяти как-то выветрился. Но Дэниел... Она сделала всего одну попытку разузнать, что с ним. После чего поняла, что никогда больше не сможет связаться с той реальностью, которая живёт всего лишь за окнами дома Тайры.

Именно после попытки связаться с миром за стенами дома Тайра сделала свои выводы и однажды вызвала Луис к себе в неурочный час.

Девушка, разбуженная прислугой, вошла в её малую гостиную поздно ночью, когда Тайра вернулась из ресторана, где праздновала очередной приезд из очередного концертного вояжа. Обычно певица общалась с Луис на деловом уровне, поэтому девушка здорово удивилась, что её разбудили для встречи с Тайрой. Но та была слегка пьяна, так что про себя Луис только пожалала плечами: всё понятно. И Тайра была не одна. Рядом с нею возвышался огромный, широкоплечий детина. Верзила отличался улыбчивостью, приветливостью которой, к сожалению, сводилась на нет слегка выдвинутой челюстью, отчего его улыбка

приобретала саркастичное выражение. Кроме того у него оказались короткие светлые волосы, открывавшие лоб, отчего казалось — брови нависают над глазами, совсем закрывая их. Верзила явно гордился своими мышцами. Правда, они уступали размерам, скажем, Ядра-Убийцы. Что и примирило Луис с тем, как верзила поигрывал ими постоянно.

Без всяких околичностей Тайра сказала:

— Лу, знакомься, это твой охранник.

— Телохранитель, — сказал верзила и ухмыльнулся.

— Я никогда не ошибаюсь, — спокойно возразила Тайра. — Охранник. Знакомьтесь: Лу — Биргер. Надеюсь, ты, Биргер, сможешь уследить за нашей пташкой. Она любит улетать, но плохо разбирается в жизни на свободе. Твоя задача: никогда не выпускать её из виду. Задача ясна?

— Ясна. — Охранник снова ухмыльнулся, откровенно оглядывая Луис сверху донизу.

Девушка только поёжилась, пока ещё не представляя, что именно сделала Тайра. Наглядно поняла, когда охранник вломился следом за ней в спальню.

— Что вы делаете?! — возмутилась Луис.

— Выполняю приказ хозяйки! — ответил Биргер и уселся в кресло, с которого открывался отличный вид на Луис.

Чистая ненависть к нему плеснула чёрной волной. Но пропала. Луис постаралась понять и извинить этого человека: он всего лишь выполняет приказ. Пока он держался в рамках определённых границ. Хотя с первого же момента его постоянного присутствия она начала чувствовать себя, словно заболевшей клаустрофобией. Хуже стало, когда Биргер сообразил, что к девушке в этом доме относятся как к принятой из милости.

Не пускали его только в студию звукозаписи. И здесь уже через три дня Луис не выдержала и, вместо того чтобы начать петь, спросила прямо в микрофон:

— Тайра, в обязанности моего охранника входит приставать ко мне?

Тайра, сидевшая в креслах для слушателей вместе с кем-то из допущенных к тайне двух девушек гостей, высокомерно отшутилась в том смысле, что Луис своим поведением сама напросилась на жёсткий контроль.

— Я нервничаю, — предупредила её девушка, но великая певица пропустила предупреждение мимо ушей, пренебрежительно отвернувшись от Луис к куратору, который пришёл посмотреть, в каком темпе движется запись нового альбома.

Звукооператор первым понял, в чём дело, когда голос Луис сначала почти незаметно сел. Тайра на это не обратила внимания — со слухом у неё тоже было не очень, пока парень не осмелился сделать замечание, что с голосом Луис что-то происходит.

— Прикидываешься? — самодовольно усмехнулась Тайра, решившая, что девушка таким образом хочет получить больше свободы.

— За год моего отсутствия забыла? — прекрасно зная, что нельзя великой отвечать вопросом на вопрос, сказала-таки в тон ей Луис.

— Что я должна помнить?! — вмиг взвилась Тайра.

— Когда я нервничаю, голос начинает пропадать, — ровно сказала девушка.

Куратор пристально посмотрел на неё, но всё же велел Тайре:

— Разберитесь с охранником.

Поскольку смысла продолжать запись не было: голос Луис становился всё более осиплым, — то расслышавшая, наконец, изменения в столь необходимом ей голосе и оттого злая Тайра вышла вместе с ней за двери помещения и некоторое время приглядывалась к

тому, как охранник уводит Луис в её апартаменты. После чего явилась туда самолично, что делала редко, а главное — не постучавшись.

В общем, хозяйка дома даже не вошла, а ворвалась в апартаменты. Как раз в ситуацию, уже привычную для Луис: Биргер притиснул её к стене, упираясь одной рукой ей в плечо, а другой сам упершись в стену — и нависая над девушкой таким образом. Шипения дракончика, пытающегося клюющими рывками напугать громилу, он даже не замечал, а Луис, побледневшая от страха за Прести, всё пыталась встать так, чтобы спасти зверушку, если вдруг охранник разъярится. Но радостная туповатая ухмылка не сходила с его словно каменного лица. При виде Тайры он даже не вздрогнул, а лишь освободил Луис от своего нависания, не переставая ухмыляться. Девушка мельком бросила взгляд на Тайру и быстро ушла в спальню.

Но бешеный визг Тайры был таким пронзительным, что Луис услышала его даже из-за закрытой двери:

— Если ты ещё раз до неё дотронешься!..

... После Тайриной выволочки охранник поутих, хотя сальная улыбочка с его губ так и не пропала. Он оказался слишком туп, чтобы понять: отношение хозяйки к девушке — это одно, а его — другое. Луис подозревала: он понял, за что его отругали, но униженное положение девушки всё равно подстёгивало его низменные инстинкты.

Ливей тоже невзлюбил Биргера. Узкие глаза садовника превращались в злые щёлочки, когда развалистой походкой охранник входил следом за Луис в зимний сад. Теперь в саду девушка не чувствовала себя успокоенной. Ощущение вины перед Ливеем заставило её отказаться от походов наверх и стать отшельницей в собственных небольших апартаментах. Стены комнат начали давить довольно быстро, но она не представляла, чем можно заняться, чтобы не чувствовать между лопатками настырный взгляд Биргера.

Вскоре перемены в её настроении отметили даже слуги, хотя она пыталась держаться с ними привычно приветливо. Они относились к ней всегда отстранённо спокойно, без дружелюбия, но Луис-то им улыбалась. Неудивительно, что теперь, чаще натыкаясь на её отсутствующий взгляд, многие начали обсуждать между собой странную гостью Тайры, и сплетни дошли до управляющего домом.

Бизнес по имени Тайра существовал отнюдь не сам по себе, а являлся частью крупного коммерческого концерна. Поэтому Тайра и всё, что с нею связано, всегда находились в центре внимания — наравне с теми вопросами, которые обсуждались на собраниях директоров концерна.

Домоуправитель сообщил своему непосредственному куратору о разговорах прислуги и о своих личных наблюдениях, и верхушка концерна забеспокоилась. Тайра (ну, пусть будет Луис) — это бесконечно огромные деньги от концертов, рекламы и производства товаров, так или иначе связанных с именем певицы. Система не должна давать сбоев.

Уже не надеясь на певицу, непосредственный куратор по её домашним делам (дом принадлежал концерну) прибыл напрямую к Луис, когда Тайры не было дома.

Биргер, весело ухмыляясь, не пустил его в апартаменты.

— Моя хозяйка — Тайра! — заявил он. — А от неё приказа пускать к девчонке кого бы то ни было не поступало!

— Ты уволен, — тихо сказал куратор, глядя в туповатую морду самодовольного охранника, уже даже сочувствуя Луис и повторяя про себя то, что хотелось бы высказать в лицо Тайры: «Дура! Вот дура-то!»

Выступившие из-за его спины телохранители разом подтвердили его слова, сбив с ног Биргера, который на полном серьёзе принялся было сопротивляться.

Далее куратор прошествовал в апартаменты — и прямо в спальню Луис. По сведениям, полученным от прислуги, он знал, что всё свободное время Луис просиживает здесь. Теперь-то понял — почему: только сюда доступ охраннику был ограничен. Постучав, он вошёл на слабое и нерешительное: «Да!»

— Добрый вечер, Луис!

— Добрый... — чуть не сквозь зубы выговорила девушка, так как сидела на кровати, подтянув к себе колени и уткнувшись в них подбородком.

Правда, узнав вошедшего, она немедленно спустила ноги в попытке встать. Куратор жестом остановил её и присел рядом, на край кровати.

— Луис, почему ты перестала ходить в зимний сад?

Она нисколько не удивилась вопросу.

— Ливей не любит Биргера и злится, когда он приходит, — сказала она, поглаживая Прести, взобравшегося на её вытянувшиеся ноги. — Раньше там было хорошо, — продолжала она с мечтательной улыбкой, обрадовавшись человеку, с которым можно поговорить, потому что почувствовала, что ему искренне интересно получить ответ на свой вопрос, — и куратор разглядел эту радость. — Можно было поговорить с Ливеем о цветах... Раньше я чувствовала там покой. А теперь... — Она неопределённо склонила голову к плечу, приподняв его. — Теперь даже заходить в зимний сад не хочется. Перед Ливеем неудобно, что Биргер со мной.

— А что ты делаешь, помимо работы в студии звукозаписи?

— Последнюю неделю сижу здесь.

— А есть у тебя какие-нибудь увлечения? Фильмы, книги, игры.

— У меня нет доступа к космосети.

Луис покосилась на него и улыбнулась.

Он прекрасно понял, чему она улыбнулась. Концерн редко брал тексты для песен Тайры со стороны, а потом заказывал бы для них музыку. Все песни писала сама же Луис. У неё был, как говорили критики, неповторимый стиль, который угадывался с первых строк и звуков. Но, чтобы писать песни, нужны впечатления. А закрытая от мира девушка писать вдохновенно не могла. Да и о чём? Тайра придумала для охраны Луис то, что удобно для неё. Но не подумала о другой стороне используемого человека.

— Мы решили сменить тебе телохранителя, — спокойно сказал куратор. — Новый не будет вмешиваться в твои личные дела... — На секунды он осёкся от её странной улыбки. Дошло. Личные дела... Какие могут быть личные дела у человека, который сидит взаперти? Но упрямо продолжил: — Это будет человек, вместе с которым ты будешь сидеть перед виртом в космосети, чтобы мы не волновались за твои попытки сбежать или связаться с кем-то. Это будет человек, с которым ты будешь общаться. Вы сможете разговаривать о том, что увидели, послушали. Будете играть с ним в компьютерные игры и гулять по зимнему саду...

— Простите, — перебила его Луис, дрожа от зарождающегося внутри истерического смеха. — А вы сами понимаете, что вы мне предлагаете? Я, по-вашему, что? Самка, которая нуждается в самце?

— Луис, ты воспринимаешь всё слишком грубо.

— Нет, я просто называю вещи своими именами. И я не понимаю вообще: зачем мне нужен охранник, если здесь, в этом доме, такие сильные охранные системы? Я же реально смотрю на вещи: мне их не пройти! Так что оставьте свои предложения...

— Как насчёт компаньонки? — спросил куратор.

— Делайте, что хотите, — тихо сказала Луис. — А сейчас... А сейчас можно в сад?

— Иди.

Биргера уже убрали, так что Луис схватила гитару, которую ей купили взамен оставленной на Кэсси, быстро проскочила свои апартаменты, никем не задержанная, и добежала до лифта подняться к Ливею. Вцепившийся в её волосы, чтобы не свалиться, Прести обрадованно шипел, сообразив, куда мчится хозяйка: ему тоже было тяжело сидеть на одном и том же месте.

— Пришла? — недовольно спросил Ливей, выглядывая из-за длинной колонны вьющихся трав и цветов.

— Ливей! Я теперь буду одна сюда ходить! Биргера уволили!

— Приятные новости приятно слышать, — церемонно поклонился садовник девушке.

А Луис уселась на скамеечку в миниатюрном скверике среди кустов и, сама сияя от радости, сказала:

— Ты не представляешь, как я рада тебя видеть! Хочешь послушать мою новую песню? Я сегодня вечером её закончила. Она не для Тайры, а моя. Просто так. Посвящаю её твоим белым орхидеям!

— Благодарю, — снова поклонился Ливей, с удовольствием присаживаясь на скамеечку напротив и складывая руки на коленях в знак полного внимания.

Оба знали, что прослушивающая аппаратура и камеры записывают всё, что происходит в зимнем саду, но уже видимое отсутствие одного человека давало впечатление полной свободы. Ливею, конечно, легче. Он мог перемещаться из дома Тайры к себе домой. С него просто взяли подписку о неразглашении коммерческой тайны.

Дракончик съехал с коленей девушки под звон гитары и поспешил насладиться ползаньем среди зелени, пока они здесь.

— Как ты, любимый, живёшь без меня? Как бы мне весть от тебя получить? Белыми хлопьями лягут снега. В них напишу я простые слова...

Луис пела тихонько, уставившись в пространство, а видела только Дэниела. Что он? Как он? Успела ли его спасти та загадочная помощь, на которую он так рассчитывал?

Она не видела самой раны, прятанной под курткой, но помнила то страшное кровавое пятно на его груди, настолько большое, что она решила — он уже умер. За что хотел убить его Ядро-Убийца? Неужели он пришёл к Дэниелу разбираться с ним? Почему Дэниел оказался дома в то время, когда должен был дежурить в баре? Столько вопросов, и ей никогда не узнать на них ответов... Она закончила песенку и задумалась.

... Ливей посмотрел на склонённую над гитарой голову девушки. Она вызывала у него впечатление пойманной птицы. Пока ещё поёт в своей клетке. Но только песни с каждым разом всё тоскливей. Он слышал последние песни Тайры. Возможно, он пристрастен, потому что знает о настоящем положении дел. Но ему казалось, в этих песнях уже чувствуется какое-то натужное чувство. Искусственное. Не такое искреннее, как в тех, что Луис иногда поёт ему — и не в надежде на похвалу, а чтобы просто поделиться. А иногда ему казалось, она поёт ему, чтобы ответить своим искусством на его. Отблагодарить по-своему. Но эти песни и в самом деле другие. Для себя. И садовнику мерещилось, что ещё несколько песен для Тайры — и слушатели отчётливо услышат в них самую настоящую фальшь.

... Если Луис думала, что теперь, когда кураторы Тайры решили взять её распорядок

жизни в свои руки, когда Биргер исчез из её жизни, ей станет легче, то зря она так думала.

Прошло всего полтора месяца, как Тайра привезла её снова к себе.

В доме Тайры стал появляться человек, который концерном был предназначен Тайре в мужа. Богатый, одинокий, симпатичный, будущий директор, который на правах наследства войдёт в совет концерна. Долгий период дружбы, переходящей в любовь, молодые люди должны будут сыграть на виду у всех, чтобы снова привлечь внимание к личности Тайры. Концерн уже готовил журналистов к интересным и иллюстрированным статьям о личной жизни певицы. Люди, подготовившие появление в доме Тайры молодого мужчины, опытные в проведении пиар-компаний, как-то не предусмотрели, что некоторые события могут повернуть несколько иным образом, а не так, как намечалось ими. Но с этого момента жизнь Луис словно получила определённый толчок.

Когда дверь в студию звукозаписи открылась, Луис бросила рассеянный взгляд на неё и снова вернулась к указаниям звукооператора. И, дёрнувшись — словно увидев призрачно знакомый образ, снова взглянула на вошедшего. С испугом. Но сердце больно стукнуло — и успокоилось. В первое мгновение ей показалось, что вошёл Биргер — всё такой же высоченный и сутуловатый от желания выглядеть угрожающе. Хотя нет, этот — не сутулился. Он и без того выглядел властной угрозой — всему. Даже Тайра, обычно пофигистка, привыкшая глядеть на всех свысока, немедленно вскочила с места, чтобы стоя приветствовать гостя.

Звукооператор застыл, вопросительно глядя на слушателей: высокий мужчина подошёл к Тайре и поцеловал ей руку. Певица уже пришла в себя от внезапного появления гостя, поэтому тихо и коротко что-то сказала ему, после чего обернулась к звукооператору (Луис усмехнулась: не к ней!) и позволила продолжить работу.

Незнакомец сел рядом с Тайрой, а Луис вдруг сообразила: надо немедленно кое-что сделать, пока гость смотрит на хозяйку. Подняв руку — для Тайры, которая в это мгновение машинально посмотрела на неё, — поправить почти микроскопичный наушник, девушка быстро, несмотря на ожидаемую боль, содрала со щеки пластырь. Ещё пожалела, что пришла на запись с распущенными по привычке волосами. И встала боком к гостям — тем боком, откуда видна щека, перечёркнутая уродливой царапиной. В первый месяц после возвращения к Тайре им всем было не до мыслей о том, как убрать царапину: в лихорадочной спешке готовили альбом, должный реабилитировать Тайру. Потом Луис радовалась, что ранка осталась, потому что появился Биргер, а он, как девушка заметила, больше предпочитал смотреть на неё, когда царапина залеплена пластырем.

Парень-звукооператор незаметно вопросительно кивнул ей: «Зачем ты это сделала?» Не оглядываясь на слушателей, она повела бровью в их сторону. Кажется, понял. Сама Луис, конечно, плохо читает по лицам, но тяжёлый рот незнакомца с упрямо выпяченной нижней губой выглядел откровенно сладострастным. А Луис точно не хотела бы удостоиться внимания сильных мира сего. Особенно мужского.

Еле слышимый звук прочищаемого горла оторвал её от раздумий, как бы припрятать волосы. Звукооператор, с которым она не переговорила ни слова за полтора месяца работы, но который здорово ей сочувствовал, глазами показал на столик с компьютерной раскладкой по результатам записи. Она поняла, что он предлагает пока не петь, а якобы посмотреть то, что не слишком хорошо пока удаётся в записи. Хотя запись делается идеально. «Спасибо, Лео», — с благодарностью подумала Луис, сообразив, что он помогает создать ситуацию, чтобы ей не петь перед незнакомцем. Они оба присели перед столиком и начали внимательно проглядывать параметры записи, как делали довольно часто.

— Лу! — предупредила Тайра. — Я выйду ненадолго.

— Хорошо, — не поднимая головы от столика, сказала девушка.

Невзрачный Лео, темноволосый и худой, с облегчением вздохнул, когда они остались одни. Луис уже ему вопросительно кивнула, быстро скручивая волосы в пучок и укрепляя его какой-то провололочкой со стола звукооператора. Лео молча проследил, как провололочка используется не по назначению, но ничего не сказал. Из чего Луис рассеянно сделала заключение, что провололочка не очень-то и нужна ему.

— Кто это?

— Жених Тайры. Будь осторожна. Говорят, он любитель ломать то, что не подчиняется, — прошептал Лео. А через секунды молчания спросил тем же шёпотом: — Луис, а почему ты до сих пор здесь? Почему ты подчиняешься Тайре?

Она неслышно, но заметно вздохнула.

— Попала в аварию. Концерн заплатил за лечение и предложил отработать. Контракт подписала не глядя. Девчонкой же была, дурой. Родные на другой планете. Посоветовать некому. А контракт оказался бессрочным.

— Опаньки! — вырвалось у парня шёпотом. — И ты не пробовала сбежать?

— Два раза, — усмехнулась девушка. — У меня несколько проблем. Я плохо вписываюсь в этот мир: постоянно сижу в доме Тайры — чаще всего взаперти, отчего не умею общаться с людьми. Не знаю, как и что делать в тех случаях, в которых остальные ориентируются легко. Последний побег был длинным, но даже тогда не смогла бы вжиться в мир, если б не помогали. И ещё проблемы с психикой.

— То есть? — с интересом уставился на неё парень.

Луис помялась, но, поразмыслив, пожала плечами:

— Приступы беспамятства бывают, — совершенно искренне ответила она, с усмешкой вспоминая о том, как недавно пыталась упросить Тайру снова устроить ей сеансы у психотерапевта, а та отказала: времени на запись нового альбома и так не хватает. — Ладно. Давай, пока их нет, быстро последние две фразы сделаем. — И через минут пятнадцать, когда они добились идеального звучания, она тихо сказала: — Знать бы, как сбежать... Давно бы ещё раз попробовала.

Лео подавил вздох.

— Эта компаньонка, которая тебя сюда приводит... Она тебя сторожит?

— Наверное. Я уже внимания не обращаю на это. Она же не знает, что я делаю здесь. Вход в студию ей заказан. Кажется, она думает, что я при Тайре подруга или дальняя родственница, у которой не все дома. Впрочем, скорее, не кажется, а ей сказали об этом. Ну, типа, тихий псих с манией побега.

Он бесшумно рассмеялся, а потом спросил:

— Пока их нет, попробуем сделать ещё пару тактов?

— Попробуем.

А когда они закончили, Лео неожиданно печально сказал:

— А я ещё постоянно ною, что меня поймали. А ведь, в отличие от тебя, хоть на улице бываю. С людьми общаюсь. Оказывается, лучше тебя живу.

— А на чём поймали тебя?

— Глупо: попытался из одной студии передать в космосеть только что завершённую запись одной звезды. На пиратстве, в общем. Ну, что? По домам?

— По домам, — сказала Луис, решив не напоминать, что она-то остаётся на месте.

Она первой прыгнула с небольшого подиума с аппаратурой для записи и поспешила к выходу. До стены, обитой специальной обойной тканью, заглушающей звуки внутри студии, оставалось немного, когда из декольте высунулась плоская зеленоглазая морда и предостерегающе зашипела. И снова смылась под полу джинсового жакета. Ничего не понявшая Луис толкнула дверь — и буквально ткнулась носом в чью-то твёрдую грудь.

— Простите, — отпрянула девушка, немедленно закрывая ладонью царапину на лице. Было однажды в прошлом месяце, что она дотронулась до какого-то гостя Тайры рукой —

нечаянно, всего лишь проходя мимо, так тот такую истерику устроил! Глядя на её царапину — конечно, как на след от заразы.

Мужчина, в которого она врезалась, несмотря на предупреждение Прести, поддержал её под локти и слегка отодвинул от себя. Луис хотела было проскользнуть мимо него, но сильные ладони, удерживающие её руки, не разжались, и она только дёрнулась. Наконец жених Тайры расслабил пальцы, тяжело и недовольно глядя в её насторожённые глаза, но левой руки не отпустил и уверенно отодвинул её ладонь от царапины. Некоторое время всматривался в мокнущую рану, даже не скрывая брезгливости (которая вызвала у неё потаённую усмешку), а потом брюзгливо спросил:

— Почему не вылечено?

Зыркнув на него исподлобья, девушка попыталась ответить без насмешки:

— Некогда.

Движение тяжёлого взгляда — с царапины на глаза. Она бы выдержала этот взгляд, если бы вовремя не опомнилась: нельзя смотреть ему в глаза. Это — хищник. А выдержать его взгляд — вызов ему. Так что она поспешно опустила голову. Да ещё съёжилась. Вроде как не испугалась, но смутилась. Он не сразу, но отпустил её. И даже встал боком, чтобы она смогла пройти мимо него беспрепятственно. Втянув голову в плечи, ощущая на спине тяжёлый взгляд, Луис поспешила дальше по коридору, где навстречу ей с небольшой скамеечки поднялась почти неприметная девушка, сейчас испуганно поглядывающая на мужчину, который от студийной двери, прищурившись, следил за её подопечной. Когда Луис поравнялась с нею, Рита ухватила её за протянутую руку, и девушки быстро исчезли за поворотом. Сообразив, что теперь их не видят, компаньонка встревоженно спросила:

— Что там случилось?

Не останавливаясь, Луис заглянула в обеспокоенные глаза Риты.

— Ничего страшного. Вроде. Я слишком быстро вышла из студии, а он оказался слишком близко к двери.

— Будь осторожней, — сказала компаньонка, задумчиво глядя вперёд, по коридору. — Я слышала о нём неприятные вещи.

— Ты выразилась о нём очень мягко, — еле улыбнулась Луис и вытянула ладонь из её, стиснутой. — Рита, спасибо, что дождалась, но я побегу сейчас в зимний сад. Буду скоро, не обижайся, ладно?

— Чего обижаться? После такой встречи и я хотела бы успокоиться, — благодарно за предупреждение сказала компаньонка.

Рита появилась на следующий день, после того как из жизни Луис пропал Биргер. Невысокая, слегка плотная — качается, подозревала Луис, и наверняка владеет какими-нибудь единоборствами. Внешность у неё и в самом деле неброская: короткие прямые волосы неопределённо тёмного цвета, простенькое лицо без обозначенных особых примет, разве что небольшие глаза очень въедливые и острые. Луис предполагала, что Риту нашли в каком-нибудь охранном агентстве, а не по объявлению о компаньонках.

В доме Тайры для компаньонки два места оставались строго запретными: звукозаписывающая студия и зимний сад. Первая — потому что работодатели Луис не собирались посвящать в происходящее нового человека. И так слишком многие вовлечены. Зимний сад — потому что Луис не могла из него сбежать, а значит, можно спокойно отпустить девушку туда без пригляда за нею.

— Я быстро, — пообещала Луис, уходя к лифту.

Ливей, кажется, сидел в своей каморке, где хранились предметы для ухода за садом. Луис пристроилась на скамейке рядом с дверью в его святую святых и расстегнула жакет, выпуская на волю истомившегося Прести. Прежде чем спрыгнуть с коленей хозяйки, дракончик оглянулся на неё, словно говоря: «А я ведь предупреждал!» И съехал с ноги, порскнул в траву, которая волнами пошла, подсказывая его движение.

А девушка, оставшись одна, задумалась. Нет, в последнее время она и в самом деле приходила сюда за покоем. Только вот покоя не было. Чем жёстче график работ над записью нового альбома Тайры, тем сильнее тосковала Луис по Дэниелу. И тем чаще бегала в зимний сад, чей насыщенный влажными травяными и сладкими цветочными ароматами покой казался незыблемым и мгновенно успокаивал тоску, заставляя вспоминать лучшее... Она подняла голову, чтобы дотянуться носом до свисавшего к ней с куста странного цветка с чашечкой, больше похожей на большую чайную чашку синего цвета в белый горошек. От цветочной чашки пахло мягкой и сладкой мятой.

Дверь в комнатку открылась. Ливей слегка поклонился девушке.

— Добрый день, Ливей, — сказала Луис и вздохнула: — Ливей, придумай для меня какую-нибудь работу, а? Пока с землёй возишься, так хорошо отдыхается!

— Перчатки — на! — ворчливо сказал садовник. — Пошли. Покажу место. Там землю привезли плохую — с корнями. Полоть придётся.

Он снова зашёл в комнатку и вышел уже с большой корзиной — для сорняков. С края корзины свешивалась грязная тряпка. Ливей пошёл впереди, а девушка, на ходу надевая перчатки для работы, поспешила за ним, стараясь осторожно ступать след в след. Пару раз из травы, по краям почти невидимой тропинки, высывалась лукавая мордаха Прести, юркающего между огромными орхидеями, под чьими плотными лопушистыми листьями он снова прятался от ищущих его взглядов.

— Здесь, — сказал Ливей, наклоняясь поставить корзину, и, присев на корточки, предупредил: — Луис, это место — единственное в саду, где не действуют камеры. Присядь, чтобы тебя не было видно с соседних камер. Здесь не слышно и нашей беседы. Так что у тебя случилось?

— Появился человек, которого я побаиваюсь. Жених Тайры, — откровенно сказала девушка, вспоминая тяжёлый оценивающий взгляд Горана. — А поскольку я в этом доме на... — Она поискала слово. — На подневольном положении, то... Я не знаю, как защититься от него.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Луис, — вкрадчиво сказал Ливей. — Это ты утащила у меня садовый нож для подрезки кустов?

Девушка вспыхнула от неловкости. Кого-кого, а садовника она не хотела бы подставлять. Отдышавшись, она попросила:

— Ливей... Только — пожалуйста, не говори Тайре. Я верну тебе нож! Честно!

— А зачем он тебе? — всё так же вкрадчиво спросил садовник.

Девушка посмотрела в его испытующие глаза — и села удобнее на колени, в траву. Дракончик немедленно вскочил посидеть на её ногах.

— Я выросла в семье с небольшим достатком, — начала она, стараясь сделать рассказ короче. — Поэтому мы могли позволить себе снять квартиру только в бедных районах города. Тем более я была старшей в семье с тремя детьми, кроме меня. Но по правительственной программе требовалось посещать школу. То есть ходить по опасным

местам. Меня многому научили в тех районах, где приходилось жить. В том числе и самообороне. С ножом.

— А где сейчас твоя семья? Родители?

— Не знаю. Мы уже давно не связывались. Когда я сбежала в последний раз, я пыталась найти их там, где они жили, когда я начала учиться на частных курсах. Их там не оказалось. Может, уехали на другую планету.

— Ты, Луис, ещё сбежать не хочешь?

— Хотелось бы, — угрюмо сказала девушка. — Только вот как?

— А куда ты побежишь? Есть ли у тебя хоть один знакомый, который можешь тебя спрятать? Да так, чтобы ты от хозяйки нашей не зависела?

— Наверное, есть, — задумчиво произнесла Луис, думая о Дэниеле и его спасательном номере вирта. Её собственный вирт валялся где-то давным-давно отключённым. Номер она, по примеру Дэниела, стёрла, выучив его при том наизусть.

— Хочешь, я попробую его поискать? — предложил садовник, доброжелательно помаргивая на неё.

— Нет, не хочу. Насколько я понимаю, всех, кто со мной хоть раз пообщался, обязательно потом проверяют. Если узнают, что ты пытался выяснить про определённую планету, про определённого человека, не удивлюсь, если тебя тоже сделают... рабом.

— Нож — отдай, — сказал Ливей. — Можешь нечаянно убить, а с таким человеком, как жених нашей хозяйки, надо действовать иначе.

— Это как? — заинтересовалась девушка.

Оставив корзину, садовник поднялся. Его полное, симпатичное, несмотря на узкие глаза, лицо как всегда сияло умиротворением и покоем, отчего услышанные слова заставили девушку насторожиться, чутко вслушиваясь во все слова, которые он говорил.

— Вставай, Луис. Тело человека — это сплошная карта уязвимых точек. Только их знать надо. К одной даже всего лишь прикоснёшься — изувечишь навсегда, если не убьёшь. Ты же убивать не хочешь?

— Не хочу.

— Значит, будем учить точки, которые тебе дадут шанс сбежать от приставаний неприятного тебе человека. Вот. Начнём с этих.

Ливей гонял девушку по малюсенькому кругу, показывая позы нападающего и способы выхода из ситуации, пока она не научилась первым шести. Пальцы болели, потому что, на первых порах тыкая неумело, она несколько раз чуть не вывихнула суставы. Зато и в самом деле почувствовала себя уверенней. Затем Ливей попросил её показать, какие приёмы она знает из тех, что применяют в уличных драках с ножом. И подкорректировал несколько из них, объяснив, как можно напугать противника или как можно вместо ножа использовать любые подручные предметы.

Несколько раз Луис успевала заметить мордочку любопытного дракончика, который высовывался из травы посмотреть, что такого занятого делает хозяйка.

Наконец, запыхавшись, она остановилась, и садовник жестом предложил ей присесть на смятую тренировками траву. Невольно вспомнив, о чём они говорили у его комнатухи, Луис забеспокоилась.

— Ливей, а как мы будем выходить? Мы же не пололи!

Садовник улыбнулся и стащил грязную тряпку с корзины. Под ней пряталась целая куча сорняков. Потом молча показал на перчатки. Сообразив, что он имеет в виду, Луис быстро

вымазала перчатки в недавно политой земле, а потом вынула из корзины пару стеблей. Они переглянулись, как заговорщики, и пошли к комнатухе.

В маленьком и тесном помещении они быстро отмыли грязь и вышли присесть на скамейку. Посидели, отдыхая, а потом Ливей обратился к Луис со странным предложением:

— Луис, хочешь, научу тебя медитировать?

— А... зачем?

— Медитация нужна, чтобы человек расслабился. И тогда, отдыхая, он получит контакт со всеми силами в своей душе и в теле, — важно сказал Ливей. — Если ты научишься медитации, то сможешь настроиться на силы извне и получить ответный призыв от сил, рассеянных повсюду.

Девушка ничего не поняла, но на всякий случай кивнула и послушно сказала:

— Если медитация всё это даёт, то я хотела бы научиться медитировать.

— И это правильно, — поднял палец садовник и внезапно улыбнулся, глядя на Прести. Дракончик стремительно вынырнул из травы и быстро взобрался по штанам на плечо Луис. Устроившись на нём, принялся вылизывать шкурку, словно кошка.

Уходя из зимнего сада, Луис думала: если охрана слышала про медитацию и передала сведения о ней Тайре, певица, наверное, согласится: если Луис будет чему-то обучаться, значит, она займётся делом. Надо бы посмотреть в космосети, что такое медитация, благо теперь, когда под рукой Рита, Луис разрешили пользоваться космосетью. Луис имела примерное, общее представление о медитации, но неплохо бы до встречи с Ливеем узнать о ней подробней. Быть «вооружённой» к первому уроку, если садовник придаёт такое важное значение этому занятию. Любопытно, почему сразу после этого заявления он посмотрел на Прести и улыбнулся?

Рита стояла рядом с дверями лифта.

— Луис, — тихо, близко к шёпоту, сказала компаньонка и быстро огляделась, — господин Горан недавно проходил здесь и с минуты на минуту может снова появиться.

— Бежим? — предложила девушка, едва удерживаясь от улыбки, а то и смеха.

Бедная Рита! Ох, как не повезло ей с подопечной!.. Мало того, что подопечную надо примитивно сторожить, так ещё приходится защищать её и от власть имущих! Интересно, расскажет ли она Тайре про инцидент у двери в студию звукозаписи?

Они промчались по коридорам до апартаментов Луис, в которых компаньонка теперь занимала одну комнату, так быстро, что у высунувшегося из жакета Прести язык болтался в разные стороны. Заскочили к себе и остановились отдышаться, захлопнув за собой дверь, словно нахулиганившие подружки.

А потом Рита подмигнула ей и сказала:

— Луис, у тебя в волосах застряла земля. Не трогай руками — размажешь! Пойдём в ванную комнату. Я помогу тебе её снять, не размазывая.

Удивлённая: зачем столько таинственности? — Луис послушно пошла за компаньонкой. Войдя в ванную комнату, Рита быстро схватила девушку за жакет и протащила подальше от двери — до самой ванны. Здесь она и сказала то, отчего девушка чуть не зашлась в истерическом смехе, сказала тихо, почти шёпотом:

— Слушай меня внимательно! Мне проблемы не нужны!

Она вдруг прервалась и оглянулась на дверь, видневшуюся из-за края стены. Луис от её неожиданного и резкого движения затаила дыхание. Но Рита обернулась к ней уже успокоенной, включила воду, направив струю на пустое дно ванны, и продолжила под

равномерный грохот:

— Здесь нас не услышат. Так вот... Я не хочу лишних проблем с тобой. Поэтому тебе придётся выучиться некоторым приёмам самообороны. Попроси свою хозяйку, чтобы она разрешила тебе заниматься со мной в спортивном зале. Я знаю, здесь такой есть. И не бойся. Если отходить от меня не будешь, я тебя в обиду не дам.

Луис улыбнулась, удержав рвущийся смех. Ладно — это предлагает Ливей. Но компаньонка! Или она считает, что девушка, о которой думает как о психе, и правда слишком уязвима? Попробовать выяснить?

— Рита, кого тебе предложили охранять в моём лице? Если честно?

Компаньонка сразу замкнулась в себе, стала безразлично доброжелательной. Но Луис улыбнулась ей, стягивая с волос проволочку, которую молчаливо уступил ей Лео.

— Учти, я не дурочка и не псих. Я просто человек в трудной ситуации. Именно поэтому я благодарна тебе, если ты и правда научишь меня этим приёмам. Очень не хотелось бы попасть на обед тому крокодилу.

Компаньонка не улыбнулась в ответ, но лицо её смягчилось. А Луис добавила:

— Мне бы хотелось иметь подругу. Такую, как ты. Но дружить со мной — это значит подставлять человека. Поэтому... Рита, ты меня учи, но не привязывайся ко мне. И смотри. Я предупредила тебя серьёзно.

Девушки переглянулись. Вопросительного взгляда компаньонки Луис постаралась не замечать. Вспомнив, что она в ванной комнате, взглянула в зеркало. Странно. Или ей только показалось, что она похудела?

Сначала Луис считала, что достаточно не попадаться на глаза «этому крокодилу». Но Ливей и Рита, как выяснилось позже, смотрели куда глубже.

Уже в первые три дня под предлогом чаще бывать рядом с невестой Горан начал сидеть на всех репетициях и на самой записи, обжигая Луис взглядом и глазами же раздевая её до такой степени откровенно, что девушке страшно хотелось напялить на себя что-нибудь с доспехами. Вскоре даже до Тайры дошло, что дело нечисто. Она начала приглядываться к «жениху» и рассвирепела. И, как это часто в жизни бывает, её злоба обрушилась не на виновника её непокоя, а на Луис.

Второй альбом после возвращения Луис должен был ознаменоваться и изменениями в личной жизни певицы. И, если к песням будет пристальный интерес, третьему можно позволить появиться и через года-два — считали эксперты, просчитывавшие и прогнозировавшие успех Тайры в будущем. А до сих пор Тайра могла изображать влюблённую — взаимно, что привлекало бы к ней интерес фанатов, опять-таки с коммерческой точки зрения. Несмотря на большое количество холостых молодых мужчин в концерне, именно Горан, будущий директор компании, стал официальным женихом Тайры (хотя бы на время), потому что аналитики решили, что они идеальная пара: она — высокая, хрупкая красавица, с длинными белыми волосами, всегда небрежно вьющимися (результат старания стилистов); он — высокий, сильный красавец, естественная опора для хрупкой красоты в её лице, и тоже светловолос. Первые же вирт-снимки этих двоих разлетелись по космосети — и началось повальное увлечение парой, которая стала не просто кумирами молодёжи, но эталоном мечты о принце и принцессе.

А принцесса между тем изволила гневаться. Третий день, когда ей пришлось созерцать внимательные глаза, направленные не на неё, взбесил её до последней степени. Тайра даже утрудила себя зайти в апартаменты Луис, где и дала волю своему гневу, забыв предварительно выгнать Риту.

Девушка, которая ещё перед репетицией в очередной раз предупредила «великую», что присутствие её «возлюбленного» в звукозаписывающей студии чревато личными последствиями, упрямо смотрела на закипающую от собственных же воплей Тайру. Та уже не просто кипела, а фонтанировала злобой, всё больше разъяря саму себя до состояния взбешённой фурии. Если сначала Луис ещё пыталась ей напоминать о собственных предупреждениях, то уже минут через пять поняла, что это бессмысленно. Кажется, певица черпала энергию в собственных криках, а постоянно перебивая, мстительно радовалась, что Луис не может ответить.

Но ещё через пять минут Тайра до такой степени вздыбила себя проклятиями и угрозами, что уже не сознавала, что делает.

На этот раз Луис успела перехватить её ладонь, которой «великая» попыталась ударить её по лицу, как было однажды, и скрутить ей руку за спину.

— Не трогай меня! Губы разобьёшь — снова работать не смогу!

Это единственное, что смогло привести Тайру в себя.

Она сразу как-то осела, с ненавистью глядя на девушку. Подёргалась немного в её руках. Луис, сообразив, что Тайра смотрит уже осмысленно, отпустила её руку. И отошла подальше, чтобы видом своим не разозлить её ещё раз.

Тайра выпрямилась и со злобой процедила сквозь зубы:

— Допишем этот альбом — нафиг ты мне вообще сдалась? Но сейчас... Не смей трогать моего Горана! Не смей на него смотреть! После записи тебя в моём доме не будет, ясно?! — И выругалась матом. Тот прозвучал жутко — из красивых губ красивой утончённой женщины, похожей на ангела.

Чеканя шаг, Тайра вышла из апартаментов и жёстко хлопнула дверью.

Переведя дыхание, Луис вспомнила о свидетеле скандала. Оглянулась.

Рита скромно и незаметно стояла, притулившись к дальней двери в спальню, и только переводила озадаченный взгляд с Луис на гитару, лежащую на её кровати, а потом снова на Луис. После небольшого молчания насторожённая Луис мысленно махнула рукой: она не обязана расхлёбывать там, где напортачила Тайра.

Компаньонка глубоко вздохнула и кивнула на ванную комнату. Кажется, та постепенно превращалась в комнату для потайных переговоров. Рита включила воду.

— Вот, значит, как... — Шёпот потрясённой от понимания компаньонки заставил Луис грустно улыбнуться. — Ты сбегала из-за этого? Из-за того, что у неё твой голос?..

Девушка кивнула.

— Так тебя не сторожить надо, а... охранять от этих, — сделала вывод Рита и тут же спросила: — Луис, она тебя правда ударила когда-то?

Царапина будто вспыхнула от участливого голоса компаньонки. И Луис только потрогала её и вздохнула. Но Риту, которая теперь смотрела на девушку совершенно другими глазами, она вынужденно предупредила:

— Рита, Тайра сейчас не помнит, что сказала в запале. Но, если вспомнит, я не представляю, что будет с тобой.

— Я правила знаю, — сказала Рита. — Со мной ничего не будет, если она сама тайну выдала. Но и я промолчу. Только... — Она помолчала, испытующе взглядываясь в Луис. — Только, знаешь что, Луис? Без меня теперь никуда.

— С чего бы это? — удивилась девушка.

— Ты ведь уходишь в эту вашу студию для записей, а этот Горан там постоянно? Из-за чего взбесилась эта дамочка? Из-за того, что Горан к тебе пристаёт?

— Ну... да. И что?

— То есть ты тоже не понимаешь, почему он к тебе пристаёт?

— Нет.

— Луис, миленькая. Чем меньше он тебя видит, тем лучше для дела. В его глазах девушка, которая предназначена для него, раздвоилась. Он видит внешнюю оболочку этой красотки, но в записях слышит твой голос, а этот голос сильнее её внешности. Если ко всему он мужик умный, он уже понял, что она пустышка во всём. Поэтому её вторая ипостась — ты, со своим волнующим шикарным голосом, — его привлекает гораздо сильнее. А я-то сначала понять не могла, почему он постоянно к тебе лезет!..

— Странно ты говоришь, — задумчиво сказала Луис, — если он умный мужик, то ко мне точно не должен лезть, а он постоянно смотрит на меня, как на...

— Луис, ты правда не понимаешь? Ты — загадка, ты в приниженном положении. У него, как у сильного самца, срабатывает рефлекс: тебя, слабую, защитить. Но он современный мужик. Поэтому рефлекс ограничивается тем, что он испытывает инстинктивное, животное желание: самка слабая, но внутренне сильная — хочу её, она мне подходит. Он спокойно женится на Тайре, но тебя постоянно будет держать под рукой.

— Откуда ты такое знаешь? — озадачилась девушка.

— Я не маленькая. Не впервые работаю. Да и почитываю кое-что по психологии, благо по работе необходимый минимум выучен. А вот на самой работе всё на практике испытываю или вижу. Но ты и Горан долго для меня были загадкой, пока я не поняла сегодня, что вы, Тайра и ты, представляете собой, — покачала головой Рита. — Поэтому повторяю: теперь, когда я понимаю, что происходит, без меня никуда — даже в зимний сад.

— Но... — попыталась возразить Луис. — Я медитирую там...

— С медитацией помогу, — отмахнулась Рита. — Этим я тоже занималась в своё время. Ты лучше усвой следующее: я теперь должна быть рядом с тобой не слабей твоей собственной тени.

Некоторое время Луис с сомнением смотрела на неё. Но компаньонка выглядела здорово встревоженной из-за недавних открытий. И, кажется, встревоженной искренне. Так что же делать? Прислушаться к её советам? Озадаченная, Луис растерялась.

— Время медитации, — потерянно сказала она, машинально поглаживая Прести, который, ласкаясь, обтирал её подбородок своей головой. — Третье занятие. Я обещала Ливею прийти. И он меня ждёт одну. Что делать? Мне не хочется огорчать его.

— Для начала я провожу тебя на этот раз до самой двери и теперь не буду уходить куда-либо, дожидаясь тебя из зимнего сада, — размышляя, предложила Рита. — Буду сидеть караулить прямо у двери. У тебя вирт есть?

— Мне не разрешают... — слабо улыбнулась Луис.

— Ладно. Там ещё этот Ливей, — проговорила компаньонка, опустив небольшие карие глаза и сдвинув брови. Она явно старалась придумать комбинацию, при которой и в самом деле могла бы обезопасить подопечную. — Цифры легко запоминаешь? Так вот: это номер моего вирта. Передашь его своему садовнику. Если неожиданно появится Горан, а я не смогу появиться, я немедленно позвоню Ливею предупредить вас. Хорошо? Тогда идём. Может, пока сижу, дожидаясь тебя, придумаю ещё что-нибудь. Только поверь моему чутью: что-то мне не нравится в атмосфере этого дома. Ну что? Идём?

Девушка кивнула, и уже почти подруги вышли из апартаментов, чтобы подняться в зимний сад. В лифт вошли вместе. Верхний этаж, на котором им нужно выйти, представлял собой довольно просторный коридор, две двери которого вели — одна в зимний сад, другая — в благоустроенный пентхауз для больших приёмов. Во второй половине верхнего этажа Луис никогда не бывала, да ей и неинтересно было там. Зато зимний сад с каждым разом вызывал всё большее любопытство. И не только потому, что его настоящий хозяин, Ливей, создал его волшебным местом, но и потому что многое знал и умел. И в этом доме стал первым, кто проникся к Луис симпатией.

Она открыла дверь и вошла, лишь раз оглянувшись на кивнувшую ей из коридора Риту.

Ливей встретил девушку довольной улыбкой. Но, поневоле насторожённая, Луис разглядела в его улыбке ещё какое-то странное чувство. Он будто видел в ней нечто, чего и боялся, и в то же время за что опасался. Вот такая сложная гамма чувств. Луис прикинула: спросить — не спросить напрямую? И решила не давить. Пусть сам скажет.

Она поздоровалась и садовником и привычно уселась, скрестив ноги, на траве, где сидел и сам Ливей во время медитации — вместо коврика. Огляделась, со вздохом облегчения, словно впуская в себя сад всеми лианами и цветами.

— Где твой зверёк? — спросил Ливей, опускаясь в «лотос» напротив девушки.

— Бегаёт уже где-то, — легкомысленно сказала Луис, с удовольствием потягиваясь и

выпрямляя спину. Несмотря на тревогу Риты, в зимнем саду она чувствовала себя в безопасности. Ну, почти.

— Позови его.

— Прести! Прести, сюда!

Дракончик прибежал из любопытства, уже мокрый (нечаянно попал под поливочный фонтанчик) и взъерошенный. Обычно хозяйка в зимнем саду его не звала, давая возможность хорошенько набегаться и полазить по всем удобным для него кустам. Остановился он в середине между двумя медитирующими.

— Помнишь, я вчера показал тебе состояние? — спросил Ливей чуть отстранённо. — Попробуй войди в него без меня. И смотри на своего Прести.

Легко! Чтобы выучить нужное состояние для быстрого входа в медитацию, надо всего лишь вспомнить, что чувствовала вчера. И Луис, улыбнувшись, вошла... Улыбка медленно исчезала с её лица, пока она, даже в состоянии медитации, чуть не в ступоре рассматривала Прести. Теперь она видела то, что скрывалось от неё несколько месяцев! Настоящий, только очень маленький дракон! Невидимые ранее крылья он распустил, пока с любопытством вглядывался в сидящую перед ним девушку. Они, эти крылья, оказались абсолютно прозрачными, с каким-то ускользающе разноцветным сиянием! Видимыми, как теперь поняла Луис, только в определённом состоянии!.. Прести посмотрел в глаза хозяйки и каким-то образом понял, что она позвала его просто так, а значит, можно побежать дальше... Луис замерла: распахнутые крылья позволяли Прести почти летать — пронося его между высокими травами стремительно и плавно, лишь слегка подпрыгивая! А она-то думала, почему с такими малюсенькими лапками он так шустро бегаёт?!

— А почему он не летает? — изумлённо спросила она.

— Одно из крыльев сломано — и очень сильно, — сказал Ливей, спокойно прослеживая путь маленького дракона. — Оно постепенно заживает, но это медленный процесс. Как я понял, второе было не так сильно сломано и зажило быстро. Причём не само. Прести лечил его. — От Луис он уже знал историю Прести. — Теперь дракон лечит второе крыло. Как только вылечит — взлетит. — И улыбнулся.

— Взлетит! — заворожённо сказала девушка, от радости не замечая, что тоже счастливо улыбается. И не замечая, что наблюдает — видя крылья Прести, без всякого напряжения. — Ливей, ты подарил мне чудо! Спасибо! — И почти шёпотом: — Жаль, Дэниел не видит этого чуда...

— Занимайся! — не расслышав последних слов, наставительно сказал Ливей, сам очень довольный, что осчастливил девушку. Правда, время от времени его острые глаза скользили вокруг тела Луис, во что-то пристально вглядываясь, и тогда садовник мрачнел. Кажется, девушка не подозревает, что с нею происходит. И Ливей не знал, как ему поступить: говорить ли ей или дождаться, пока она всё не узнает естественным путём? Всё опасно. И то, и другое...

Но пока она счастлива, и садовник не хотел бы обрывать это редкое для неё состояние. Так что... Промолчал.

—

Реанимация врывалась кошмарами в его сны, из которых он самостоятельно выбраться не мог. Бесконечными толпами людей, чьи лица не разглядишь и чьего неразборчивого шёпота не расслышишь.

Но однажды он словно проснулся и разлепил склеенные ресницы, чтобы поднять

тяжеленные веки. Увидел белый потолок. Полежал бездумно — и машинально попытался встать. Острая боль в животе заставила его застонать и мысленно выругаться. А тут ещё что-то взвыло — так нудно и тяготно, что ему захотелось расстрелять источник воя. Рука дёрнулась к боку. Не дошла — опутанная проводами и датчиками, впившимися в кожу.

И только минуты спустя до него дошло: он в больнице. На больничной койке. Кошмары реанимации мгновенно пропали в проясневшем сознании. Он напрягся. Кто его сюда определил? Как он вообще сюда попал? Попытки хоть что-то вспомнить натыкались на глухую стену чёрных провалов. И единственное светлое пятно — женский силуэт.

— О, наш герой в себя пришёл, — самодовольно сказали над ним.

Он даже не заметил, как в палату кто-то вошёл. Голос знакомый. А разглядеть — никак. Глазами двигать больно, и, кажется, вошедший это сообразил. Он сел напротив, на подтащенный к койке стул, и оказался светловолосым человеком с зелёными глазами.

— Как ты, герой? Помнишь, кто я такой, или амнезию подхватил?

— Э... рик, — выдохнул он.

Но пообщаться не дали. Прибежали какие-то в халатах и в шапочках, сердитым шёпотом покричали на Эрика, и тот ушёл, над чем-то посмеиваясь. А Дэниел постепенно начал возвращаться в реальность.

... Вскоре он начал вставать, хотя врачи почти злились на него, угрожая внутренним кровотечением, если он начнёт слишком рано двигаться. Он затребовал все анализы и вердикты по своему состоянию, сообразил всё, насколько смог, и начал тренировки, чтобы быстрее войти в привычную физическую норму. Дураком не был, и первые тренировки оказались «ленивыми» — он занимался, не вставая с кровати.

Потом снова пришёл Эрик.

— И как оно? — радостно ухмыляясь щетине и общей лохматости давнего приятеля и сотрудника, спросил он, сев так, чтобы Дэниелу было удобно смотреть на него.

— А не пошёл бы ты... — проворчал Дэниел. — Рассказывай.

— Позвонила какая-то девица, сказала, что ты дал ей номер нашего агентства, показала тебя, а потом сказала, что вокруг неё умирают люди, поэтому ей лучше удалиться. И удалилась. Наш человек приехал к тебе вместе с ребятами, обнаружил то, что девица показала напоследок, — мёртвого типа, известного в среде бойцов без правил как Ядро-Убийца. В общем и целом, на сегодня у нас такая картина вырисовывается — учти всё строго по времени: этот Лодер пришёл к тебе, выстрелил в тебя, потом пришла девица, воткнула в него нож, позвонила к нам и сбежала. Правда, есть маленький нюанс: перед тем как сбежать, она аккуратно вытерла рукоять ножа. Так аккуратно, что не оставила на оружии ни малейшего отпечатка. Разве что на лезвии нашёлся один — сильно смазанный. И — увы! — никак не определимый.

— Вытерла? — переспросил Дэниел. — Вытерла рукоять, но оставила нож в теле?

— Вот-вот... Нам тоже стал любопытен именно этот момент... Теперь о тебе. Собираешься к нам возвращаться?

— Нет. Сначала я найду её.

— Как? — осторожно спросил Эрик.

— Ну, с Кэсси она просто так не могла пропасть. Сам понимаешь. Значит, начну с примитива: буду искать по космопортам. Где-нибудь её да засекли.

— Мы так поняли, что она имита Тайры?

— Да.

После короткого ответа в палате повисло молчание. Дэниел отрешённо смотрел в пространство, а Эрик оценивающе приглядывался к нему. Один из лучших оперативников аналитического агентства, кажется, непоправимо влюблён. Остановит ли его, что девушка — убийца? Пошевелившись после напряжённого молчания, Эрик деловито спросил:

— И как на твой вкус? Она хорошая имита?

— Совершенная, — рассеянно, кажется думая о своём, откликнулся Дэниел. И добавил: — И это не только моё мнение. Её послушать собирались со всей округи, а не только завсегдатаи бара Санни.

— У Тайры новый альбом, — сообщил Эрик. — Если тебя утешит, что можешь послушать имитацию имита (он усмехнулся игре слов) со стороны истинной певицы, то — вот. — И он выложил вирт, уже настроенный на музыкальный аудиоканал. — Сейчас как раз начался её концерт.

Когда он включил вирт, Дэниел слегка поморщился. Но он лежал и слишком сильно возражать пока не мог. Так что Эрик самодовольно ухмыльнулся. Но его ухмылка быстро сошла на нет, когда он увидел невообразимо странное выражение на лице своего давнего сотрудника, быстро переходящее в сильное, уже отчётливое чувство неверия.

— Сделай погромче! — резко приказал он — бывшему-то начальнику.

— Врачи... — начал было Эрик, но подчинился.

В палате зазвучал сильный, чувственный до мурашек по телу женский голос:

— Помнишь? Меня ты спросил, почему я легко согласилась остаться? А мне понравилось, как меня ты защитил... Для меня это стало волшебной сказкой.

Дэниел побледнел и рывком сел на койке, от боли автоматически схватившись за порезанный живот. Эрик, после его невольного стога было качнувшийся к нему снова уложить, поднял брови и тихо спросил:

— Ты что?

— Это не Тайра! Это Луис!

Эрик возражать выздоравливающему не стал, а только вместе с Дэниелом стал слушать изысканный, волнующий душу вокал. После первой песни Дэниел вроде успокоился, но уже вторая снова заставила его сжать в кулак край простыни:

— Чёрт! Чёрт... Этого не может быть! Она даже не похожа на Тайру!.. Нет, ты только послушай припев!

— Тех, с кем быть легко открытой, мало в мире, мой любимый! — с печалью почти прошептал женский голос. — Под гитару спой, имита, о мечтах моих разбитых...

Эрик не выдержал.

— Почему ты решил, что это твоя Луис?

— Она повторяет в песнях все наши реплики из разговоров! — процедил сквозь зубы Дэниел. — Все! Ты сказал — это новый альбом Тайры?! Чёрт! Опять!

— Когда я убегала от любви, любимую гитару потеряла... — грустно пожаловался женский голос.

— Гитару она оставила у Санни! — снова сквозь зубы прокомментировал Дэниел, напряжённо вслушиваясь в голос. — Чёрт, где живёт эта чёртова певичка?! Эрик, пусть твои люди проверят, не прилетала ли сюда Тайра — втихомолку?

— Я думала, ты стал мне старшим братом, — усмехалась певица, — а в тёмные глаза твои влюбилась не шутя!

— Если это Тайра (а она из богатеньких!), то она могла прилететь на частном

транспорте и не зарегистрироваться, — напомнил Эрик и спохватился. — Подожди-подожди, в каком смысле — Тайра могла прилететь, если ты говоришь об этой девице, что она Тайра? Я ничего не понимаю! Хочешь сказать, что девиц две? И с которой же из них ты общался?

— Ты был пьяный и смешной, но стрелял, как бог! — грустно и озорно пропела женщина.

И, поверивший в дикую историю, Эрик только и смог укоризненно сказать:

— То есть познакомился ты с ней сильно подшофе? Слушай, а если она таким образом набирает материал для песен? Гуляя по Содружеству в поисках приключений?

Но раздражённый Дэниел выключил музыкальный канал и огрызнулся:

— Если она это делает, я тем более должен найти её! Услышать это от неё!

— Подожди, — спокойно сказал Эрик. — Мы не успели послушать первую песню, а ведь обычно первая и последняя песни новых альбомов бывают так называемое концептуальными. Давай-ка послушаем последнюю. О чём она будет петь? — И снова включил вирт. И пробормотал: — Может, будет не воспоминание, а информация.

Информация была. Такая, что мужчины переглянулись.

Если предыдущие песни шли под богатое на инструменты сопровождение, то теперь были лишь струнная гитара и голос. Дэниелу так и виделась усталая женщина, присевшая с гитарой на край маленькой сценической площадки в баре:

— Ты... Обнимешь за плечи меня и тихонько уснёшь. Я... Буду слушать дыханье твоё и за окнами дождь. И, уходя по дороге ночной в чужие миры, стон уношу на губах: любимый, меня отыщи! — И повторила почти безучастно, отчего морозом продрало по коже: — Любимый, меня отыщи...

Только под конец медитации Луис спохватилась и передала номер вирта Риты Ливею. Тот поворчал, но записал, а девушка побрела по одной из любимых тропинок, между кустами, диковинно подрезанными, и цветами, согнувшимися гроздьями нежных голубых колокольчиков. В густой траве рыскал Прести, изредка выпрыгивая и выглядывая хозяйку. Луис, так и не вышедшая из нужного состояния медитативного уровня, видела: дракончик, выпрыгивая, поддерживает себя на невидимых крыльях, которые немедленно исчезают, стоит ему вернуться на твёрдую поверхность. Теперь она поняла, почему о крыльях в сведениях по кэссийской фауне ничего не нашла: они втягивались, а в строении тела не наблюдались — уходя в нужный момент в другое пространство, если только Ливей прав в своих наблюдениях. Поэтому учёные и назвали его дракончиком — только исходя из строения тела.

Остановившись перед небольшой клумбой, сформированной не ровными рядами цветов и декоративной травы, а в художественном, на первый взгляд, беспорядке, Луис задумчиво пригляделась к высокому цветку, который среди остальных резко выделялся яркими тонами. Ливей смог вписать его в окружение других ярких цветов, но рост выскочке оставил, отчего казалось, что этот — командует. Юджина — улыбнулась девушка. Кто же ещё. Только она умеет среди других девушек, одетых одинаково, выделиться не только ростом, но и самой настоящей аурой командирши...

Уже забывшись в покое зимнего сада, подняла голову взглянуть на высокий потолок. Он был выполнен из материала, который под лучами лийского солнца светился льдисто-голубым, с яркими жёлтыми проблесками. Про материал ей, конечно, рассказал довольный своим «небом» Ливей...

И замерла, насторожённо прислушиваясь к своим ощущениям. И почему-то сразу мелькнула странная мысль о том, что слишком далеко отошла от Ливея. Очень далеко. Что, захоти он её отыскать, сразу и не найдёт. А ведь вирт...

Она резко обернулась.

Шагах в пяти-шести от неё стоял Горан. Он выглядел, как всегда, очень аристократично в белой трикотажной рубашке, в светлых свободных брюках, в каких-то мягких полуботинках. В душе Луис фыркнула: в этой полутёмной зелени он смотрелся неким привидением. Или манекеном, поскольку лицо его сохраняло странное выражение отсутствия всякого выражения. Нет, всё-таки привидением. Особенно в отличие от неё — бегающей в привычных потёртых серых джинсах и в закрытой тенниске.

— Разглядела? — бесцветно спросил Горан.

— Да, — помедлив, сказала девушка. Короткий всплеск веселья быстро проходил, заставляя горько пожалеть о собственной недогадливости. Могла бы и сообразить, что отходить слишком далеко от Ливея не стоит. Здесь, в этом довольно глухом уголке зимнего сада, может случиться что угодно. А садовник, естественно, не успел добежать до неё, если даже Рита дозвонилась.

— И как? Оценила?

Какой-то внутренний чертёнок не дал ей даже подумать о том, что она выпаливает:

— Я не оценивала. Я сравнивала.

Вот теперь его глаза зажглись интересом. Правда, враждебным. Но хоть какое-то

чувство. Читать по эмоциям Луис ещё кое-как умела, а вот по безразличному лицу мало того, что ничего не угадаешь, так ещё и страшно с таким человеком общаться.

— С кем?

Она заколебалась, говорить ли. Поэтому выразилась неопределённо.

— С одним человеком.

— С кем конкретно? — настаивал он.

С глубоким удивлением Луис поняла, что он здорово задет её ответом о сравнении. Поэтому лучше ответить хотя бы самое главное.

— Вы его всё равно не знаете. Он «мёртвый глаз».

Наверное, ещё с минуту он смотрел на неё снова достаточно равнодушно, прежде чем продекламировать:

— «Ты был пьяный и смешной, но стрелял, как бог». Это о нём?

— Да.

— Как же Тайра уговорила тебя вернуться, если он такой?

— Тайра была очень убедительна, — всё ещё держась настороже, ответила Луис. И отступила, потому что он сделал шаг к ней.

Не меняя выражения тяжёлого лица, Горан снова шагнул к ней. Она решилась остаться на месте, но он сделал ещё шаг и очутился слишком близко к ней, так что следующий его шаг заставил её снова попятиться.

— Знаешь, что мне нравится? — монотонно спросил он.

Против воли Луис пока основной мыслью было не повредить цветникам Ливея. Так что она пятилась, то и дело посматривая назад, не сворачивает ли на газоны. И старалась не упасть, поскольку мужчина чувствительно давил на неё даже с расстояния. Давил страхом, который она чувствовала от волны угрозы от него.

— Что? — она постаралась выговорить вопрос ровно. Он уже заставил её пятиться, но эмоций не должен услышать. Что бы там ни говорила Рита, но мужчины в первую очередь реагируют на чувство. И если этот красавчик почувствует её страх...

— Мне нравится твоя строптивость. — Он остановился, сунул руки в карманы брюк, выговорив фразу всё так же монотонно. — И при этом ты ничего сделать не можешь. Забавное сочетание в женщине, когда она огрызается, но чётко знает, что на деле является рабыней. Гавкаешь по мелочи, но знаешь, что привязана к этому месту. Я приучу тебя к месту, су... И в следующий раз мне не понадобится разговаривать с тобой. Только раз свистнуть, чтобы ты подошла сама.

Горан произнёс эту тираду совершенно сухо, без малейших интонаций.

— Я не гавкала и не огрызалась. Пока, — холодно сказала Луис. И мгновенно горячая волна по телу: «Луис, как бы тебе ни хотелось ответить, в следующий раз в такой ситуации лучше промолчать».

«Дэниел, любимый... Как бы я хотела, чтобы ты был рядом, чтобы напомнить мне это правило, сжимая мою руку!»

— Сегодня ночью ты придёшь ко мне, — безучастно сказал Горан.

— Вот так просто? — вырвалось у девушки. Нет, вы посмотрите, насколько этот... этот... жених самоуверен!

— Хочешь сложностей, су..?

Он резко стартанул с места и мгновенно очутился рядом с нею. Горан даже не старался что-то изобразить: схватил её за руку, буквально дёрнул к себе и, придержав ей голову,

впился в её рот, другой рукой жёстко зафиксировав её спину — не обнимая, а бесцеремонно прижав к себе. Луис замычала от боли, когда он куснул её за губу и заставил рот, сжатый было от неожиданности, открыться. Воспользовавшись, что она от неожиданной боли чуть обмякла, он немедленно захватил её рот губами и языком полностью. Чуть не задохнувшись от его властного проникновения, девушка некоторое время пыталась всё-таки вырваться. Однако ощущение, что она сдавлена между частями мягкой мебели, заставило её отказаться от сопротивления. Расслабившись в железных руках Горана, она зажмурилась: «Прости, Дэниел! Я буду представлять, что это ты целуешь меня... Что ты просто пьян и сейчас вот-вот успокоишься, потому что знаешь, что тебе я позволю делать со мной всё, что угодно. Ты-то, несмотря на это позволение, будешь всегда нежен со мной! Прости... Ведь я не знаю, каким ты бываешь пьяный...»

Горан оторвался от неё, и Луис открыла глаза. Отпустил, странно глядя на неё. Она машинально отступила, тоже глядя на него, на красивого мужчину, которому захотелось силой взять её. Она была слишком ошеломлена, чтобы контролировать себя...

— Я буду ждать тебя сегодня ночью. Тебе понравился поцелуй.

Он даже не спрашивал. Поэтому с губ и сорвалось:

— Да. Я пыталась представить, что меня целует Дэниел!

Удар пришёлся по щеке с царапиной. Такой внезапный и сильный, что Луис отлетела на газон и упала. Слезы брызнули сразу — от боли. Но ненависть оказалась сильнее. Если бы не Прести, прыгнувший к ней на колени и вызывающе зашипевший на Горана, девушка точно сказала бы обидчику пару ласковых... Но за дракончика она испугалась. Поэтому просто сидела, молчала и смотрела на мужчину, надеясь, что её униженная поза и слёзы заставят его не продолжать ни разговора, ни избиения... По лицу что-то защекотало, и Луис поняла, что царапина теперь не просто мокнет, а кровоточит.

— Луис! Где ты? — встревоженно закричала Рита где-то за дальними кустами.

Горан медленно поднёс ладонь — ту, которой ударил, — рассмотреть на ней пятна крови. Тяжёлые губы слегка скривились в усмешке, когда он снова взглянул на девушку. Она ждала, затаившись. Он снова шагнул. При том, что он высок и широкоплеч, показалось, что мужчина надвигается с угрозой, так что Луис сжалась, готовая отпрянуть, если он ударит ногой. Но Горан протянул Луис руку. Она неуверенно взялась за ладонь, и он рывком поставил её на ноги, не обращая внимания на шипящего Прести. Девушка нервно гладила дракончика по голове, одновременно защищая его голову и готовясь немедленно отбросить Прести, если мужчина проявит к нему хоть какую-то агрессию.

— Луис!!

Горан поднял голову Луис за подбородок и с минуту разглядывал, как кровь из прокушенной губы, мешаясь с кровью из царапины, падает на её тенниску.

— Не смей вспоминать при мне кого-либо. Поняла?

Она подняла глаза. Упрямые.

— Поняла.

И заметила, как его взгляд переместился на кровоточащую царапину. Губы шевельнулись, будто он хотел сказать что-то ещё. Его будто гипнотизировала эта царапина. По лёгким, почти незаметным движениям его немигающих глаз удивлённая Луис поняла, как он провожает взглядом каждую падающую с её подбородка каплю. Он даже постепенно склонялся к её лицу, но точно не для того, чтобы поцеловать. Будто хотел разглядеть царапину в подробностях, как будто его завораживала кровь... И это оказалось так страшно,

что Луис отчаянно молилась в душе, чтобы Рита побыстрее её нашла... Кажется, ему понравилось — бить так, чтобы выступала кровь.

Не отводя глаз от царапины, Горан выпрямился, переплёл свои пальцы с пальцами девушки и сжал ладонь так, что Луис чуть не вскрикнула от резкой боли. Потом медленно перевёл взгляд на её глаза и безразлично сказал:

— Сегодня в двенадцать. Не придёшь — приду сам.

— Но Тайра...

— Разве мы говорили о Тайре? — равнодушно сказал он и, отпустив её руку, повернулся уйти. Рита, бежавшая изо всех сил, чуть не наскочила на него из-за кустового поворота и шарахнулась в сторону. Мужчина, словно никого не видя перед собой, спокойно прошагал мимо неё.

А Рита бросилась к девушке, торопливо вытасила бумажный платочек прижать к кровоточащей ране.

— Он тебя ударил?!

— Тихо. Услышит.

— Боишься — вернётся?

— Да.

— Что он сказал последнее?

— Велел прийти сегодня ночью к нему, или заявится сам.

— Тогда — значит, не вернётся, — с некоторым облегчением сказала компаньонка, быстро промакивая царапину и сочувственно глядя на лопнувшую губу Луис. — Пошли. Я тебе дам мазь, чтобы смягчить кожу на губах. Быстрее заживёт... Луис, — неловко добавила она после недолгого молчания, — может, тебе сказать Тайре?

— Подумаю, — неохотно откликнулась девушка. — Только мне кажется, ей всё равно. Хоть она и старается сделать вид, будто Горан ей нравится и она ревнует его. На деле у неё обычные заморочки: выйти за него замуж, чтобы больше не вертеться в этом аду. Знаешь ли, ей тоже здесь не сладко — всего лишь изображать великую и постоянно ожидать, что обман вскроется. А выйдет за богатенького — бросит сцену. И плевать ей, если Горан будет тискать любовниц прямо у неё на глазах.

Они побрели по тропинке, тревожно размышляя о происходящем и о том, что будет происходить. При виде девушки Ливей охнул и засуетился сделать хоть что-то для неё, но Луис отмахнулась от его заботы. Только попыталась улыбнуться.

— Ливей, всё нормально. Сейчас дойду до спальни, прилягу. А со сном все проблемы станут не такими пугающими.

Он улыбнуться не смог. Так и проводил девушек до выхода из зимнего сада, не в силах спрятать беспокойство. И даже вины, что, даже предупреждённый Ритой, он ничего не смог сделать, чтобы защитить девушку.

Когда девушки в полном молчании спустились на лифте к своему этажу, Луис вдруг сказала, держась пальцами за лопнувшую губу:

— Рита, давай спустимся на кухню. Надеюсь, мне дадут хотя бы немного столового вина. Хоть капельку. Может, смогу расслабиться — и в самом деле посплю. Чую... Чую, ночка у меня будет та ещё...

— Может, я принесу? Что ты будешь спускаться?

— Нет. Не хочу в спальне. Глотка два-три — мне достаточно. Тебя не задержу.

— Ты так говоришь, будто я не к тебе приставлена, — проворчала Рита, предлагая руку,

чтобы девушка могла опираться на неё.

Луис только тихонько хмыкнула. Но помощь приняла с благодарностью.

На кухне работа кипела, но двух девушек встретили благосклонно. Пока усаженную у первого от входа овощного стола Луис исподтишка разглядывали (девушка внутренне усмехалась: и сюда дошла весточка, что подруга Тайры — с придурью!), а также восхищались зверушкой, таращившей на всех очаровательно изумрудные глазища, нашлось вино для пострадавшей. По дороге на кухню девушки придумали причину травм, невольно подтвердив «придурь» Луис: налетела на стену. Тут же, на кухне, нашлась аптечка, чтобы оказать первую помощь «придурочной». А когда девушки уходили, им присовокупили пакет с чем-то вкусным из выпечки и отдельно пакетик с мясом для Прести. Тот околдовал присутствующих, пока, сидя на коленях Луис и аккуратно держа передними лапками предложенный самим шеф-поваром мясной кусочек, весьма деликатно поедал подношение, зыркая на всех с огромным любопытством.

В апартаментах Луис девушки разошлись по своим комнатам. Пообещав выспаться, Луис несколько не лукавила. Она собиралась выспаться крепко, после чего...

Оглянувшись на закрытую дверь спальни, Луис нагнулась и вынула из нижнего отворота штанины сташенный с кухни нож. Добыча, ради которой она придумала выпить вина, размером оказалась примерно с её стопу — она сунула нож в ботинок примерить. Девушка осторожно покрутила оружие на ладони, подбросила пару раз и снова огляделась, уже по-новому разглядывая небольшую комнату.

Наконец глаза остановились на одном из двух кресел, стоявших в спальне. Она быстро подошла к нему, размышляя, что ей повезло: комната Риты находится в другом конце апартаментов, а значит, компаньонка ничего не услышит. Она опрокинула громоздкое кресло набок и развернула его нижней стороной к себе. После чего отошла и принялась за тренировку. Пришлось бросать нож множество раз, пока с грехом пополам не получилось втыкать его в нижнюю обшивку хотя кончиком лезвия вперёд. Успокоившись, она спрятала нож под матрасом своей кровати и, наконец, уснула.

Спала хоть и беспокойно, но выспалась точно. А это было главным.

Выглянув в маленькую гостиную и увидев закрытую дверь в комнату компаньонки, она сообразила, что Рита ещё спит. Поэтому Луис тихонько пересекла гостиную и добралась до ванной комнаты. Здесь она встала под душ и, морщась от неприятных ощущений, рассмотрела расплывшийся на бедре синяк от падения. Падала-то на газон. А там бордюр хоть и маленький, низкий, но на него получилось свалиться со всего маху.

Когда вышла из душевой кабинки и вытерлась, в ванную комнату вошла зевающая Рита. Луис помахала ей рукой и, стараясь не слишком широко открывать рот, сказала:

— Рукой машу — это я тебе улыбаюсь. Рита, по-моему, нам надо придумать систему знаков, чтобы ты видела все мои эмоции. Например... Ну... Два пальца вверх — я себя прекрасно чувствую. Мизинец? Ничего не боюсь!.. Рита, ты чего?

Компаньонка подошла ближе, внимательно рассматривая девушку. Удивлённая Луис на всякий случай оглядела себя тоже: а вдруг пена от геля осталась где-нибудь? Поскольку она стояла уже почти одетая — в трусики и в маечку, то компаньонки не стеснялась. А та, внезапно нахмурившись, провела пальцем по области её декольте и после короткой паузы спросила:

— Луис, почему ты мне ничего не сказала?

— О чём? — Девушка пыталась разглядеть, что же увидела компаньонка. Но та теперь

смотрела на её живот. Озадаченно.

— Луис, на каком ты месяце?

Девушка уставилась на компаньонку, не в силах поверить.

— Ещё раз. Повтори. Я что-то не поняла.

— Луис, я умею определять беременность по коже чуть выше груди. Твои вены вылезли. Такое бывает даже в первые месяцы беременности. Ты хоть раз была у врача? — сама растерянная, добивалась ответа Рита.

Девушка подошла к зеркалу, встала близко и провела рукой по коже. Вены и правда вздулись. Она взглянула на вставшую рядом компаньонку.

— А может... Может, у меня повышенное давление?

А сама молила уже: пусть! Пусть будет беременность! От Дэниела!

Приглушённый дверью ванной комнаты крик они услышали не сразу.

— Это Тайра! — быстро сказала Луис, накидывая на себя длинный халат. — Надо выйти, а то... Только ты ей не говори, ладно?

— Ни звука, — мрачно пообещала Рита.

— Какого дьявола вы там делали?!

Они ещё не успели закрыть за собой дверь, как взбешённая чем-то Тайра напала на них. Уже через минуту стало ясно, что произошло.

— Думаете, всё можно спрятать, и я ничего не узнаю?! — орала Тайра, уродуя чудовищными гримасами лицо и рубя кулачками воздух. — Думаете, я не увижу, как ты с моим женихом?! Горан мой! Сколько тебе об этом говорить?! Не смей к нему подходить даже на шаг!! Ты!! Компаньонка, блин! Пошли со мной — получить новые инструкции, что ты будешь делать при этой дряни!!

Она даже замахнулась — кажется, стукнуть Риту по спине, торопя её к входной двери из апартаментов. Только вот Рита заглянула в её глаза — с видимой угрозой, и Тайра, тяжело дыша, опустила руку.

Компаньонка обеспокоенно оглянулась на Луис, и та кивнула ей: всё хорошо.

Дверь захлопнулась. Луис осталась одна. Впрочем, не совсем. Из-за двери в спальню высовывалась мордаха насторожённого дракончика.

Слишком хорошая комбинация, чтобы не воспользоваться ею.

Простояв зря ещё минуту, Луис бросилась в спальню.

Сумка была вытащена из шкафа. На первые дни деньги у неё есть. Наличность от Санны она успела снять вовремя. Дом Тайры ею изучен досконально — она знает, как исчезнуть, чтобы больше не возвращаться сюда. Риту увела сама Тайра — значит, компаньонке не попадёт за побег «придурочной».

Девушка затолкала в сумку приготовленную еду для Прести и пакет для себя.

На первые дни и этого хватит. Теперь она учёная. Найдёт себе место в каком-нибудь низкопробном кабаке, показав не идеальную имита Тайры, а слегка похожую, и будет работать в нём, пока живот не станет слишком видным. А там... Она вытащила давно отключённый вирт. Хочется... Очень хочется немедленно позвонить по номеру, впечатанному в память, как собственное имя. Но... Имеет ли она право воздействовать на жизни и судьбы других людей? Убит её рукой Лодер. Дэниел был тяжело ранен из-за неё. ведь Лодер однажды высказался, что у Большого Дэна подружка появилась. Она тогда сразу не поняла, но Дэниелу пришлось выступать в бойцовском клубе — из-за того, что в его подружках оказалась она.

Снова джинсы и тенниска — здесь, на Лии, гораздо теплей, чем на Кэсси. Лёгкая летняя куртка — на прохладные дни — уложена в сумку же. Девушке теперь надо быть осторожней с собственным организмом. Кстати, о птичках... Может, устроиться в больницу? Но об этом можно подумать чуть позже... Жаль, она не знает последнего адреса своей семьи... Да и захочет ли семья приютить её — с ребёнком, неизвестно от кого?.. Правда, и об этом можно подумать в следующий раз...

Пока есть вариант с кабаками. А там — посмотрим.

Луис сунула волосы под фирменную кепку с логотипом известной фирмы, поставляющей овощи и фрукты, спрятала свою сумку в огромный пакет с логотипом той же фирмы и осторожно выглянула из апартаментов.

Время обеда. Значит, зря никто не гуляет по коридорам. А столовая — в корпусе этого же дома напротив.

Время по всему идеальное для побега.

А ещё идеальное для побега, потому что записывается второй альбом Тайры. А всем известна добросовестность Луис, которая все дела доводит до конца. Именно поэтому в доме пригляд за нею не самый строгий. Всего лишь компаньонка.

Стараясь выглядеть независимо, Луис прошагала два коридора, заготовив отмазку заблудившегося в громадном здании. Но навстречу никто не попался... Тогда с бешено бьющимся сердцем она проскочила в нужный коридор, пробежала по лестницам, которыми обычно никто не пользовался — в доме как-никак лифт! Снова коридоры... Дошла до тупика — небольшой рекреации, где давно было заготовлено окно для побега. Залезла на широкий подоконник и, затаив дыхание, отодвинула раму. Притихший Прести чуть свистнул — почти прошипел и словно растёкся по её плечу.

Луис спрыгнула и, резко повертев головой по сторонам, потянула за шнур, вытщенный ранее. Рама встала на своё место.

Она пробежала тихую улицу перед домом Тайры и выглянула из-за угла. И встретила с глазами человека, который только что открыл дверцу машины. Человек замер. Луис удивлённо подняла брови. Он узнал её даже в этой одежде? Человек отвернулся — чуть-чуть, и она увидела, как он... кивнул?

Она отпрянула за угол, но решила довериться и выждать.

Машина медленно завернула за угол дома. Скорость упала настолько, что за нею можно было даже торопливо идти. Но идти не пришлось. Дверца распахнулась, и сияющий Ливей замахал девушке рукой!

В три прыжка Луис оказалась в машине, на заднем сиденье. Мягко хлопнула дверца. Ливей торопливо прибавил скорость и тихой скороговоркой велел:

— Быстро в «лотос»!

Девушка, запыхавшаяся от прыжков и острого ощущения опасности, послушно скрестила ноги, и сиденье, оказавшееся отдельным сиденьем — кожаной подушкой, опустилось к полу. Здесь Луис и огляделась: в машине вкусно и терпко пахло прогретой кожаной обивкой; справа, на сиденье, возвышалось что-то громоздкое, завёрнутое в слои прозрачного пластика. Наверное, какое-нибудь растение? В багажнике не поместилось? Внизу, на полу, тесновато, но это ничего — по сравнению с главной опасностью. Затем Луис приникла к просвету между передними сиденьями. Водитель даже не оглядывался. Но в верхнем зеркальце девушка разглядела, как он улыбается. Отдышавшись, спросила:

— Ливей, а как ты понял, что это я? Я же в таких вещах...

— Ауру узнал, — объяснил садовник и попросил: — Мой вирт слева от тебя, на переднем сиденье. Пожалуйста, включи одностороннюю громкую связь. Я не могу его взять — здесь опасный поворот.

Луис дотянулась и, нащупав вирт и включив, положила его под руку водителя. Почему-то она несколько не боялась, что Ливей выдаст её.

— Орочи, — обратился к кому-то Ливей, — я на большом перекрёстке, за домом Тайры. Мне нужно, чтобы ты подъехал к началу проспекта, чтобы забрать моего пассажира. — Некоторое время он сосредоточенно вёл машину, а потом спросил молчаливую, насторожённую Луис: — Как ты сумела сбежать?

— Риту Тайра увела для инструктажа. Как меня сторожить, чтобы я не лезла к её будущему мужу, — усмехнувшись, выговорила девушка. Она снова говорить медленнее, щадя губу, которая хоть и смягчилась после мази, но теперь место укуса опять начинало затвердевать. Да и щёку беспокоить не хотелось. Одно движение — и кожа напоминала о себе тягучей ноющей болью.

— А как ты... — начал Ливей, но его вирт мелодично зазвенел, и садовник велел Луис включить двустороннюю связь.

Едва раздался голос Риты, девушка пригнулась, словно компаньонка могла увидеть её. Но чем больше вслушивалась, тем больше расцветала.

— Ливей, у нас новость. Я была с хозяйкой дома, когда Луис сбежала. Поскольку Тайра спустилась вместе со мной, то именно она и подняла тревогу. Тебя сейчас проверять не будут, поскольку только что помогали тебе загружать твою машину цветами. Но потом, если что, просто знай о событиях.

— Спасибо, Рита, — церемонно ответил Ливей.

А Луис вздохнула с облегчением: за Риту она всё-таки переживала.

Будто поняв, что теперь можно и высунуться, дракончик вылез из курточки и осмотрелся, вздрагивая плоской головкой — принюхиваясь. Наконец Прести скользнул с плеча хозяйки и устроился на переднем сиденье с виртом. Поглядел на водителя и словно удивлённо присвистнул.

— Да, мой маленький дракон. Это я, — ласково сказал зверушке Ливей. — Луис, у тебя есть место, где будешь прятаться? Ты его уже приготовила?

— Нет у меня такого места. Всё как-то спонтанно получается, — задумчиво сказала Луис. — Я бы вообще, может, и ещё осталась у Тайры, до окончания работы над альбомом, если бы Горан не приставал. Даже не столько приставал, сколько домогался. Куратору на него не пожалуешься — слишком значительная фигура в концерне.

— А семья?

— Родители думают, что я по контракту теперь рабыня. И хотели бы что-то сделать, но разве это возможно — бороться с концерном? Правда, им поступает большая доля за меня. Но они, как и я, понимают, что это деньги за молчание.

— Не понимаю, почему концерн не взялся за тебя в качестве отличной певицы. У тебя есть всё: прекрасный голос, способность к творчеству. Почему Тайра?

— Тайра не просто собственность концерна. Она родная собственность. То есть дочь одного из совладельцев. Ты же представляешь, как это происходит в богатых семьях? Любимая папина-мамина дочка хочет на сцену? Иди, дочка, выступай! Голоса нет? Найдём ту, которая будет петь за тебя, — отрешённо сказала Луис. — И не просто найдём, но и купим. С потрохами. Только иди, дочка, и красуйся на сцене, которую ты так желаешь... Так Тайра попала на сцену — с моим голосом. Она ведь из очень богатой семьи. Только очень жадная. Родительских денег ей мало. Но слабая. Она быстро устала от фарса, а концерн теперь требует полной отдачи. Деньги-то вон как идут. Поэтому... Стоит ей только выйти замуж за Горана — она наплюёт на всё и пошлёт всех. С нею-то контракт заключают только на год. Могут потом, типа, пригласить и меня же. Причём очень просто: пустят слух, что Тайра хочет уйти на покой и ищет себе замену — свою имита. Меня заставят прийти на конкурс и возьмут. Потому что голос настоящий и мне, попавшейся на бессрочном контракте, платить будут мало.

— Разве на выступления всего лишь имита ходить будут? — удивился Ливей.

— Будут. Сначала мало. Из любопытства. Потом фанаты опомнятся и вспомнят, что меня выбрала сама Тайра. Да и Тайра в первое время отсидеться не сможет. Постоянно будет со мной на сцене — типа, вводить в курс дела и представлять, как свою преемницу.

— Ты хорошо знаешь эту кухню.

— Тайра не первая и не последняя, желающая прославиться на сцене. Всегда найдутся родители, готовые на всё ради своего ребёнка.

— Луис, у тебя есть вирт?

— Давно не пользовалась, но есть.

— Запиши на всякий случай мой номер. Если даже тебя найдут, его присутствию в твоём вирте никто не удивится. Все знают, как мы дружим.

Луис выудила из сумки вирт, с трудом включила его и, заметив, что питания остаётся совсем немного, быстро записала номер Ливея.

— Ливей, а кто такой Орочи?

— Хозяин цветочного магазина. И мой дальний родственник. Он поможет тебе спрятаться. — Ливей покосился на Луис и улыбнулся.

А она, озадаченная, сразу почему-то представила, что прятать её будут где-нибудь в цветочных горшках. Они ведь бывают вон какие громадные — вспомнить только те, что стоят в зимнем саду. Чуть не засмеялась вслух, успела прикрыть улыбку ладошкой и губы прижать пальцами, чтобы растянувшаяся кожа не лопнула на зажившем и не болела. А Ливей между тем чуть повернул голову, но сказал, не оборачиваясь:

— Да и подлечить бы тебя. А то что это...

— Губа заживёт быстро, да и щека затянется... Разве что царапина теперь больше будет, — неуверенно сказала девушка. — Ну и ладно. Я привыкла. Лишь бы кровь не шла и больно бы не было. А что? Орочи — не только владелец цветочного магазина, но и медик?

— Нет. Во-первых, Орочи — большой любитель голоса Тайры. Во-вторых, ты у него не останешься. Он уже созвонился с кем нужно. Тебя по цепочке передадут в безопасное место, чтобы даже я не знал, куда именно. На всякий случай. А там будем думать, что делать дальше. Но среди тех, у кого ты будешь прятаться, есть и медики. Луис, если тебе не сложно, расскажи, что произошло? Почему тебя ударил Горан?

Девушка подняла брови, но покорилась и рассказала.

— Думаю, его разозлило, что я постоянно говорила ему наперекор. А я смолчать не смогла. Надоело, точней. Тайру приходится терпеть. Теперь его.

— А ведь он высказал правду, — задумчиво сказал Ливей. — Именно это привлекало его к тебе: строптивость и загнанность, обречённость. То, что ты не сдаёшься, но ничего изменить не можешь. А кто такой Дэниел? Может, он сможет помочь тебе? Если так и если ты того хочешь, то мы можем переправить тебя к нему.

Засомневавшись: «Не слишком ли я болтлива?», девушка некоторое время сидела молча. Ещё большее сомнение охватило её, едва она вспомнила о беременности. Одно дело — прятать человека, другое — двух, одну с младенцем на руках. Долго ли смогут помогать ей эти люди? Сказать ли им о том, что её в себе страшит? Поэтому она, в свою очередь, осторожно спросила:

— Ливей, а почему ты... вы мне помогаете?

— Талантливых людей на свете мало. Наше, цветоводов, искусство постоянно напоминает нам, что талант, как всякая красота, — это очень хрупко. Ты — настоящий талант, без всяких условий и уступок. Почему бы не помочь тебе и не сохранить твой голос для будущего? Мало ли что произойдёт у Тайры. А вдруг ты зачахнешь? У тебя есть талант. У нас — возможность его сохранить. Не хочу спрашивать, почему ты спросила, почему мы помогаем тебе. Возможно, в твоей жизни есть ещё тайны, но поверь: мы правда хотим помочь человеку с таким голосом, как у тебя.

— Ливей, однажды я попала в аварию. У меня плохо с психикой. Со мной происходит что-то страшное. Что именно — я потом не помню, но вокруг меня умирают люди. Дэниел... Он умирал. Я вызвала ему помощь и сбежала, потому что побоялась: останусь — он точно умрёт. Я... Я даже не хочу, чтобы он мне помогал.

— По твоей ауре не скажешь, что у тебя проблемы с психикой, — пробормотал Ливей.

Девушка похолодела. Она не поняла сразу, что именно сказал Ливей о проблемах с психикой, а услышала только то, что сейчас больше всего страшило её. Аура. Значит ли это, что садовник уже считал с неё, что она?.. Но тогда... Если он везёт её, зная, что она беременна... Огромная благодарность к Ливею прихлынула горячей волной к глазам.

— Луис, приготовься. Мы выезжаем на проспект — и тебе придётся на ходу перебежать в тёмно-красную машину. Поднимаю сиденье.

Девушка немедленно натянула козырёк кепки на нос и сжала ремень сумки.

— Ливей, спасибо большое. А мы... ещё увидимся?

— Увидимся, певица Луис! Пробка — перебирайся!

Распахнув дверцу, девушка, пригибаясь, помчалась между поневоле остановившимися машинами — к тёмно-красной, которая отличалась от других тем, что задняя дверца была приоткрыта. Юркнув на место, Луис закрыла дверцу — и вовремя: ряды машин

зашевелились и медленно, почти без разгона пошли вперёд.

Сидящий за рулём молодой черноволосый человек, с короткой стрижкой и весёлыми узкими глазами, мельком глянул в зеркальце на заднее сиденье.

— Я думал, Ливей, говоря о пассажире, имел в виду мужчину. Потом я подумал, что ко мне бежит мальчишка. А теперь... — И он негромко рассмеялся.

— Вы тоже читаете ауры? — не удержалась Луис.

— Нет, хотя умею. Просто вы сели так женственно!

Девушка вспомнила, как она плюхнулась на сиденье, — и фыркнула. Положив ладони на верх сиденья, рядом с водительским, и опершись на них подбородком, некоторое время она рассеянно смотрела на окружавшие их машины, идущие вровень. А потом вспомнила и спросила:

— Орочи, а вы не будете опускать сиденье со мной, чтобы спрятать меня?

— Нет. Рядом со мной никто не заподозрит человека, который только что сидел с Ливеем. Да и недолго мы с вами гуляем... Что это? — изумлённо спросил он, когда Прести, с плеча Луис дотянувшись до того же сиденья, на которое она опиралась, тоже положил на него морду. Та стала ещё более плоской, зато глазища ещё выпуклей.

— Кто это, — поправила девушка. — Это дракон. Зовут Прести.

— Привет тебе, Прести! — торжественно сказал Орочи, всё поглядывая в зеркальце. — Рад познакомиться с настоящим драконом!

Прести шмыгнул плоским носом и что-то коротко крикнул, будто сломался сухой сучок. Орочи затрясся в бесшумном смехе. Успокоившись, но всё ещё с интересом поглядывая на дракончика (как и тот косился на него), он сказал:

— Замечательно! Он ещё и отвечает. Девушка, вам придётся снять ваши отличительные знаки известной фирмы. И превратиться в паренька, каких тысячи.

Она не стала спрашивать, зачем это нужно. И так понятно. Содрала, не глядя, с кепки логотип фирмы, вытащила из фирменного пакета свою сумку. Прести без слов сообразил, что хозяйка готовится снова выходить, и залез к ней под куртку, которую она на этот раз надела. Наблюдавший за ним Орочи даже вздохнул, когда Прести пропал.

— Готово.

— Хорошо. Теперь слушайте внимательно. Сейчас я на секунды подъеду к обочине. Там будет большой дом с подъездом к ресторану. У подъезда вас будет ждать малый в наряде швейцара. Вы выйдете из машины и сразу идёте к нему, а он проводит вас к следующему месту. Всё понятно?

— Всё.

— Прекрасно. Подъезжаем.

На замедленном ходу машины Луис не выскочила, а вышла (эхом за спиной: «Счастливо!») и уже просто быстрым шагом просочилась между людьми, которых здесь было много, к подъезду. Там и впрямь стоял человек в униформе. Высоченный и немного даже тучный, он только глянул на Луис и кивнул ей следовать за собой. Они прошли в какую-то арку слева от подъезда — кажется, служебную, потому что на стене висела табличка: «Только для...» Дочитать Луис не успела. Проводник шагал быстро, и она поспешила за ним.

На выходе из арки он обернулся и спокойно спросил:

— Есть хочешь?

— Да! — вырвалось у девушки так неожиданно для неё, что она смутилась и

потупилась.

Проводник смущение заметил, но остался таким же спокойным. Он снова кивнул, приглашая за собой, и Луис заторопилась следом, благодарная, что он не стал ничего уточнять. День близился к вечеру, а после потаённой прогулки на кухню, где она смогла стащить нож для самообороны, она больше ничего не ела.

Вскоре девушка очутилась в громадной кухне, где ей предложили присесть за отдельный столик — она так поняла, что здесь обычно сидит администратор, который составляет меню заведения. Спустя время она уже жадно и с удовольствием ела поставленные перед ней блюда, оставляя кусочки перед тарелкой, с краю: Прести, привстав на её коленях, тоже, жадно причмокивая, пожирал с краешка стола подношение.

С голодухи и переживания Луис наелась слишком плотно — вежливо говоря, улыбнулась она сонно. Неудивительно, что задремала, слегка откинувшись на мягком стуле с высокой спинкой. Дракончик, распластавшись на шее хозяйки, умиротворённый и сытый, дремал, привычно уткнувшись в её ключицы.

Они оба настолько погрузились в дрему, что девушка не проснулась, когда её подняли на руки и таким образом вынесли из кухни. Только Прести раз открыл сонные глазки и мягко пошипел на человека, который лёгко нёс Луис к очередной машине. Но человек только улыбнулся, и дракончик снова успокоенно закрыл кожистые веки.

Первая стадия погружения в крепкий сон скоро прошла. Теперь, в полудреме, Луис только молча следовала указаниям, куда она должна подойти или пересесть. Когда пришло понимание, что она до конца доверилась незнакомым людям, которые перепрыгивали её по цепочке, она так расслабилась, что лишь однажды снова спросила одного из водителей:

— Почему вы мне помогаете?

— Нам сказали, что ты талантлива, — даже не оборачиваясь, откликнулся он.

По одним смутным впечатлениям от происходящего, Луис представляла, что в Содружестве существует целая группа людей, которые были готовы на всё, лишь бы ей было хорошо. Это представление утешало настолько, что вопросами она больше не задавалась. Только раз лениво, в полудреме глядя на мерцающие огни бесконечного города, девушка подумала: вот закрыть бы глаза — и оказаться назавтра на другой планете. А ещё лучше: закрыть бы глаза, открыть — а над нею склонился Дэниел. Она мысленно дотронулась до его рта... И вздохнула.

—

... С первым пассажирским лайнером Дэниел вылетел на Лию. С первым в том смысле что сразу, едва его высвободили из больницы. Поругаться с врачами удалось всласть, но отпустили. Эрик благословил — и Дэниел помчался по следам Луис.

Первую остановку он предполагал в доме Тайры. Это первое, что они узнали, — где Тайра живёт. Ему до безумия хотелось увидеть её вживую, чтобы понять. Почему? Почему она поёт песни Луис её голосом? На пару с Эриком он уже сообразил, что происходит, но сумасшедшее желание понять — почему! — накрыло его с головой и не отпускало.

Когда он сидел в развлекательном салоне лайнера, коротая время и угрюмо играя с древним автоматом в древнюю игру, прозвонился Эрик. Окинув цепким взглядом происходящее, он хмыкнул и сообщил:

— У меня две новости. В сети ненадолго появился вирт Луис.

— Ты уверен, что это её вирт?

— Забыл, что разговариваешь с профессионалом? Я засёк номер в первый её звонок.

— Успел залезть?

— Да. И не только залезть. Она записала номер другого вирта. Мы вычислили. Это приходящий садовник Тайры. Записала и отключилась. Не разговаривала.

— Что за человек — этот садовник? — глухо спросил Дэниел, не замечая, что, сильно сжав рукоятки игрового автомата, уже сломал один из них.

— Ему за пятьдесят. С детства в садоводстве — специализируется на городских зимних садах. Тебя он ещё интересуется? — насмешливо спросил Эрик. — У меня ведь и вторая новость — погорячей.

— Ну?

— Она сбежала от Тайры.

— Что?!

— Спокойно! Мои ребята влезли во все не самые защищённые вирты всех, кто работает в доме Тайры. Ну и к самой певичке. Она в истерике. Остальные сплетничают. Насколько мы успели сообразить, что-то произошло. Некий Горан, о котором пока известно только то, что он жених Тайры, обидел девушку — и очень сильно. На кухне шепчутся о разбитом лице... Не рычи! Дай договорить!.. О Горане известно ещё, что он будущий директор концерна. Наш человек на Лии собирает на него данные.

— Куда сбежала Луис? — рявкнул Дэниел.

— Судя по времени, её хватились в тот момент, когда она записывала номер Ливей — садовника Тайры. Значит, в самое начало побега. Так что мы пока ничего не знаем.

— Как — не знаете? Хочешь сказать, этот Ливей смог защитить свой вирт?

— Нет, — неохотно отозвался Эрик. — Он болтает почти непрерывно. Другое дело, что разговаривает сугубо в рамках собственного дела, то есть о растениях, о поливе, о подрезке или удобрениях. Но ни разу не заикнулся о девушке.

— По списку номеров его вирта пробежались?

— Конечно. Пока о Луис молчок по всем линиям.

— Тогда отменяю все бывшие планы, — хмуро сказал Дэниел. — Первым делом буду трясти его, садовника этого. За пятьдесят, говоришь?

— Ты там не слишком воюй. Пока дела не знаем, не стоит излишне волноваться и других волновать. И вообще... Как ты разговариваешь со своим начальством! — с саркастичной усмешечкой попрекнул Эрик.

— Я ещё не вернулся, — напомнил Дэниел, — так что нечего на меня наезжать. Да, чуть не забыл. Тайра и Луис вместе учились на частных курсах — я тебе говорил. Что по этой линии? Узнали что-нибудь?

— Авария была, — задумчиво сказал Эрик. — Только вот какая штука...

— Не медли! — снова рявкнул Дэниел.

— Мы прошлись по фактам всем известной биографии Тайры. Фишка такая: по медицинским картам, скрытым от любопытных глаз, получается, что в той аварии побывала и Тайра, а в биографии этого нет. Она лечилась почти три месяца — а в официальных данных это умолчали.

— Секунду. В аварию попали две девушки?

— Да.

Дэниел взлохматил тёмные волосы, которых до сих пор так и не удосужился подстричь. Что-то вертелось в памяти и буквально перед глазами, чего он никак не мог вспомнить. Что-то очень знакомое. Наконец он нарушил молчание.

— А Луис сколько пробыла в больнице?

— У неё были всего лишь ушибы и пара порезов. Выпустили через неделю.

— Кто заплатил за лечение?

— Концерн.

— Вспомнил, что хотел узнать. Ты пробовал найти среди документов концерна контракт Луис?

— Мои люди подбираются к нему.

— Почему так медленно? — недовольно спросил Дэниел.

— Сейчас рычать начну я, — предупредил Эрик. — Элементарно: не хотим пока оставлять следов. Мне и так пришлось не далее, как час назад, отказать старому Логану в его просьбе установить наблюдение за одним типом. Все мои люди сейчас заняты на...

— Подожди. Старый Логан? А вы не пробовали ему предложить рейдерство?

— Концерн? — задумчиво произнёс Эрик. — Но вроде как он процветающий? Или у тебя есть сведения, что... А что? Интересно. В таком случае и мы поработаем не бесплатно. Твоё дело, конечно, интересно, но в конце концов, мы организация коммерческая, так что... Хм. Ты подал интересную идею! Одним выстрелом убить двух зайцев: провести личное расследование и получить за него хоть какой-то куш.

— Торгаш! — проворчал Дэниел.

— Умный человек, — ухмыльнулся Эрик. — Записывай номер вирта. Садовника. Насколько понимаю, на Лии начнёшь именно с него?

— Если до тех пор другой информации не появится, — последовал ответ.

Поздним утром следующего после «похищения Луис» дня Ливей спустился по ступеням ресторана к своей машине, оставленной на стоянке неподалёку, под жёстким прицелом всевозможной отслеживающей техники. Садовод был доволен. Он не только отлично позавтракал, но и пообщался с умными людьми, с которыми можно и приятно поболтать о жизни, и поговорить о делах.

В сопровождении ресторанный швейцар он спокойно подошёл к машине. Тот, поклонившись, открыл дверцу со стороны водителя. Ливей сел, благосклонно кивнув, — чаевые привычно перекидывали в карман услужливого швейцара. А садовод вывел машину со стоянки, задумчиво и почти рассеянно фиксируя движение на дороге.

Привычно высокое небо прозрачно синело такой чистотой, что некоторое время Ливей с бездумной улыбкой созерцал его через ветровое стекло, благо видеть небо позволял широкий проспект. Подспудно он сожалел, что не может именно сейчас поехать домой, чтобы немного посидеть на крыше, в собственном саду, медитируя среди влажных, терпких травяных запахов — в лучах постепенно набирающего силу лийского солнца.

Впереди два часа свободного времени, после чего Ливей должен будет заехать к нанимателям проконтролировать посадки. Он уже погрузился в примерные расчёты, на что надо будет обратить внимание в зимнем саду нанимателей, когда неясное чувство внезапно заставило его взглянуть в верхнее зеркальце.

Привыкший, как и многие городские жители, что стоянки при элитных местах посещения охраняются тщательно, он облился холодной волной пота при виде странной фигуры, сидящей на заднем сиденье. Мгновения два-три он чувствовал себя таким обескураженным, что робко порадовался: руки всё-таки не дрогнули, на автомате ведя машину по намеченному пути, и в аварию удалось не попасть.

Итак, позади довольно вальяжно, скрестив руки на груди, развалился на сиденье, судя по положению тела — высокий мужчина, крепкий, худощавый. Слегка бледная кожа, видневшаяся в отворотах джинсовой рубахи, подсказывала, что он либо откуда-то из холодных мест, либо провёл длительное время в закрытом помещении. Лицо, тёмное от суточной щетины, несколько узкое, поэтому мрачные тёмные глаза, поблёскивающие из-под слишком отросших, почти чёрных косматых волос, кажутся большими. Незнакомец сидел, слегка ссутулившись, отчего его нос, классически прямой, выглядел немного длинным, а рот — враждебно искривлённым.

Ливей пришёл в себя. Стараясь сделать это незаметно, он пару раз вдохнул и выдохнул, приводя дыхание в норму. После чего спокойно спросил:

— Кто вы и что вам надо?

— Я ищу Луис, — тихо сказал незнакомец. И равнодушно добавил: — И я очень рад, что вам и в самом деле за пятьдесят. — После чего мягко опустил руки из крестообразного положения. Мелькнули и пропали пистолеты, до сих пор спрятанные под мышками.

— Ничем не могу помочь, — спокойно сказал Ливей, стараясь унять нарастающую дрожь. — Она убежала из известного мне дома — и это единственное, что я знаю.

— Ливей, во время побега вы передавали ей номер своего вирта, — вкрадчиво сказал незнакомец. Ливей застыл, но выражение его лица не изменилось. Не дождавшись нужной реакции, мужчина сказал: — Луис бросилась спасать Прести, когда он ещё не был Прести. И

на неё напали. Трое. Я отогнал. Так мы познакомились.

— А кто вы? — насторожённо спросил Ливей.

— Меня зовут Дэниел, — уже раздражённо отозвался мужчина.

— Мне очень жаль, но... — начал Ливей.

Дэниел мягко улыбнулся. Ливей заворожённо засмотрелся на мелькнувший оскал, необычный прикус которого напоминал крысиный...

Словно он только что спокойно переговорил с лучшим другом, Дэниел легко сказал:

— Отвези меня. К Луис.

— Я не знаю, где она, — покачал головой Ливей, не сводя глаз с этой сумасшедшей, страшной улыбки и сам того не чувствуя, как поднимает от напряжения плечи.

— Ты не выйдешь из этой машины, пока я не увижу Луис.

— Но я правда не знаю, где она! Пожалуйста, поверьте!

Немного помедлив и вздёрнув уголок верхней губы уже в откровенно волчьем оскале, Дэниел предложил:

— Тогда найди тех, кто тебя проведёт к ней.

У Ливея мелькнуло безрадостно-насмешливое: «Он что — мысли читает?!» Протие воли у него вырвалось:

— Почему вы решили?.. — Он не договорил в надежде узнать, что именно имел в виду этот странный и страшный человек.

— Если бы я хотел её спрятать, но быть честным, действовал примерно так же.

— Хорошо. — Успокоившись, Ливей упрямо сказал: — Мне надо подумать.

— Думайте, — ровно ответил Дэниел.

Они ехали молча, пока Ливей не свернул в одном месте — на стоянку. К ним немедленно поспешил дежуривший здесь управляющий.

— Попробуешь сбежать... — не договорил Дэниел.

Ливей взглянул в зеркальце: предплечья мужчины внешне отяжелели — он приподнял невидимое за спинками сидений оружие. Садовод поспешно покачал головой.

— Нет, я не выйду!

Подбежавшему дежурному сторожу он выдал небольшую сумму, предупредив, что ему нужно постоять здесь недолго для ожидаемого разговора. Тот почти сразу удалился. Ливей ожидал, что Дэниел спросит, что разговор и с кем у садовода намечается. Но тот промолчал, выжидательно глядя на Ливея. А садовод опустил стекло, через которое разговаривал с дежурным при стоянке, затем опустил пассажирское место рядом с собой и повернулся к Дэниелу боком — так, чтобы видеть его полностью, перейдя на «медитативное зрение». Дэниел же, ни о чём не спрашивал, лишь ещё чуть опустил голову, не спуская с Ливея глаз, угрюмо поблёскивающих в тени от волос.

Ливей «разглядывал» его и начинал понимать. Перед ним человек, который не доверяет никому. Который привык решать свои проблемы напрямую и сразу. Который сам себе проблема. И — одиночество. Человек страстный, но привыкший смирять свои страсти. Измученный поиском пути, но так и не нашедший его. Воин, заплутавший в метели. Но упрямо идущий в одном направлении, веря, что прямая дорога выведет.

Вздыхнув, Ливей спросил:

— Где ты живёшь, Дэниел?

Мужчина тоже коротко вздохнул. Кажется, от неожиданности. Очень уж внезапно прозвучал вопрос Ливея. И, кажется, Дэниел растерялся, хотя привычная маска бесстрастия

помогла ему скрыть — почти — эту растерянность.

— У меня нет дома.

— Луис нуждается в покое и защите. Где же ты будешь жить с нею, если хочешь добраться до неё?

— Со мной она будет под защитой.

— Но найдёт ли она покой?

— Кто ты такой, чтобы решать за неё? Мы решим сами.

Ливей мог бы напомнить, что однажды девушка была под защитой Дэниела, а он не смог её защитить. Но Дэниел прав: за них двоих решать нельзя. И... Если бы Дэниел не сказал этого слова — «мы», садовод ещё долго бы сомневался.

Он вернулся на место водителя, поднял сиденье рядом с собой и взялся за вирт.

— Орочи? Кто знает конец вчерашней цепочки? Это срочно. Да, обстоятельства изменились. Я подожду. Да. — За время паузы он ожидал, что Дэниел немедленно спросит, кто такой Орочи, но тот молчал, диковато взглядывая на него, и от его взгляда было, честно говоря, неуютно. Наконец Ливею перезвонили. — Да? Спасибо. — Он отложил вирт, не подумал и сделал пару звонков, предупреждая работодателей, что сегодня будет занят и не сможет приехать, как обещал. Под конец Ливей сказал: — Ты добился своего, Дэниел. Мы едем к Луис. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Ответом стал лишь немигающий взгляд прячущихся за волосами тёмных глаз.

Только отъехав со стоянки в довольно активный поток и влившись в бесконечное, по первому впечатлению, движение, Ливей смог снова поднять глаза на зеркальце. В первый момент он даже не понял, что случилось. А когда понял, отвёл глаза от крепко спящего Дэниела.

... Через несколько часов Ливей возблагодарил небеса, что успел поесть хотя бы в ресторане, а заодно возблагодарил друзей и коллег, которые его так долго уламывали зайти туда позавтракать. Проснувшийся Дэниел велел пересесть и сам повёл машину дальше — к тому месту, которое ему указал Ливей.

Громадный мегаполис они проезжали с большим трудом, попав в разгар дня в самую его середину. Ориентируясь по карте навигатора, Дэниел несколько раз подъезжал к самым дорогим городским эстакадам и молча платил требуемую сумму. У одной из таких эстакад Ливею повезло: там размещался не только автомат с фаст-фудом, но и передвижная авто-тележка, управляемая продавщицей. Пока Дэниел ждал положенную минуту для урегулирования оплаты по своему вирт-карту, Ливей немедленно, благо сидел с другой стороны, сделал заказ. Едва машина тронулась с места, садовод, ни слова не говоря, поделился с Дэниелом своей добычей. Просто протянул стаканчик с кофе (предпочтения угадал сразу, чем был доволен собой, — взял чёрный) и пару горячих бутербродов в наглухо закрытом пакете.

После ресторанного завтрака фаст-фуд для Ливея оказался не самым лучшим впечатлением, но он понимал, что для него, голодного (ведь прошло уже несколько напряжённых часов!), достаточно и этого. Тем более что всё его внимание поглощал Дэниел. По роду своей работы садовод редко встречал таких людей, поэтому он больше молчал и исподтишка изучал его.

На кофе тот набросился жадно. Пол-литровый стаканчик мгновенно был опустошён, и Ливей втихомолку радовался, что сообразил взять упаковку таких стаканчиков. Когда Дэниел так же жадно доедал первый бутерброд, не вовремя, по мнению садовода, зазвонил

его вирт. И даже сейчас Ливей не удержался, чтобы не отметить для себя, что звонок у самого вирта присущ именно такому аскетическому типу, как Дэниел. Не музыкальная фраза. Ровный звук — что-то вроде тонкого гудения.

Дэниел с сожалением отложил недоеденный бутерброд и, продолжая следить за движением на эстакаде, включил громкую связь.

— Эрик, слушаю.

— Дэниел, что у тебя? — спросил какой-то сиплый, осевший голос, словно его обладатель не спал сутки.

— Еду к Луис! — Не успел Ливей возмутиться: не вслух же! — как в свою очередь Дэниел спросил о том, от чего дрогнуло сердце садовода: — Нашли её контракт?

— Пока нет. Но теперь на его поиски брошены все мои лучшие ребята. Ты оказался прав. Старый Логан заинтересовался лийским концерном, да и твоей историей. Чуть не прослезился, старый чёрт. Говорит, она напомнила ему историю внучки, хотя какое тут сравнение... Так или иначе, но, когда я предложил ему дело лийского концерна, он немедленно приехал и с момента нашего вчерашнего разговора не вылезал из зала аналитиков. Старый — старый, а мозги у него — ого...

— Что ещё по делу?

— Я выслал следом за тобой одного очень хорошего человека. Он скоро приземлится на Лии и начнёт собирать команду наёмников. Чуть позже появимся и я с Логаном. А может, пораньше. Старику всегда нравилось разбираться с делами непосредственно на месте.

— Когда твой человек прилетит?

— Где-то через полтора часа. Я дал ему номер твоего вирта — свяжется по прибытии.

Ещё полчаса пролетели в молчании. Любопытство Ливея за это время вознеслось на громадную высоту, да и раздулось неплохо, и он торопливо старался придумать приличные фразы, чтобы не быть грубо оборванным на полуслове, если задаст не совсем корректный вопрос.

И, наконец, осмелился.

— Ты работаешь в какой-то организации?

— Работал. Теперь думаю, возвращаться, нет ли, — неохотно ответил Дэниел.

— Тогда почему они тебе помогают? — искренне удивился садовод.

— Надеются, что вернусь, — хмыкнул Дэниел.

Больше Ливей ничего не спрашивал, только преисполнился полной уверенности, что этот мужчина — сплошная тайна и обладает такими качествами, которые делают его... достойным такой женщины, как Луис. С одной стороны. С другой... Будь его, Ливея, воля, он бы спрятал подальше Луис, лишь бы только она не стала подругой человека, имя которому — стопроцентная опасность.

Только во второй половине дня они оказались близко к пригороду — в месте, где высотные здания принадлежали не организациям, а частным лицам. Каждое из этих зданий окружали не просто газоны, но площадки с цветниками и идеально ухоженными кустами и деревьями. Ливей любил бывать здесь и с гордостью любоваться делами рук собратьев по творческому ремеслу.

Они остановились у ворот, указанных садоводом, и некоторое время выжидали, пока их проверят. Ливей знал, что его присутствие рядом с незнакомцем для владельцев этого дома, чьи нижние этажи скрыты в бушующей зелени, является лучшей визитной карточкой-рекомендацией. Даже для человека, которого сканирующие камеры уже наверняка

определили как гостя с оружием.

Пока они ожидали, снова пропел сигнал вирта Дэниела. Тот самый человек, о котором предупреждал некий Эрик, приземлился на Лии и напомнил о своём присутствии.

Решетчатые ворота (под старинные, кованые) бесшумно разошлись, и машина въехала во дворик частного владения. Покосившись, садовник уверился, что Дэниела, насколько он понял — безработного, бездомного и не слишком богатого на сейчас, абсолютно не смутило богатство этого места. Он просто не обратил внимания на роскошь, которая не крикливо, но спокойно присутствовала везде.

Ему всё это просто неинтересно.

Его интересовала только Луис.

Им разрешили войти в вестибюль дома. Встретил не хозяин дома, а управляющий. После коротких переговоров — в основном с Ливеем, управляющий кивнул и пригласил неожиданных гостей последовать за собой. Он проводил их через весь вестибюль — первым этажом через всё здание, и вывел к небольшому ухоженному саду за самим домом.

Они прошли совсем немного по каменным плитам садовой дорожки. Затем садовник и управляющий остановились, а Дэниел сделал несколько шагов — по инерции. И остановился.

Луис, необычно для неё в лёгкой блузке и длинной юбке, сидела на низкой скамейке, подтянув к себе ноги, которые обнимала, и смотрела, как прыгает вокруг скамейки Прести. Кусты склонились над нею небольшим навесом, и появлялось полное впечатление, что девушка прячется.

Вынырнув в очередной раз из густой травы, дракончик замер, глядя на Дэниела. Видимо, ошеломлённый внезапным появлением знаконца, Прести не сразу на него среагировал. А потом открыл пасть и радостно заверещал!

Девушка оглянулась. Спустила ноги со скамейки. Помедлила и встала.

Дэниел сделал несколько шагов. Встал. И решительно пошёл к ней.

Было мгновение, как показалось Ливею, что Луис хотела попятиться. Она даже слегка качнулась в сторону — сбежать?

И вдруг кинулась вперёд — изо всех сил!

Дэниел поспешил к ней навстречу, поймал, обнял. Внезапно откуда-то сверху на его плечо шлёпнулся Прести, будто тоже стремясь... Дракончик успел вылечить своё крыло? Кажется, обнявшиеся этого и не заметили, да и до того ли им...

Ливей вместе с управляющим торопливо зашли в дом.

Несмотря на то что, будучи знакомым, управляющий приглашал садовода попить чаю или кофе, Ливей, обеспокоенный происходящим, вежливо отказывался. В конце концов, управляющий предложил посидеть вместе за неспешной беседой — неподалёку от выхода во внутренний сад, так что дверь туда оставалась для обоих на виду. Он сели в кресла и сначала пытались найти тему для беседы, но оба оказались слишком взволнованными, чтобы сосредоточиться на разговоре...

Дэниел и Луис вошли через некоторое время.

Ливей бросил взгляд на обоих и понял: дело плохо. Хотя оба спокойные. Даже Прести сидит на плече девушки с каким-то задумчивым, если не озадаченным видом.

Управляющий деликатно встал и сослался на какие-то свои дела, предложив вызвать его по окончании беседы.

Пара расположилась в креслах, причём Луис села так, чтобы Дэниел был от неё через

кресло Ливей. Предполагавший такую ситуацию, садовод только вздохнул.

Молчание с двух сторон его не тяготило. Он терпеливо ждал, что скажут мужчина и девушка. А те выглядели так... Как будто впервые встретились.

Луис смотрела упрямо, хоть и печально. Дэниел — маска сосредоточенного покоя. Маска игрока... Ливей вздохнул.

— И что теперь?

— У меня есть призвание, — сказала Луис. — И я хочу быть певицей. Если я буду с Дэниелом, я никогда не смогу стать по-настоящему профессионалом.

Остановив собственную машинальную попытку закатить глаза к небу, садовод перевёл для себя слова девушки таким образом: я люблю Дэниела, но моё присутствие рядом с ним может быть для него опасным. Но рта открыть не успел, чтобы возразить и выразить своё мнение.

— Тебе мешает моё положение «мёртвого глаза»? — ровно сказал Дэниел. — Я могу быть при тебе телохранителем.

Ливей, услышав о «мёртвом глазе», о снайпере, постарался не вздрагивать. И вообще перестал делать попытки войти в разговор двоих. Они, кажется, воспользовались моментом, когда есть третий, чтобы поговорить спокойно. Вот только, по мнению садовода, ввали они!.. Причём для того, чтобы пощадить друг друга!

Когда разговор, совершенно бесплодный, стих и упёрся в самый настоящий тупик, Ливей понял, что теперь и ему можно вставить своё слово.

И он это сделал, предложив Дэниелу уезжать. Время позднее.

Луис спокойно попрощалась и немедленно ушла к лифту на верхние этажи.

Дэниел посидел с минуту, затем встал. Уже в машине он спросил:

— Она правда боится: наши профессии настолько несовместимы, что могут помешать нашей... нашим отношениям?

Ливей сделал вид, что не заметил оговорки.

— Луис думает, что она приносит несчастья всем, кто с ней сближается, — объяснил он. — А ещё она думает, что она убивает. Что в корне неправильно, только вот убедить её в этом очень трудно. Тем более у неё перед глазами картина, которой я не совсем понимаю, но в этой картине один труп и один раненый человек. Но эта картина к ней самой отношения не имеет.

— То есть всё то, что она говорила об убийствах... Этого не было? — насторожённо спросил Дэниел, гоня машину по вечерним улицам.

— В её ауре нет следа её личности-убийцы, если ты понимаешь, о чём я.

— Не «вижу», но понимаю. Значит, она не убивала?

— Нет. У неё бывают кратковременные обмороки, когда она переживает стресс и сильное чувственное напряжение. Бывают такие последствия аварии. Но припадков, во время которых она якобы убивает, у неё нет. Думаю, ей внушили, что она убийца.

— Или подстроили ситуацию, — задумчиво предположил Дэниел.

Ливей снова вздохнул. Кто какими категориями мыслит. И вполне возможно, что здесь мужчина-снайпер прав. Вот только как доказать, что Луис не убийца?

Садовод высказал вопрос вслух.

— Организация, в которой я работал, сейчас проверяет подноготную Луис, — сказал Дэниел. — Мы проверяем каждый её шаг, связанный с этим её состоянием после больницы. Ей много чего сказали ненужного. Например, каким-то же образом удалось убедить её, что

лечение в больнице оказалось настолько тяжёлым, что пришлось заплатить за него огромные деньги. На деле она отделалась всего лишь ушибами. И лежала не более недели. Но этим здорово воспользовался концерн, заставив её подписать себе собственное рабство. Интересно, как она прожила дни после той самой недели в больнице? Где она была? Что делала?

— Я мог бы поговорить с нею об этом, — неуверенно сказал Ливей.

— И ещё один момент, — сказал Дэниел, задумчиво глядя вперёд, в постепенно наполняющуюся бегучими огнями дорогу. — Она сказала, что перед побегом на Кэссию она совершила убийство.

— Что?..

— Да. Это с её слов. Меня очень интересует, что за убийство она совершила. Точнее, какое убийство ей внушили. Чьё именно? Как бы попробовать разузнать о том, что произошло перед самым её побегом тогда, год назад?

— У меня остались друзья в том доме, где раньше жила Тайра, — загоревшись идеей расследования, сказал садовод.

— Нет, — спокойно и непреклонно сказал Дэниел. — Вам в это дело лучше не вмешиваться самому. Если хотите помочь, скажите, кто может что-то рассказать, если воспользоваться вашим именем. Но сами не влезайте. Сейчас за всеми, кто имеет отношение к делу Луис, будет пристальное внимание. Это опасно.

Садовод заметил, что Дэниел снова перешёл с ним на «вы». Специально отодвигает? Что ж. Если человек специалист в своём деле, Ливей готов помочь ему, не вмешиваясь во что-либо.

Смятение. Единственное слово, которое в полной мере отражало сиюминутное состояние Луис. Оно словно незаметно поднимало в ней самую голову с того мгновения, как она увидела Дэниела, идущего к ней. Луис откровенно испугалась. Она не могла поверить, что вот он — живой... И — рядом.

Хотела, чтобы нашёл. А когда нашёл...

Толком поговорить не смогли. Поцелуй. Почти дружеский. И всё. Ожидала упрёков, что бросила его, раненого, а он не мог оторвать взгляда от её разбитой и распухшей губы, от нового, побольше, чем раньше, пластыря на её щеке, — и его глаза дичали, горя такой злобой, что она снова испугалась — как бы он не пошёл убивать всех подряд. Потом страх начал проходить, уступая изумлению: он откуда-то знал обо всех внешних событиях, которые с ней произошли.

А вообще они мало разговаривали. Он ещё что-то сказал о том, что надолго её здесь не оставит. И потом только молча стоял, прижимая её к себе, несмотря на её попытки объяснить, что она не нуждается в нём.

И она давила в себе чувство радости, что он не поверил ей.

Несмотря ни на что, она видела в нём защиту.

С ним было спокойно. А едва она ушла, поднялась по лестнице к комнате, которую ей выделили на время, она немедленно почувствовала, что попала в самый настоящий вакуум. Сначала даже не поняла, что случилось. Потом дошло: рядом нет Дэниела. И она попыталась защититься словами, которые привычно пошли строками песни, как всегда, как стоило ей только подумать о Дэниеле: «Я не хочу, чтоб ты ушёл! Так почему ж тебя я отпустила?..»

Вчера её по цепочке передали в очень защищённое место — в особняк, хозяева которого путешествовали по Содружеству и с управляющим которого хорошо был знаком Ливей. Луис была благодарна садовнику, что он нашёл для неё такое место. Но... После того как Ливей привёз Дэниела, девушка сообразила, что этот особняк — не идеальное убежище для прячущегося... Ну, ладно. Судя по всему, умеющий слегка читать ауру садовод понял, что Дэниел не опасен. Но... если в следующий раз на Ливея надавят и заставят привезти в особняк не того человека?

Луис сжала плечи от странного холода.

Да, теперь ей трудно чувствовать себя здесь в безопасности.

Из-за этого у неё началась бессонница. Это она себя уговорить пыталась, что из-за этого. На деле же запихивала поглубже мысль о том, что её так здорово взбудоражила встреча с Дэниелом... Поворочавшись в постели, она села. Включила ночник. Выключила. Сонный Прести что-то проворчал, съезжая с её подушки, и Луис подняла зверушку положить на колени. Он тут же свесил голову на постель и постепенно стёк с коленей Луис снова на постель. Она вздохнула, натянула штаны и тенниску и тихо сказала:

— Прести, ты как хочешь, а я — на крышу. Посижу там немножко... Подышу свежим воздухом — может, и засну.

Дракончик с постели глянул понимающими зелёными глазами: хозяйка прекрасно знает, что он никуда её не отпустит без своего сопровождения. И, добравшись до края постели, прыгнул. Летал он ещё неуверенно. Время от времени переходя на нужное зрение, Луис видела, что одно крыло у него сильно отличается от другого. Поэтому часто Прести

помогал себе взлетать, спрыгивая с какого-нибудь возвышения. Но девушка ещё и видела, как он сам рад полёту, поэтому она часто хвалила его. Сейчас, чувствуя щекочущее мохнатый «воротник», приземлившийся на её плечо, она покосилась на довольную плоскую мордочку.

— Ты молодец, — серьёзно сказала девушка.

Прести тоже скосился на неё и хрюкнул, словно соглашаясь с лестной оценкой.

Прежде чем выйти, девушка постояла у двери. Вторая половина ночи. В доме — самый крепкий сон. Охрана на основе электронной защиты. Но, держась за дверную ручку, Луис озадаченно сдвинула брови. Ей послышался странный рокот, будто над зданием пролетел полицейский или прогулочный вертолёт. Но рокот скоро заглох, и она потихоньку выскользнула из комнаты. Ещё утром, когда её познакомили с новым пристанищем, управляющий показал, что её комната располагается в двух этажах от крыши, на которую можно выходить, если хочется погулять в одиночестве. Как поняла Луис, управляющему её представили как «творческого человека», который время от времени нуждается в тишине и покое. Сейчас это пригодилось.

Бесшумно ступая в мягких тапочках по ступеням первой лестницы, Луис решала для себя важный вопрос: ей очень сильно хотелось рассказать Дэниелу о ребёнке. С другой стороны, при таких обстоятельствах, в которые она попала, есть ли смысл говорить ему о чём-либо? В общем, вопрос она решила, почти пройдя лестницу. Не говорить. Вот пройдёт время сомнений в своём положении на этом свете (она грустно улыбнулась), тогда она ему и скажет.

Короткий глухой стук сверху заставил её замереть на еле освещённом лестничном пролёте. Но стук больше не повторился, и, несколько встревоженная, Луис всё-таки опустила ногу на первую ступеньку второй лестницы. И застыла, неожиданно отчётливо чувствуя, как дышит в шею дракончик.

Лёгкий бег. Кто-то спускался ей навстречу по лестницам. Быстро и уверенно. Назад бежать девушка уже не успевала. Так что напряжённо вцепилась в перила и старалась дышать так, чтобы не слышать себя саму. За эти долгие секунды она лишь раз откликнулась на другой звук, подпрыгнув: в шею бормотнул что-то сонный Прести.

На лестничном пролёте выше мелькнула высокая фигура — дракончик шевельнулся, опять бормотнул: «А, вон кто...» Фигура завернула на лестницу, внизу которой оцепенела Луис, и остановилась. И медленно зашагала ей навстречу.

— Почему не спишь?

В негромком голосе слышалась такая ласка, что девушка мгновенно расслабилась.

— А ты? Ты напугал меня. Как ты здесь?..

— А я спать не могу. Бессонница, — объяснил, чуть улыбаясь, Дэниел. — И понял, что у меня два выхода из неё: или снова напиться, или увидеть тебя.

Едва он сошёл с последней ступеньки, она не выдержала — ткнулась головой ему в грудь, чтобы обнял. В его руках — безопасно! И вздохнула от счастья, когда тёплые руки сомкнулись вокруг неё.

— Я, вообще-то, за тобой, — сказал он ей прямо в ухо, осторожно касаясь её волос губами. Она почувствовала его тёплое дыхание и улыбнулась, ещё не понимая, о чём он говорит. — У тебя есть здесь какие-нибудь личные вещи?

Ничего не понимая, Луис кивнула. Полумрак, сонная тишина — девушка абсолютно бездумно подчинялась ведущему её человеку. Быстро собрали вещи и вышли.

Прижимая девушку к себе, Дэниел повёл её по лестницам.

Не веря своим глазам, Луис на крыше обнаружила вертолёт. Это его гудение она слышала из комнаты! В машине сидел ещё один человек — вертолётчик.

Вот теперь она мгновенно пришла в себя.

— Пошли-пошли, — подтолкнул её Дэниел, уже весь какой-то деловой.

— Куда? — с недоумением спросила Луис.

— На время расследования у нас будет свой дом. Не хочу думать, что ты где-то там, а не под моим контролем. Не хочу стать психом, тревожась, как ты без меня.

Луис мгновенно вспомнила, как орали парни, убегающие от Дэниела: «Шиза!»

— Но я должна предупредить, что я...

— Ну-ну... Может, ещё и адрес оставишь, куда именно тебя перевозим? Луис, ты мне доверяешь? — Дэниел склонился к её лицу, огладил тёплой ладонью её здоровую щеку. — Скажи мне это, чтобы я точно знал.

— Доверяю, — прошептала девушка, отчаянно борясь с мыслью: нам нельзя вместе!

— Ливею я перезвоню, что увёз тебя, — спокойно сказал Дэниел, и ей сразу стало легче. Он, всё так же крепко обнимая за плечи, быстро подвёл её к вертолёту и показал, куда садиться и как пристёгивать ремни.

Наверное, если бы не Дэниел, который обнимал её так, словно боялся, что она в спонтанной попытке сбежать, выпрыгнет из вертолёта, Луис здорово бы промёрзла... А ещё... Если сначала она не могла заснуть, что теперь появилось странное состояние, близкое чуть не к бреду. Движение рокочущей машины, летящей над городом она воспринимала как призрачное движение. Молчаливый Дэниел вроде был рядом, а может — и не был... В какой-то момент Луис обнаружила, что с трудом открывает глаза. В попытке не заснуть она спросила, благо сидели в закрытом салоне:

— Дэниел, а куда мы летим?

— Сняли дом на время расследования, — терпеливо ответил он. — Дом большой. У нас там будет своя часть — несколько комнат только для нас. Помещения внутренние. Никто там до тебя не доберётся. Да и охраны будет немеряно.

— Целый дом... — прошептала она.

— Ну, это не только для нас. Там будет один весьма колоритный тип — он любит, чтобы его называли простецки — старый Логан. Там будет Эрик — тот парень, которому ты звонила...

Не парень — мужчина, хотела было поправить Луис, и вообще: по инерции она хотела было спросить Дэниела, а что же тогда, на Кэсси, произошло. Но спохватилась. Она сбежала, думая, что убила Лодера. Вот что произошло. Сбежала, оставив тяжелораненного Дэниела. По сути, совершила предательство. Если бы не последствия её собственной аварии. На деле — она сбежала, чтобы не стать ещё большей... убийцей.

Неожиданно для себя она ещё сильнее прижалась к Дэниелу — от странной мысли: именно он не даст ей стать настоящей убийцей. Он осторожно положил подбородок на её голову и вздохнул.

Долго идиллия не могла продолжаться. Луис грустно думала об этом и даже не вздрогнула, когда зазвонил вирт Дэниела.

— Слушаю. Уже здесь?! — отчётливое изумление в голосе Дэниела заставило было Луис приподнять голову. Но агрессивных ноток в его голосе не было, и она успокоилась. — Спасибо, что предупредил. А почему?.. Нетерпеливый такой — да? — уже насмешливо переспросил Дэниел собеседника, и тот согласился (слышала Луис). Отключив вирт, Дэниел

некоторое время молчал, а потом сказал, хмыкнув: — Ну что ж... С делом знакомства затягивать не будем. Прилетел старый Логан и Эрик.

Стараясь, чтобы он не заметил (хотя как не заметить? Она же в его объятиях), Луис почти машинально коснулась пластыря на щеке. Как он будет её знакомить со всеми этими людьми, если она выглядит так уродливо? И жалко — словно насмешливо подсказали со стороны. Избитая же... Она напряглась. Дэниел почувствовал сразу — скользнул губами по её виску. Как-то сразу прошло впечатление, что ему всё равно, в каком она состоянии.

— А зачем они прилетели? — спросила девушка, собравшись с силами, чтобы снова не уснуть. — Ну, этот старый Логан и Эрик?

— Старый пират приехал, по своему обыкновению, пиратствовать. А вообще, на пару с Эриком они пытаются разгадать одну загадку, — сказал Дэниел. — Давай я тебе завтра всё расскажу. Сейчас я не очень-то соображаю — спать хочется, едва только узнал, что нас сейчас встречать будут.

— Встречать? Кто?

— Гостей обычно кто встречает? Хозяева, — удерживая усмешку, как показалось Луис, ответил Дэниел. — Так. Мы на подлёте. Сейчас тебя немного помурьжат со знакомствами. Не обращай внимания. Сильно приставать я к тебе не дам.

Не знай Луис, что они приземлятся на крышу дома, она бы решила, что вертолёт садится на громадной площадке где-то в пригороде. И здесь было так много людей, что, чуть только Дэниел помог ей выйти из салона, как она немедленно приникла к нему. Но люди — в свете прожекторов — улыбались ей и приветливо и немного насмешливо здоровались с Дэниелом... Сколько у него знакомых!.. Луис судила по тому, что народ насмешничал не просто так, а называя Дэниела по имени, как и он называл зубоскалов по именам, время от времени огрызаясь на слишком опасные шуточки.

Правда, общее впечатление оказалось однозначным: народ на крыше был рад увидеть Дэниела. Да и его недовольно подёргивающийся рот то и дело расплывался в улыбке, когда он улавливал кого-то в толпе узнавающим взглядом.

От неожиданности Луис показалось, что на крыше — народу-у!.. Но потом она сообразила: темень глубокой ночи, скользкий и прерывающийся свет прожекторов и огней вертолётов, тени и отсветы быстро и энергично шагающих, а то и бегающих людей — всё это и создавало ощущение, что на крыше двигается не меньше сотни человек за раз.

Наконец Дэниел, который легко ориентировался в этом кажущемся хаосе, довёл девушку до двери, сразу от которой начиналась лестница вниз. Всё ещё спотыкаясь, но уже проснувшаяся Луис поглядывала вокруг с огромным любопытством. Лестница оказалась одна. Потом их ожидал лифт. По дороге к лифту они увидели человека, похожего на всех остальных, кто здесь деловито мельтешил. Он помахал им рукой и крикнул, торопясь пройти мимо:

— Дэниел, Эрик просил на секунду забежать в рекреацию третьего этажа! Спуститесь сразу туда, ладно?

— Ладно, — недовольно отозвался Дэниел. И уже в лифте заботливо спросил: — Луис, выдержишь? Мы туда ненадолго.

— Выдержу, — пробормотала девушка, порядком ошеломлённая происходящим, но крепко уверовавшая, что уж отсюда её никто не уведёт против её воли. Кажется, дракончик был с нею совершенно согласен: Прести только так мотал головой с вытаращенными глазищами, как будто пытаюсь запомнить всё, что попадает по пути.

В поездке вниз Дэниел объяснил, что та самая рекреация находится прямо перед дверями лифта. Далеко идти не придётся. В кабине лифта были небольшие скамеечки, но они даже не подумали сесть. Луис прислонилась к Дэниелу спиной и подспудно понимала, что ему нравится обнимать её, стоящую именно так. Прести довольствовался тем, что снова привычно висел на её шее шерстяным шарфиком.

Когда двери лифта распахнулись в сверкающий огнями зал, ошеломлённая Луис решила, что попала на самый настоящий бал — опять-таки народу!!

Но Дэниел спокойно взял её за руку и повёл вперёд, а навстречу им зашепили сначала двое, а чуть поотстав от них, шёл ещё один.

Эрика, с его холодными зелёными глазами Луис узнала сразу. Но не он поздоровался первым.

Старый Логан оказался именно старым. Стариком его назвать язык бы не повернулся. Широкоплечий,двигающийся стремительно и жёстко, явно любитель физических упражнений — решила Луис. Короткая стрижка — седой «ёжик»; длинный, чуть не мефистофелевский, как это называют, нос; цепкие глаза вприщурку и широкий рот человека, который привык выигрывать.

— Леди, рад приветствовать вас в моём временном жалком обиталище! — пророкотал он, с удовольствием, прикладываясь к захваченной (по впечатлениям) в плен ладони Луис.

— Здравствуйте, — пролепетала девушка. Ошеломление продолжалось. Возможно, не будь чувства так напряжены ночью и бессонницей, она бы себя ощущала иначе, но сейчас её поражало всё. Отделаться от потрясения было не просто.

— Вы простите старому человеку такую слабость, как вас называть по имени? — торжественно спросил Логан.

— Старый... — явно ревниво проворчал откуда-то со стороны Дэниел.

— Цыц! — абсолютно довольный, прикрикнул старый Логан на него. — Мы ещё с тобой не поговорили насчёт твоего отсутствия, когда ты мне так был нужен, бродяга! А вы, моя леди... Позвольте представить вам человека, с которым, как он утверждает, вы однажды поговорили — недолго. Это мой старый друг — Эрик.

Девушка напряглась и кивнула, сейчас особенно отчётливо ощущая на лице все порезы и раны. Эрик же, слегка улыбнувшись, поклонился ей.

Старый Логан вдруг отставил руку назад и буквально выдернул из-за своей спины высокого, хрупкого на вид юношу лет шестнадцати. Почти мальчик. Если бы не затаённая улыбка и странное впечатление взрослости во внимательных карих глазах.

— А это мой не совсем родной, но горячо мною обожаемый внук. Прошу любить и жаловать — Рольф. Весьма и весьма нужный нам человек. Ну, приходится, конечно, считаться с тем, что он домосед и чаще сидит на дикой планете с диким названием Островное Ожерелье, чем старается помочь любимому тем не менее деду. Но мы же ему такое простим. Тем более по счастливой для некоторых случайности он гостил у меня именно сейчас и согласился сопровождать своего непутёвого деда в его деловой поездке.

При виде Рольфа Дэниел почему-то крепко сжал руку Луис. Она бросила на него удивлённый взгляд. Он почти горел странной надеждой, пристально глядя на этого мальчика. А мальчик, словно его тоже недавно разбудили, сонно (что было странно при его внимательных глазах) улыбнулся всем после напыщенной речи своего деда. Луис ещё успела подумать, как это — «не совсем родной внук», как мальчик подошёл к ней.

Девушка не успела ничего ни сказать, потому что не знала, что именно нужно говорить;

ни сделать: Рольф, ни слова не говоря, поднял руку. Слегка раскрытая ладонь остановилась у пластыря на щеке Луис, не прикасаясь к нему, и замерла. Девушка только большим усилием воли не отшатнулась от этого жеста. А секунду спустя странное тепло хлынуло от ладони мальчика — так сильно, что поражённую кожу чуть не обожгло.

— Вы не бойтесь, — медлительно сказал Рольф. — Эта штука лечится. Не очень быстро, но убрать можно.

Он ещё немного подержал ладонь у застарелой царапины, стоя рядом с каким-то отсутствующим видом, словно что-то слушая. Как ни странно, но и старый Логан, и Эрик тоже молчали и с некоторой тревогой всматривались в мальчика. Даже Дэниел ничего не говорил. До девушки начало доходить: мальчик — целитель? А Рольф, как будто так и надо, скользнул ладонью, почти нежно прижав её к пластырю, остановил кончики пальцев на распухшей губе Луис и всё так же отстранённо спокойно сказал:

— Если не возражаете, завтра попробуем снять этот пластырь.

— А вы... умеете? — осмелилась спросить Луис.

— Немного. У меня тоже было химическое поражение кожи. Вытягивать такие вещи я научился в первую очередь. А у вас ещё и зверь хороший в этом отношении. Он поможет там, где не справлюсь я. — И он, скользнув взглядом по Дэниелу и рассеянно улыбнувшись что-то скрипнувшему ему в ответ Прести, ушёл из рекреации.

Старый Логан, как и все остальные, облегчённо вздохнул и сказал:

— Не смею тебя больше задерживать, моя милая Луис. Тебе надо выспаться и прийти в себя. Я рад, что мой внук внушил нам всем такую надежду. Так что, дети мои, спокойной ночи!

Последнее прозвучало почти как приказ. Дэниел молча взял девушку под локоть и повёл её снова к лифту. Молча — это значит, не считая еле слышного ворчания сквозь зубы: «Моя милая... Моя!»

— Но-но! — вслед ему самодовольно сказал Логан. — Поворчи мне тут ещё! Я старше — мне можно!

Чуть не бегом втащив Луис в лифт, дождавшись, пока двери не сомкнутся, Дэниел хмыкнул:

— Старому Логану так не терпелось похвастаться своим внуком!.. Будем надеяться, что мальчишка и впрямь хорош, как о нём говорят.

Луис не ответила: от усталости и обилия впечатлений она еле стояла на ногах и была благодарна Дэниелу, когда он снова привлёк её к себе... Вышли они на пятом или шестом этаже. Девушка уже не могла нормально воспринимать реальность. Шла, пошатываясь, ведомая за руку, пока не очутилась в спокойной комнате со встроенными шкафами и множеством штор не только с обеих сторон от высоких окон, но даже вокруг дверей. Луис бы, в её полудремотном состоянии, и не заметила их, если бы не обрадованный Прести. Счастливый дракончик немедленно принялся летать от шторы к шторе, цепляясь за ткань и азартно оглядывая громадное пространство для полётов.

Дэниел развернул девушку за плечи и подтолкнул к скромной двери.

— Умываться — первая!

Но умываться Луис не стала. Боялась намочить пластырь, недавно приклеенный. Быстро переделась в домашнее из того, что прихватила во время побега, потом вспомнила и подошла к зеркалу. Саднившая трещинка на губе затянулась и была почти незаметной. Девушка осторожно потрогала всё ещё опухшую губу. Сил на удивление не осталось. На

благодарность — тоже. Но, как ни странно, иххватило на ощущение, что, возможно, теперь она всё-таки будет счастлива.

Вернувшись в комнату, она только хотела сказать: «Следующий!», как поняла, что лучше промолчать. Дэниел сидел на кровати, ссутулившись и уперев руки в колени, низко опустив голову. Девушка подошла к нему тихонько и присела на корточки перед ним. Легко отодвинула в сторону лохмы волос. Спит... На улыбку сил хватило.

Выключив свет, Луис влезла на кровать, обняла Дэниела за плечи и мягко, откидывая на себя, положила его на кровать. Потом встала на пол и положила на кровать его ноги. Взяла приготовленное одеяло и укрыла его. После чего влезла под одеяло перед ним и свернулась калачиком — затаив дыхание, ждала, что будет. Ничего особенного: рука Дэниела шевельнулась, съехала к её животу. В следующее мгновение Дэниел прижал её послушное тело к себе... Свалился перед глазами Прести, сонно чирикнул и привалился к руке Дэниела. Луис уснула.

С трудом сдерживая смех, Луис делала вид, что не видит и не слышит, как Дэниел злится, пытаясь спрятать под узкий (модно в этом сезоне) пиджак смокинга поясные ремни с кобурами для пистолетов. Но только делала вид, что не смотрит. Ведь смотрела на него, почти не переставая: его постригли!! И это было так... дико! Девушка просто не узнавала этого мужчину! Аристократ, который появился, когда «от мраморной глыбы» отбили всё ненужное, как съязвил Эрик, пугал и притягивал Луис. Он казался выше и стройней того человека, которого она когда-то знала. Когда-то — это в далёком сегодняшнем утре. Он казался не таким ласковым, как был утром, и выглядел соответственно — высокомерным и недовольным по пустякам. И вот с этим человеком она вот-вот должна выйти к огромному количеству народа?

Сценобоязнь! Привет тебе, моя любимая фобия!

Прошла целая неделя, с тех пор как её перевезли в дом старого пирата Логана. Целая жизнь. За эту неделю девушке пришлось пережить столько, сколько она не переживала. Старый Логан заставил её вспомнить прошлое. Всё. Никогда бы Луис не подумала, что это прошлое, долгие годы прятавшееся в душе и в памяти и запёртое там на потерянный ключ, выскажи его вслух, может выходить из человека страшным потрясением и неудержимыми слезами.

... Она задумчиво присела в кресло, снова вдёрнутая воспоминанием — теперь уже в недавнее, в разговор, сначала очень сильно похожий на допрос. Да, старый Логан допрашивать умел. Она сама не заметила, в какой момент начала откровенничать и рассказывать. Слезы хлынули почти сразу.

Семья, потерявшаяся на просторах Содружества. Детство: те самые бедные районы; пьющий отец, которого за пьянку выгоняли со всех работ; потрясение, вызванное однажды пением имита в каком-то кабаке, куда мать двенадцатилетнюю девчонку устроила посудомойкой. Юность, когда хотелось петь, а гитары не было, и пела под караоке. И запоем читала стихи — все, что нашлись в районной бедняцкой библиотеке и в Сети, потому что хотелось сочинять и петь свои песни. А в очередном кабаке оставалась после смены домывать посуду, чтобы включить на свободе караоке и, отмывая кастрюли, петь, петь, петь... И какой-то добрый дядечка услышал её пение, а дальше — как в сказке: предложил за его счёт поступить в детскую музыкальную школу, а потом и на частные курсы по вокалу. Дядечка оказался из концерна. Частью концерна оказались музыкальная школа и частные курсы, где училась и Тайра. И если сначала у дядечки и было намерение вырастить из босячки певицу, то случай — авария — перебил это намерение, и на сцену вышла Тайра — с голосом Луис.

В комнате, где они ожидали, когда их позовут, раздался сухой треск — и сочный мат Дэниела. Луис взглянула: он порвал ремень, слишком сильно затянув его.

— Извини, — раздражённо сказал Дэниел. — Что-то я слишком нервничаю.

— Ничего, я потерплю, — снова с трудом удерживая губы, чтобы не разъехались в самом настоящем смехе, отозвалась Луис.

Он немедленно взглянул на неё — на странные нотки в голосе среагировал? И жёсткие глаза мгновенно потеплели. Девушка смущённо опустила голову. Она всё никак не могла привыкнуть к длинному тёмно-красному платью, которое ей предложили (приказали —

после её испуга при взгляде на него) надеть на торжество. Слишком роскошно. Слишком декорировано. Слишком... Дэниел велел ей забыть об этом слове, пока она рядом с ним. По его мнению, она в этом платье идеальна.

Торжество придумал старый пират. Ухмыляясь, как зловерный кот, сожравший не только птичку, но и золотую рыбку, он высказал:

— Деточки мои! Знаете ли вы, что в нашем деле самое главное? Правильно — не знаете. Поверьте старому пирату: в таких случаях, как ваш, главное — это тщательным образом спланированная провокация. Так дайте старому человеку порадоваться игрушке, с которой он давно не игрался.

Провокацией сделали шикарное празднество, для своих — устроенное в честь возвращения блудного сына, то бишь Дэниела, к родным пенатам — в аналитическую фирму Эрика. А для всех официально приглашённых — решено отметить его день рождения как любимчика и дальнего родственника старого Логана. Распиаренный местными СМИ приезд старого пирата на Лию вызвал множество толков в столице планеты. В его временный дом наносили визиты все, кто считал нужным напомнить Логану о себе или попытаться пролезть в его друзья или хотя в хорошие знакомые. Не остались в стороне и руководители и хозяева концерна, чьей рабыней официально оставалась Луис.

Так что через неделю после приезда пирата светская и руководящая верхушка лийской столицы получила приглашения от старого Логана. Одними из первых приглашения получили руководители концерна, принцесса сцены Тайра и её жених. Все они поспешно ответили, что будут обязательно.

Старый Логан людоедски ухмылялся и потирал руки. А в доме солидно готовили тот самый рекреационный зал для проведения празднества.

Однажды, за два дня до празднества, совершенно ошеломлённая происходящим Луис осмелилась спросить, как же она сама появится на этом празднике, если там будут те, кто имеет на неё право из-за бессрочного контракта. А вдруг её заставят уйти вместе с ними? Вдруг вмешают полицию? Старый Логан ответил очень ласково — у девушки создалось впечатление, что он с трудом удержался, чтобы не погладить её по голове:

— Луис, ты в моём доме. Ты будешь под руку с Дэниелом. На публике. Неужели ты думаешь, что кто-то из этих господ вообще осмелится подойти к тебе, чтобы заявить на тебя права собственности? Девочка моя милая! Оставь все эти мысли и наслаждайся праздником. А уж старый пират (теперь он ухмыльнулся точно, как старый бойцовский кот!) сумеет как следует воспользоваться ситуацией!

За эту неделю «почти внук» старого пирата привёл лицо Луис в порядок. Рольф приходил в комнаты Луис и Дэниела, когда Дэниела не было: тот занимался подготовкой к празднеству, заодно вникая в дела Эрика и постепенно снова вживаясь в его агентство. Дэниел знал о посещениях Рольфа, но никогда не спрашивал о них. Луис сама ему рассказывала о медитациях, которые проводил с нею мальчик. А порой жалела, что Дэниел не успевает заниматься вместе с ними. От страшной царапины на лице осталась лишь неровная полоска бледной, в отличие от ранее здоровой, кожи. Причём, если Рольф сам исцелил Луис разбитую губу, то в лечении застарелой раны помогал Прести. Дракончик очень удивился, когда мальчик осторожно положил его на лицо лежащей Луис, но, когда Рольф принялся проводить над ним какие-то манипуляции ладонями, притих. И потом девушка только с изумлением ощущала, как саднит кожу, пока царапина стягивалась концами кожи.

Выслушав Луис, как Прести однажды помог Дэниелу, но не смог помочь ей самой, Рольф объяснил, что дракончику было не по силам справиться с тем химическим веществом, которое было внесено в кровь и кожу её раны. Только используя Прести как катализатор, можно было повлиять на выведение химии из организма.

— Луис, — обратился к ней Рольф на последнем сеансе, — Дэниел знает, кто в последний раз ударил тебя?

— Да. Хотя я не говорила.

Мальчик спокойно кивнул, но почему-то у Луис создалось впечатление, что Рольф действует в паре с дедом и что это старый пират велел мальчику узнать, сказала ли девушка Дэниелу про Горана.

Что это? Ещё одна фишка в игре старого пирата?

Пока Луис крепко усвоила следующее: старый Логан её в обиду не даст. Поэтому все его фишки она воспринимала спокойно.

... Дэниел наконец закончил собирать конструкцию из ремней и благополучно спрятал пистолеты в кобуры на поясной «сбруе».

— Луис, обними меня.

Девушка подошла, приподняв подол платья, встала перед мужчиной и обняла его.

— Интересно, с кем ты собираешься обниматься на празднике?.. Нет, пистолеты не чувствуются. А тебе так удобно?

— Удобно. А вот обниматься... — Дэниел улыбнулся, несколько не смущаясь. — Повод нашёлся хороший — почему бы не попросить?

Зазвонил вирт.

— Кто это? — шёпотом спросила Луис.

— Эрик. Сказал, что скоро можно будет спускаться.

Громадный зал, куда Луис уже несколько раз заскакивала посмотреть, как он преобразается в празднично сверкающий, встал перед глазами, и девушка чуть не съёжилась. Дэниел поднял ей голову, ласково взявшись за её подбородок.

— Трусиха...

— Тебе хорошо-о, — обеспокоенно протянула девушка. — А я как увижу их всех...

— А ты не думай об этом.

— Хм... А о чём мне думать?

— Ну, хотя бы обо мне.

— Эгоист.

— В свой день рождения я могу себе позволить эгоизм.

— У тебя... У тебя настоящий день рождения?!

Он наклонился и поцеловал её.

— Мало того что настоящий, — странно сказал он, — так я ещё сегодня получаю такой подарок... В общем, подарок, — предвкушающе сказал он, и тёмные глаза потемнели ещё больше.

— Поздравляю, — неуверенно сказала Луис: странные интонации в его голосе насторожили её.

Она и так немного отстранённо воспринимала Дэниела, после того как ему пришлось постричься к празднику, да ещё он, с момента как все узнали о празднестве, вёл себя довольно странно. Пытаясь понять себя, она сообразила: ей легко было общаться с тем человеком, который жил в пустой комнате и был лохматым. Он был ей ровней. Такой же,

как она: был бедным, как церковная крыса, и старательно пытался выжить в этом мире, порой вступая в настоящий бой с ним.

Этот же мужчина, с надменным взглядом опасных глаз, освободившихся от завесы волос, был ей непонятен. И девушка была рада, что его преобразование произошло только сегодня. Она надеялась, что сможет за эти часы привыкнуть к нему. И даже найти в нём своего Дэниела. И робко радовалась, что она ему ещё нужна. Хотя этот страх был, наверное, смешон ему, выскажи его Луис.

Она вздохнула, забывшись, и он мгновенно поймал этот вздох.

— Что?

— Я постараюсь не бояться.

— Если тебя беспокоит наш выход, то вспомни, что в зале в большинстве своём будут наши. А это опытные охранники.

— Тогда, — помедлив, сказала Луис, — зачем тебе пистолеты?

— Когда оружие при мне, я как-то больше ценю человеческую жизнь, — философски сказал Дэниел, всё ещё не отпуская её уже из своих объятий.

Они стояли в середине своей маленькой гостиной, и Луис со странным смущением чувствовала его горячую ладонь на своей непривычно оголённой спине.

— Дэниел, ты знаешь обо мне многое, — задумчиво сказала девушка, вспоминая, как он сидел в укромном уголке, когда старый пират допрашивал её. — А я о тебе ничего. Это нечестно. Кто ты? Есть ли у тебя родные? Я помню, как ты сказал, что у тебя нет братьев и сестёр. Но родители? Есть ли у тебя родители? Извини, если задаю такой вопрос. Может, родители твои давно... Ну...

— Мои родители занимаются космическим кораблестроением, — спокойно отозвался Дэниел. — Они не владельцы корпорации, но довольно богатые люди. Я оказался уродом в своей семье — не захотел заниматься семейным бизнесом, как это делали все остальные, а кузенов и кузин у меня достаточно. Мне хотелось больше заниматься чем-то более зримым, чем мои родители. Поэтому я предпочёл однажды уйти, а потом в прямом смысле меня подобрал Эрик. Он выяснил, что у меня всё-таки есть мозги, и устроил работать в свою фирму.

— А подобрал — это как?

— Я только-только начал свою карьеру в бойцовском мире — в боях без правил. Тренер у меня был не ахти. Держался я в основном за счёт собственной интуиции, как надо драться. И заодно оказался неплохим психологом: заранее мог определить, как будет держаться со мной противник. Но однажды мне не повезло: именно Эрик выставил своего бойца против меня. Я продержался раунд. В начале второго боец Эрика сделал из меня котлету. Потом Эрик объяснил, что всему виной именно мой внутренний психолог: я заранее понял, что этот боец лучше меня, настроился на поражение, поэтому и проиграл. А поскольку мой тренер, по совместительству и мой агент, после того что увидел на носилках, отказался от меня, то Эрик забрал меня к себе и поместил в больницу, где обычно лечили его ребят. Ну... А потом — по накатанной: тренировки, восстановление, постепенное введение в фирму. Это он узнал, кто мои родители. Эрик не считает, что природа отдыхает на детях гениев. Он считает так: мозги есть — надо использовать. Так что ничего особенного я собой не представляю.

Девушка осторожно прижалась щекой к его груди. Для неё Дэниел теперь всё равно станет человеком на расстоянии, когда она узнала его лучше. Она — из семьи постоянно

бегающих в обязательные школы, потому что на хорошие денег не хватает. У него наверняка образование есть. И не только школьное. Он же ушёл от родителей уже в сознательном возрасте... Но пока он с нею...

И снова затаённая мысль: говорить ли ему о ребёнке? А если он решит, что таким образом она хочет привязать его к себе? Господи, сколько сомнений!..

— Нам пора, — прошептал он прямо ей в волосы.

— Пора, — согласилась она и не пошевелилась.

Тогда он слегка отстранил её от себя, заглянул в карие глаза.

— Ты — со мной, — напомнил он. Взял её за руку и повёл в лифт.

Им предстояло спуститься на третий этаж. Глядя на зеркальные стены лифтовой кабины, Луис видела высокую молодую женщину, которая выглядела слишком, по её мнению, красивой. Видела собственное лицо — и невольно вглядывалась в щёку, кожа которой сейчас слегка припудрена одним цветом. И ни одного следа бывшей царапины. Чуть пожалела, что на плече нет привычной тёплой тяжести: Прести остался в их комнатах. Он как будто понял, что сегодняшним вечером лучше не сопровождать хозяйку и остался шнырять вокруг аквариума, который дня три назад Дэниел принёс из каких-то других комнат. Это после слов Луис, что иногда занятия медитацией напоминают рассматривание рыбок. Так что Прести получил настоящий подарок: от созерцания рыбок он приходил в такой восторг, что то и дело прыгал к аквариуму, чтобы «помедитировать» перед ним.

Лифтовая кабина остановилась.

Луис глубоко вздохнула. Дэниел велел ей:

— Взгляни на меня! Я твоя охрана!

И, быстро наклонившись к ней, коснулся её губ.

— И! Виновник торжества — Дэниел! — прокричал ликующий голос.

Ошеломлённая от неожиданности Луис открыла глаза.

Гудящий многими голосами рекреационный зал будто ворвался в кабину.

Музыка, свет, смех и говор — всё сплелось в неожиданно праздничный мир, в который Дэниел и ввёл девушку. Чуть позже выяснилось, что Луис всего лишь нужно послушно шагать туда, куда поведёт её Дэниел, под руку с которым она шла. Здраваться с теми людьми, с которыми он здоровался. А потом стало ещё легче: Дэниел подвёл её к старому пирату, который очень одобрительно отозвался о её платье и о ней самой. Рольф, привычно державшийся в тени своего громогласного деда, улыбнулся ей, а глаза Эрика так скользнули по её фигурке, что Дэниел вдруг нахмурился и почти силой увёл бы её подальше от своего непосредственного начальства, если бы начальство не остановило его.

— Дэниел... — предостерегающе сказал Эрик, еле заметно скашиваясь куда-то в сторону. Набычившись, Дэниел остался возле старого пирата.

— Мой любезный друг! — промурлыкал старый Логан. — Я просто мечтаю представить вам моего юного друга и соратника Дэниела и его очаровательную спутницу!

— Держись, — прошептал Дэниел и властно повернул девушку к человеку, с которым столь высокопарно говорил старый Логан.

Луис подняла глаза. Перед нею, не менее ошеломлённый, чем она, стоял её недавний куратор. Тот самый, который своей волей убрал из дома Тайры Биргера, а потом нанял Риту. Единственное, чем отличалось её состояние от состояния куратора, было в том, что она предполагала его увидеть. Но куратор совершенно не думал, что может встретить её здесь.

Придя в себя, он первым делом коротко поклонился ей, словно незнакомой, и перевёл

испытующий взгляд на старого пирата. Тот улыбнулся — своей кошачьей, всепобедительной улыбкой. И все краски мгновенно схлынули с лица куратора. Луис ещё не понимала, что происходит. Зато, кажется, понимали все, стоящие рядом с нею мужчины. Потому что Эрик вдруг стал смотреть слегка свысока на куратора. Потому что старый Логан улыбался всё обаятельней. Потому что Дэниел вдруг прижал её к себе — и очень крепко. А потом сверху вниз (она это отчётливо услышала в его голосе — это нечто сверху вниз) Дэниел сказал куратору:

— Позвольте мне тоже представить — и не просто мою спутницу, но и невесту!

Куратор, бледный, но взявший себя в руки, быстро оглядел мужчин, стоявших полукругом, в середине которого оказалась Луис, спокойно сказал:

— Рад знакомству, леди.

Не знающая этикета, Луис слегка присела, повторяя за теми киногероинями, которых видела на вирт-экранах, и спокойно же ответила, хотя ей хотелось немедленно затащить куда-нибудь в тёмный угол Дэниела и допросить на предмет его последней фразы: кто она ему?! И почему она раньше об этом не слышала?!

— Весьма рада знакомству с вами!

— Мы с Луис пойдём поздороваться и с остальными гостями, — обратился Дэниел к старому Логану, одновременно кивая довольному Эрику, — а вас, — он насмешливо посмотрел на куратора, — оставим в приятном обществе.

И, крепко взяв Луис под локоть, повёл её дальше.

Девушка шагала, как манекен. Во всяком случае, чувствовала себя таковым. Ноги, внезапно одеревеневшие, переставлять приходилось с большим трудом. Нет, чего-чего, а встречи с куратором, подстроенной старым Логаном, она точно не ожидала. Возможно, боясь её страха перед хозяевами, организаторы праздника и не сказали ей, с кем в первую очередь ей придётся хоть и коротко, но общаться здесь. Потрясение, вызванное двумя противоречивыми впечатлениями: от объявления её невестой Дэниела и от встречи, в сущности, с её полноправным хозяином, — было ошеломляющим. Наконец она постепенно пришла в себя.

— Так с кем мы ещё должны поздороваться? — спросила она, едва переведя дух, решив, что про невесту она спросит чуть позже.

— Угадай с первого раза, — предложил Дэниел, буквально таща её сквозь довольно плотную толпу.

— А это обязательно? — жалобно спросила Луис.

— А тебе не хочется увидеть её лицо в этот момент? — спросил, оглянувшись на неё, Дэниел.

Оглянулся с такой хулиганской улыбкой, что она вдруг подумала: а почему бы и нет? Есть несколько причин. Она не может подарить ему ничего на день рождения. Ему же очень хочется, чтобы она заглянула в лицо опасности и не струсила. Чем не подарок? Если она может сделать так, чтобы он был доволен, чтобы он получил удовольствие в этот день, то почему она должна сопротивляться? Приободрившись при этой мысли, она уже сама поспешила за ним. Почувствовав, что тащить её за собой стало легче, Дэниел снова обернулся к ней и удивлённо поднял брови при боевой настроенности.

— Мне это нравится, — бросил он.

— Мне — не очень, — отозвалась девушка, — но если так задумано...

Если бы она знала, что именно было задумано... Старый Логан и Эрик задумывали,

вообще-то, одно. Но как чуть позже выяснилось, Дэниел решил кое-что в их задумке подкорректировать. Для чего и торопился встретиться в толпе с принцессой эстрады и её официальным женихом.

— Ну? Что? Готова увидеть их?

— Готова! — выдохнула Луис.

Он буквально выдернул её из толпы. Или толпа так внезапно расступилась? Она успела встать с ним совсем рядом. Он успел обнять её за талию.

Улыбающаяся Тайра оглянулась и развернулась, потянув за собой Горана. Сначала она вспыхнула от удовольствия при виде импозантного Дэниела, который поздоровался с нею первым. Затем она узнала Луис.

Сквозь толпу Дэниел тащил её за собой, поэтому, когда они встали и он обнял её, чтобы она не боялась, он оказался всё же чуть впереди. А может, не оказался. Может, специально встал на полушаг вперёд. Защитить её. Прижатая к его плечу, она чувствовала, как стучит сердце, — и не понимала, чьё — его? Её?

Тайра уставилась в её глаза и остолбенела. Луис видела, как её яркая улыбка будто медленно расплавляется, и лицо превращается в маску безучастия. Легко. Тайра всё-таки светская дама. Умеет держать себя в руках.

Горан. Он взглянул на Дэниела, мельком мазнув по Луис взглядом человека, который, привычный к светскому этикету, обязательно будет ждать, что со своей спутницей в подошедшей паре его познакомит именно мужчина. Взглянул на Дэниела — но не увидел. Потому что, уже забыв о Дэниеле, неприлично, как и Тайра, уставился на девушку, за мгновения краем глаза ухватив знакомые черты. Луис сама не заметила, как попыталась отпрянуть от этого жёсткого взгляда постепенно узнающих её глаз. Только сразу наткнулась на руку Дэниела. Жёсткую. Надёжную.

Испуганно взглянула на него. Он ещё улыбался — только эхом. Словно забыв, что улыбаться необходимо. И смотрел только в глаза Горана. И Луис снова взглянула только на Горана. Почему именно на него смотрит Дэниел? И пауза затягивается слишком... неприлично. Даже она, не знакомая со светскими условностями, понимает это. Что? Что в этом Горане для Дэниела? А сам Горан смотрит на неё уже так, словно не растерян, а просто недоволен: отобрали ту игрушку, которая нравится ему. Которая уже принадлежала ему. Которую он лишь на миг выпустил из рук, а она взяла — и сбежала.

Зрачки в глазах Горана дрогнули так, что только пристально наблюдающий за его взглядом смог бы это заметить. Например, Дэниел.

Луис встревоженно следила за обоими, уже забыв о Тайре. Что-то происходило между мужчинами. Но что? И куда сместился взгляд Горана? И — вдруг поняла. На её щёку.

В следующий миг Дэниел деловито высвободил свою руку, которой обнимал её талию, и отодвинул Луис чуть назад. Секунда — на шаг вперёд. Между Гораном и им теперь два шага. И — доля секунды на стремительное движение...

Промелькнувший в этом коротком движении кулак, наверное, не рассмотрел никто. Уж Горан точно не успел среагировать на него. По мнению ошарашенной Луис, он даже не увидел движения.

Общий вопль присутствующих отметил падение Горана: он падал спиной назад, едва не свернув себе шею, потому что кулак Дэниела врезался в его скулу.

Внезапно Дэниел сильно прыгнул следом, за падающим мужчиной, причём почти одновременно. Следующим ударом — ногой! — перевернул в воздухе не успевшее упасть на спину тело, рухнул на него — вместе с ним — сверху, рядом, на колени, заломил упавшему правую руку за спину. Дёрнул как-то странно... Сначала Горан застонал от неловко подвёрнутой руки. А затем, после рывка Дэниела... Только прорвавшимся болезненным воем в пол Горан заглушил поначалу показавшийся каким-то простеньким звук в ошеломлённой тишине — хруст сломанной кости.

Будто по сердцу — этот хруст. Луис почувствовала, как у неё кровь отлила от лица... Она словно почувствовала ту боль, которую почувствовал Горан. Почувствовала несмотря

ни на что.

Вокруг воцарилась тишина. Всего лишь в маленьком круге людей, наблюдавших эту схватку. Где-то, совсем рядом, люди говорили, смеялись, окликали знакомых... Правда, какие-то совершенно не растерявшиеся люди деловито снимали упавшего Горана, воющего от боли. Снимали так, что даже Луис стало стыдно за их расчётливость...

Первой пришла в себя Тайра. Вскрикнула. Но только от неожиданности. Схватилась руками за свои щёки. Попятилась, с ужасом глядя на обернувшегося к ней Дэниела... Станный взгляд — вдруг тревожно подумалось Луис. Почему она так смотрит на Дэниела, словно только-только узнала его?! Или они были знакомы ранее?.. Почему она смотрит на Дэниела, а не на своего официального жениха? Ведь, по сути, она должна больше всего беспокоиться именно о Горане!

Но Тайра всё пятилась, не отводя узнающего взгляда от Дэниела, — и вдруг с визгом развернулась и поспешно бросилась прямо в толпу отпрянувших в сторону людей.

Дэниел наконец разогнулся от неподвижно подвывающего, схватившись другой, здоровой рукой за сломанную Горана — он уже сидел на полу, и спокойно огляделся.

Суматоха началась страшная: люди после секунд, в течение которых вникали в происходящее на их глазах, в ужасе кинулись в стороны. С трудом очнувшись от оцепенения Луис тяжело шагнула вперёд, дёрнула за рукав Дэниела, всё ещё стоящего над Гораном — сморщив рот в холодной усмешке, и потащила его за собой изо всех сил.

— С ума сошёл! — шептала она, то и дело оглядываясь на Тайру, которая снова появилась посреди толпы, но так и не подумала помочь Горану, а только смотрела им вслед. Но и девушке было не Тайры. Она всё видела перед глазами падающего Горана, высокого, широкоплечего, выглядевшего гораздо мощней Дэниела. Но видела не то, как Дэниел сломал ему руку. Видела — его щёку, мгновенно окрасившуюся красным, словно брызнувшую красным.

— Всё, хватит, — самодовольно сказал над её головой Дэниел и сам вцепился в её руку и поволок — куда? Девушке было всё равно, лишь бы подальше от разыгравшегося на месте инцидента бедлама, где все кричали и шарахались, но упрямо лезли узнавать: а что, собственно, произошло?

А ей было плохо. Начались привычные и оттого пугающие признаки фобии, когда тошнит, когда стены едут на неё, хотя где, какие стены? Их и не видно кругом!

— Куда ты меня тащишь? — Девушка почти бежала за Дэниелом — закрыв глаза.

Но Дэниел уже ввернул в коридор — после поворота Луис глаза открыла, почувствовав, что крику меньше, а значит — и людей вокруг мало. А открыла — обрадовалась до облегчения: в коридоре пусто! А Дэниел втащил её в какую-то небольшую комнату, где отпустил её руку и быстро зашёл в ещё более маленькое внутреннее помещение. Луис и не подумала оставлять его без внимания. Закрыв рот, уже злая, перепуганная, возбуждённая, она ворвалась следом — лишь бы не оставлять его.

Он, снявший пиджак, в рубашке, по поясу и плечам перекрещенной ремнями с пистолетами, стоял и спокойно мыл руки под звенящей струёй воды из небольшого крана. Только начал мыть. Поэтому Луис увидела, как падает и разбивается о раковину розовая вода. А потом подошла ближе и увидела его пальцы. Сначала не поняла: он же никогда не носил колец! Поняла, когда он поставил под струю именно кольцо — тонкую полоску, слегка ребристую, и начал смывать с него кровь. Он надел кольцо специально!.. А ещё чуть позже до неё дошло, почему он сломал руку её обидчику. Именно правой Горан ударил её!..

— Дэниел... — медленно сказала она.

Он обернулся к ней, вытирая руки и оценивающе глядя на неё. Открытое из-за модной стрижки лицо чуть высокомерное. Но нет. Не спокойное. Возбуждённое, азартное — и довольное!.. До чёртиков!

— Если ты будешь ругать меня...

— Дэниел, — сказала она, и он замолчал. Она проглотила ком, вставший в горле, и, вздрогнув, выговорила: — Дэниел, я люблю тебя... Правда.

Бумажное полотенце выпало из его рук. Он шагнул к ней. Луис вскинула руки: только бы остановился, только бы она сумела выговорить, прежде чем...

— Пожалуйста. Подожди. Мне надо договорить, потому что я потом буду... опять думать, сказать — не сказать... Дэниел, я... я беременна. Второй месяц заканчивается.

Выговорила — и смотрела теперь, как успокаивается его лицо — от счастливой улыбки к задумчивости. Смотрела и ужасалась: зачем?! Зачем сказала?!

Но Дэниел всё-таки шагнул к ней и обнял, прижал к себе, а потом сказал:

— Луис, я очень благодарен, что ты сказала о беременности именно сейчас.

— Почему? — спросила она в его рубашку.

— Ну, Эрик бы ругался, если б я этого Горана убил. А знай я раньше, что ты... И он тебя... Я б его точно прикончил. И, Луис... Я тебя люблю. Как только закончится вся эта заваруха... — Он вздохнул и мечтательно сказал: — Как только она закончится, мы поженимся. Ты знаешь, что мне подарил старый Логан на день рождения? Дом на окраине. Мы там немного поживём, а потом переедем.

— А почему переедем?

— Чтобы быть ближе к месту моей работы. — Он склонился к ней поцеловать — дотронуться губами до её рта. — Если бы ты не сказала о своей беременности, я бы тоже ничего не сказал тебе. Так вот учти... Мы живём в этом доме, потому что ждём гостей. И если сначала, по плану старого Логана, я должен был оставить тебя в этом доме в одиночестве — вроде как уехал на время, то теперь оставлять не буду. Мы будем вместе там жить до тех пор, пока всё не выяснится.

— Ничего не понимаю, — призналась Луис, — но если ты так говоришь, то мы будем там жить.

— А ничего понимать и не надо, — спокойно сказал Дэниел. — Ты будешь придумывать и записывать свои песни — запись я тебе обеспечу. Будешь заботиться о себе, чтобы нашему ребёнку было хорошо, а я буду заботиться обо всём остальном. Согласна?

— Согласна, — задумчиво сказала она.

А он хмыкнул, покачал головой.

— Ребёнок... Надо же... Ребёнок. — И ещё сильнее прижал её к себе.

А она стояла, уткнувшись в него, тёплого, надёжного, но непредсказуемого, и озадаченно думала, что чувствует себя настоящей дикаркой, потому что ей нравится, что Дэниел так поступил. Что ударил Горана. Что сломал ему руку. Цивилизованные люди — они оба, она и Дэниел. Но он поступил, как дикарь. А она чувствует дикарскую радость из-за этого. Фу... Лучше не думать... Но... Ей понравилось, что он это сделал!!

Естественно, возвращаться в зал рекреации они не стали. Поднялись к этажу, на котором собрались наблюдатели из группы Эрика. Причём поднялись своеобразно: только вышли в коридор, как Дэниел, словно так и надо, легко подхватил Луис на руки. И пронёс по двум лестницам. Наверху второй лестницы их встретил сам Эрик.

— Я же просил, — безнадёжно сказал он.

Луис украдкой взглянула на него и снова спряталась, повернувшись к рубашке Дэниела, сжалась на его руках. Лучше любоваться белой тканью, чем смотреть на недовольного Эрика. Глаза у него страшные и так — светло-зелёные, а уж когда злится, так вообще ледяными становятся.

— Просил? — над головой Луис повторил Дэниел. — Если б твою девушку ударили, тоже реверансы разводил бы перед обидчиком? Хотя о чём это я? — насмешливо спохватился он. — Насколько я помню, ты вообще...

— Всё, всё, всё! — поднял руки Эрик, и глаза стали обычными, успокоенно-насмешливыми. — Хорошо. Я сделал ошибку. Личное всегда превышает всего. Понял. Идите, отдыхайте... Кстати, вирт-видео с Гораном уже в Космосети — вместе с сопроводительными текстами. Скандалы в благородных семействах так редки. Так что журналисты, приглашённые на твой день рождения, Дэниел, остались счастливыми.

Дэниел как-то свысока усмехнулся на последнее.

Отдыхать для Дэниела — подойти и сесть в одно из кресел у пульта с верхним вирт-экраном. Луис каким-то естественным образом очутилась у него на коленях. Девушка смущённо глянула по сторонам — на соседей, которые приветливо кивнули ей и снова уставились в вирт-экраны, наблюдая за происходящим в рекреации.

— И что теперь будет? — шёпотом спросила Луис, прислонившись к плечу Дэниела.

— В зале, как видишь, всё уже тихо и благопристойно, — ощерясь своим привычным крысиным оскалом, откликнулся Дэниел. — Этого с... сына унесли, а Тайре в сопровождающие подсунули симпатичного мальчика из хорошей семьи, с которым не зазорно гулять до конца вечера. Хочешь посмотреть, как это сделали?

— Нет.

Она и правда не хотела. Сейчас хотелось одного: посидеть в тишине и в покое и прийти к согласию с собой. Только вот в чём?.. Может, зря она призналась Дэниелу, что любит его? Он ведь сам признался, что не семейный. Не домашний... А ей не хватает именно этого? Или она неправильно понимает этого мужчину?

А ещё мысли металась вокруг проблемы: а если сейчас в зал ворвутся вызванные гостями полицейские? А если будет драка между охраной старого пирата и полицейскими? А если родные Тайры или Горана напишут заявление на Дэниела?

Додумать Дэниел не дал. Она полулежала на нём, чуть касаясь его головы. Он, не глядя, мягко повёл по её щеке своей — погладил ли, приласкался ли, и спросил:

— Ты очень испугалась, когда увидела Тайру?

— Не знаю. Дэниел, а если вмешается полиция? Ты ведь, как это называется, увечье ему нанёс. Старый Логан сможет защитить тебя?

— Всё разрешится строго между домами Горана и старого Логана, — уверенно сказал Дэниел. — На уровне слухов, конечно, разойдётся история о том, как на празднестве побили Горана, но полицию вмешивать никто не будет. Слух будет завязан на ссоре перепившей на празднике молодёжи. Так что, пока нет заявления, нет и повода бояться.

— Значит, мы спускались только для этого?

— Нам придётся ещё раз спуститься. Старый Логан должен объявить о подарке. Его щедрость должна быть услышана твоими хозяевами. И тогда мы их поймем. Не побоишься выйти ещё раз?

— Рядом с тобой — нет, — храбро сказала Луис. И не выдержала — спросила: — А как

мы их поймаем? Они придут к нам в дом?

— Примерно на это мы и надеемся.

— Дэниел! Старый Логан зовёт на выход! Иди, одаряйся, — насмешливо сказал Эрик.

Стараясь успевать за Дэниелом, который снова тащил её за собой, Луис, припомнив путь в рекреацию, попробовала удовлетворить любопытство:

— А почему ты назвал меня невестой?

— Чтобы поторопить с выводами твоих хозяев.

Луис помолчала, сообразила: он говорит о провокации, задуманной старым Логаном. Ну, ладно. Более подробно она расспросит его потом. А сейчас...

— А почему Эрик перебил тебя, когда ты начал что-то про личное говорить?

— Старая история. Эрик её вспоминать не любит. Но за свою жену он чуть не убил несколько человек. Чуть не в припадке бешенства.

Девушка даже не поверила: суховатый Эрик — и такие эмоции? Или он так хорошо держит себя в руках? Остепенившись?

Второй выход начался с дрожащих коленей. Луис себя уговаривала быть спокойней, но все уговоры были впустую. Ей казалось, что собравшиеся гости прекрасно знают и кто она, и почему Дэниел подрался с человеком... Даже не подрался — избил.

Повезло. В самый последний момент, на выходе из коридора, к ним присоединился Рольф. И встал не позади, по привычке, которую успела за ним заметить девушка, а сбоку, да ещё, будто машинально, подставив ей и свою руку, чтобы она положила ладонь на его локоть. Так и получилось, что вышла она в зал, держась сразу за руки двоих мужчин. И — больше не дрожала.

Торжественная часть празднества, когда старый Логан вручил Дэниелу в подарок дом, прошла как-то мимо внимания Луис. Тайра оказалась снова рядом, напротив, и почти прожигала её своим взглядом, бесстрастным и уничтожающим. Так что руки двоих мужчин оказались кстати.

Уже в коридоре, поняв, что Рольф собирается оставаться рядом, она спросила:

— Рольф, почему ты решил сопровождать нас в зал?

— Предвидение сработало, — спокойно ответил мальчик. — У меня бывает такое: иной раз чувствую, что необходимо что-то сделать. — И в свою очередь спросил: — Вы ещё будете выходить к гостям?

— Скорее — нет, — сказал Дэниел. — Хватит. Помелькали. Теперь там и без нас весело. Луис, возвращаемся в свои комнаты?

— Но вы ведь сразу спать не пойдёте? — встревожился Рольф. — Мне бы хотелось немного пообщаться с Прести. Луис, где ты нашла такого зверя?

— На Кэссии, — вздохнула девушка, поднимаясь между мужчинами к комнатам. — Там считают, что все эти зверушки что-то наподобие крыс, и старательно истребляют их.

Лицо мальчика аж перекосило, когда он услышал последнее.

— То есть их осталось очень мало?

— Наверное — да. Мне было как-то не до зверушек, — извиняющимся тоном сказала Луис. — Жизнь на Кэссии была такая, что сразу закружило в событиях. Да и работы там была довольно много. А что?

— Придётся или устраивать там организацию по защите животных, или вылавливать все оставшиеся экземпляры, — задумчиво пробормотал мальчик.

Они вошли в комнаты Дэниела, и дракончик с писком бросился к ним, явно

соскучившийся. Рольф немедленно присел — и Прести влетел в его подставленные ладони. Мальчик даже рассмеялся от удовольствия. Луис присела рядом.

Пока они тормозили дракончика и рассматривали его крыло, Дэниел быстро обошёл все комнаты, и девушка снова встревожилась.

— Дэниел! Что случилось?

— Маразм — вот что случилось! — недовольно сказал Дэниел. — У меня теперь сильное желание знать, что я защитил тебя полностью и во всём. Знаю, что наши комнаты внутренние. Даже окон нет. Так всё равно проверяю — на предмет безопасности.

Рольф улыбнулся Луис. И шёпотом спросил:

— Это он узнал про ребёнка?

Сначала удивлённая, Луис всё-таки кивнула. И Рольф знает!

Интересно, знает ли старый пират?

— Дед не знает.

Странно. Рольф угадал, о чём она думает. Но как? Догадается ли мальчик, что ей хочется узнать, каким образом он понял, о чём она подумала?

— Он бы не послал беременную женщину на такое дело.

Догадался.

— Ты о многом догадываешься?

— Я многому научился. Меня учит шаман с планеты Островное Ожерелье. Луис, как ты думаешь, смогу ли я найти себе такого дракончика на Кэссии?

— Не знаю, Рольф. Я даже не знаю, остались там вообще такие зверушки.

— О чём речь? — присел к ним Дэниел.

— Хочу такого дракончика. Дэниел, ты дольше жил на Кэссии. Есть возможность поймать ещё такого?

— Луис не ловила, — усмехнулся Дэниел. — Она вытащила беднягу из-под ног убивающих его бандюг. И он остался с нею из благодарности, что она принесла его ко мне. — И засмеялся. — Если честно, увидев его впервые и помня, что он считается крысой-мусорщиком, я хотел его выбросить. Но он лежал рядом с гитарным футляром — и я не решился решать за девушку, которая в это время сладко спала у меня на кровати.

— Придётся лететь самому, — заключил Рольф и встал, подбросил дракончика в воздух. — Мне такой нужен. — Некоторое время он следил за парящим по гостинной зверем, а потом сказал: — Простите, что обеспокоил. Мне пора уходить.

И ушёл.

— Станный мальчик, — заметила Луис.

— Пережил многое, — пожал плечами Дэниел. Только он хотел продолжить, как зазвонил его вирт. — Да!.. Прямо сейчас? Хорошо. А почему не до утра? Вот как... Ладно. — Он обернулся к девушке. — Луис, переодевайся. Мы сейчас поедем в подаренный дом.

— Хорошо, — отозвалась девушка и пошла было к гардеробу, но Дэниел окликнул её.

— Луис, и ты не хочешь даже спросить, почему такая спешка?

— Так почему же? — немедленно спросила она.

— В электронных тайниках концерна ребята Эрика нашли твой контракт и отслеживаемые адреса всех перемещений твоей семьи. Но ты говорила, что подписывала контракт. Он был бумажный?

— Да.

— Это хуже, но проблема всё равно не из неразрешимых. Старый Логан уже сказал, что

концерн ему нравится. Так что, если найти бумажный не удастся, значит, старый пират покупает тебя вместе с концерном.

Луис представила, что кроется за этими словами, и призналась себе, что она, кажется, стоит довольно дорого. Дэниел тем временем подошёл к ней, чтобы она помогла ему снять ремни с кобурами. Развернулся встать спиной, и она обняла его за плечи и прижалась к спине.

— Ты что?

— Дэниел, я так счастлива! — призналась она, вспоминая, что он сказал ей об адресах семьи. Неужели после долгих лет она увидит своих родителей и брата с сестрой? Сейчас она и правда была счастлива — даже не из-за контракта, а именно из-за возможности увидеть родных.

Он только усмехнулся.

За ними, переодевшимися и уже собравшими вещи, прилетел вертолёт. Вместе с Рольфом, напросившимся к ним в гости (на деле — чувствовала Луис, из-за дракончика), они скоро очутились на площадке «своего» дома.

Только в этом доме Луис поняла, что здесь она будет в полной безопасности. Что этот дом — и в самом деле временное пристанище. И поняла это всё потому, что уже на площадке их встретила маленькая армия — люди Эрика, объяснил Дэниел.

Завтрак на троих (простите — на четверых!) довольно быстро перешёл в военное совещание. Потом перерос в обсуждение. Потом превратился в обычную беседу хорошо понимающих друг друга людей. Да и сам завтрак был очень интересен. Столовая комната находилась на первом этаже, куда и привёл Дэниел Луис, а затем пришёл и Рольф. Прести привёл себя сам: он то и дело кружил над головами временных хозяев временного пристанища и явно был доволен жизнью. Крыло уже зажило, и дракончик пробовал резкие повороты, взлёты и виражи.

Но куда лучше оказалось, что он уже приучен девушкой не приземляться на обеденный стол. Так что время от времени он всего лишь высовывал плоскую голову из-за края столешницы, стоя у кого-нибудь на коленях, и с живейшим интересом оглядывал содержимое тарелок. После чего — отработанно проникновенный взгляд в глаза людей: «Вы ведь не жадины, да? Вы ведь угостите вкусеньким одного маленького голодного дракона?»

Когда Луис обнаружила, что именно ей принесли, она некоторое время озадаченно смотрела на странное содержимое своих тарелок, а потом заглянула в тарелки мужчин и возмущённо сказала:

— Я тоже хочу бифштекс!

— Тебе нельзя! — с удовольствием сказал Дэниел. — У тебя диета!

— Что?!

— Старый Логан нанял для нас повара, который разбирается в таких вещах. Пока ты в положении, будешь есть то, что нужно будущему ребёнку. Жареное мясо — нельзя.

Луис поставила локти на стол, оперлась подбородком в ладони и задумчиво сказала, глядя на свою же тарелку:

— От Тайры я сбежала. Теперь думаю... Думаю...

Мужчины переглянулись. Рольф, неслышно смеясь, пожал плечами. Дэниел вздохнул и попытался уговорить девушку:

— Луис, всё делается, чтобы тебе было хорошо!

— Мне будет хорошо, — сказала девушка и прищурилась, присматриваясь, как бы поддеть вилкой кусок на его тарелке, — когда мои зубы вонзятся в этот, — она подцепила кусочек, — в этот маленький... Ммм... Но такой вкусный... — Дракончик уселся на её плечо и с интересом заглянул в её лицо. Луис вздохнула: — Вот видите! Даже эту малюсенькую слопать не удалось. Прести — и тот следит, чтобы я не переела. — И высунула кусочек между губами, чтобы дракончик видел. Прести немедленно, но аккуратно «поцеловался» с хозяйкой, вытаскивая предложенное.

Услышав новый смешок мальчика, Луис взглянула на Дэниела: тот сидел, забывшись, и, слегка открыв рот, с завистью смотрел на дракончика. Потом он перевёл взгляд на девушку. Через минуту она покраснела. Кажется, не будь за столом Рольфа, кормить продемонстрированным способом пришлось бы Дэниела.

Чтобы Луис забыла о потенциальном побеге, пришлось-таки накормить её тем, что хотела она. Когда принесли десерт, началось совещание.

— Дэниел, а как вы собираетесь меня освободить от контракта? — спросила Луис. — Если старый Логан сможет прибрать к рукам концерн — этот способ я поняла. Но вдруг что-нибудь пойдёт не так?

— Луис, ты неправильно говоришь, — серьёзно проговорил мальчик. — По отношению к деду слово «если» не звучит. Он просто такого не знает. Он приберёт концерн к рукам — и это абсолютно истинно.

— Ты так в него веришь?

— Нет. Я так его знаю, — улыбнулся Рольф.

— Тогда зачем мы здесь?

— Ждём визитов и попытки решить дело мирными путями. Судя по всему, один визит будет полуофициальный — насколько просчитали аналитики Эрика, а один-два — неофициальных. Причём только первый будет попыткой урегулировать дело без вмешательства суда. Но давить будут.

— Именно для этого нужна такая охрана?

— Мы не только ожидаем провокации. Противник тоже может от отчаяния учудить. Так что лучше быть готовыми ко всему. Правда, если ты заметила, охрану мы спрятали так, что теперь ты не увидишь никого из сторожей. И не увидит никто из гостей. Но тебя это волновать не должно, — встревоженно добавил Дэниел. — Это безопасно и ненадолго.

— Что требуется от меня? — деловито спросила девушка, прекрасно поняв его беспокойство: вероятно, теперь Дэниел всегда будет сверхбдительным, если дело будет касаться её и её положения.

— Быть спокойной, — твёрдо сказал Дэниел.

Рольф странно взглянул на него, потом скользнул взглядом по Луис и упёр взгляд в чашечку с мороженым. Потаённая улыбка так заинтриговала Луис, что она спросила сразу:

— Рольф, в чём дело?

— Хм... Луис, ты знаешь, что Тайра... точнее — отдел рекламы концерна, за день до твоего побега выпустил в Сеть клип с новой песней?

— Не знала, но такое часто бывает, — задумчиво ответила девушка. — Помимо песен из альбома певицам приходится выпускать и внеальбомные вещи, чтобы поддерживать интерес к себе и подкармливать своих фанатов. А что? Песню не приняли?

Если Рольф и хотел скрыть улыбку, то новость слишком сильно его распирала, и он улыбнулся, засияв.

— Твоя новая песня — чудо. Она мне очень нравится, как и всё, что я слышал раньше. Только вот... Фанаты Тайры ещё не отошли от недавнего скандала с микшером и теперь проверяют у профессионалов всё, что выходит у Тайры. В Сети известно, что ты беременна! Узнали по изменениям в голосе. — Мальчик смущённо улыбнулся двум совершенно обалдевшим физиономиям и добавил: — Они даже вычислили, на каком ты месяце. Тайре не позавидуешь. И я думаю, что Дэниел прав, когда сказал, что тебе надо быть спокойней. Ты узнала новость от меня. Так что... Это лучше, чем если бы зашла в Сеть и всё узнала бы сама.

А пока девушка, как и Дэниел переваривали новость, Рольф снова задумался и сказал, точно вспоминая:

— Мой учитель, шаман Скальный Ключ, однажды высказал: если в жизни человека события идут волной и в одном направлении, даже самый тупой должен понять, что происходит. Неужели Тайра до сих пор думает, что она сможет остановить лавину фактов, выкидывающих её из пригретого местечка?

— Тайра не тупая, — тоже задумчиво сказала Луис. — Она зашоренная. Она не знает настоящей жизни, потому что участвует в постоянной игре в звезду. Оторванность от реальности — это я хорошо видела, когда работала все годы на неё.

Дэниел заспорил с Рольфом. Кажется, мужчина не любил так называемой предопределённости, о которой мальчик упомянул как о лавине фактов.

Пока мужчины спорили и одновременно вполголоса обсуждали как практический пример теории Скального Ключа происходящее с Тайрой, Луис думала уже не о «певице». О Тайре она может думать сколько угодно. Потом. Теперь девушка твёрдо уверилась, что Тайра — это прошлое. Сейчас её больше интересовал и тревожил Дэниел. Навязчиво... Стрижка. Она превратила его в другого человека. Не закрытого. Открывшегося. Пропал бродяга, который зарабатывал на жизнь вышибалой в барах и в боях без правил. Появился образованный, из интеллигентной семьи аристократ. И кто она — рядом с ним. А... если не рядом? Если он остаётся с нею только из-за ребёнка? Луис ведь ему сказала о своих чувствах, а он... Размышляя, она машинально трогала пальцами почти незаметный след на щеке. «Почему он ничего не сказал о любви?»

Но все мучительные вопросы, заданные мысленно, прорвались в вопросе другом:

— А что будет со мной дальше?

— То есть? — обернулся Дэниел.

— Фанаты Тайры не примут меня. Что она... — Луис запнулась, мгновенно увидев перед глазами хрупкую, изящную фигурку, с тяжёлыми белыми локонами, спадающими ниже талии... И себя — незаметная, страшно перепуганная одним только сообщением, что нужно выходить на сцену или общаться с фанатами. Темноволосая. Обычная. Ни лица, ни умения держаться. — И что я? — уже со вздохом закончила она.

— Фанаты Тайры... — начал было Рольф, но Дэниел поднял руку, останавливая его.

— Для тебя это важно? — спросил он у девушки.

— Я ещё не думала... — Луис сглотнула, помолчала и спросила: — А правда, что будет со мной? Потом, когда я стану свободной?

— А как видишь свою жизнь ты? — спросил Дэниел, с интересом вглядываясь в её глаза. И она почувствовала этот интерес и поняла, что он не будет смеяться над её желаниями.

— Если свободной... Мне хотелось бы вернуться в бар Санни! — выпалила она. И чуть смущённо объяснила: — Я чувствовала себя у него счастливой. Пусть я останусь имита Тайры — мне всё равно. Зато не надо лечиться от сценобоязни. Не надо всяких заморочек с попыткой встать на место Тайры... Я не хочу участвовать в скандалах. Я хочу петь. Только вот...

Она сидела от него через стол, поэтому он легко дотянулся до её руки и сжал пальцы. Она заглянула в его тёмные глаза и затаила дыхание.

— Луис, я тебя так люблю! — ласково сказал Дэниел. — Если ты серьёзно хочешь вернуться к Санни, почему бы и нет? Мне вернуться на Кэссию тоже не составит труда: Эрик просто заменит мной своего агента на Кэссии. Да и жить мы будем в доме чуть побогаче. А в остальном — ничего не изменится. Ты не забывай о главном: я тебя люблю.

От неожиданности его вторичного признания Луис сама сжала свои пальцы, переплетая с его. Правда, когда он сказал, что ничего не изменится, его глаза странно блеснули. Но в этот момент она просто не обратила внимания... Вспомнит чуть позже...

А через час к их дому подъехала довольно представительная машина.

Как и обещали аналитики Эрика, представители концерна нанесли полуофициальный визит Дэниелу. Его полуофициальность заключалась в том, что Дэниела заранее не предупредили о визите.

Поэтому куратора, уже знакомого Луис, приняли быстро и тоже в неофициальной обстановке. Кабинет. Стол. Несколько кресел полукругом... Куратор — человек умный, помнила Луис. Он, сохраняя абсолютное спокойствие, присел в предложенное кресло и первым начал разговор.

— Наши руководители не понимают, что происходит, — начал он. — Почему-то у всех нас остаётся впечатление, что всё дело в Луис. Мы правы?

— Да, вы правы, — кивнул Дэниел и уточнил: — За маленьким исключением. Начиналось всё с Луис. Теперь старый Логан разохотился и считает ваш концерт неплохим приобретением.

— Стоит ли понимать, что, если мы расторгнем контракт с Луис, наш концерт выпадет из личных интересов старого Логана? — бесстрастно поинтересовался куратор.

— Почему с этим предложением вы пришли ко мне, а не к Логану? — светски переспросил Дэниел.

— Луис — начало и конец происходящего. Поэтому мы решили начать с неё. Так что вы скажете в ответ на наше предложение?

— Вы понимаете, что без своего руководства я не могу быть ответственным за любые свои слова?

— Да. Понимаю. Но я могу быть уверен, что вы передадите своему руководству мои пожелания сесть за стол переговоров? Мы понимаем то движение, которое устроил старый Логан, чтобы... — Всё-таки дыхание у куратора перехватило. Ведь ни одна процветающая фирма никогда, даже в самом страшном сне не представляет, что её может сожрать другая, более беспощадная, да ещё специализирующаяся именно на пожирании. — Мы всё понимаем, — глухо повторил куратор, не глядя ни на Дэниела, сидевшего напротив, ни на сидевшую чуть дальше Луис. — Но нам бы хотелось ведения честного, цивилизованного бизнеса в рамках...

Он замолчал окончательно.

Даже девушка, понимавшая с пятого на десятое то завуалированное, о чём говорил куратор, сообразила. Он говорит о рамках бизнеса в том концерне, который использовал рабыню, полученную, вообще-то, не совсем законным путём. Неужели куратор всё-таки знает, что такое совесть? Или он понял, что говорить с точки зрения справедливого ведения дел нет смысла при той, которая оказалась жертвой концерна?

— Пока ответить могу одно, — бесстрастно сказал Дэниел. — Получи старый Логан ваш концерт в личное пользование, он получит и контракт Луис. Вы предлагаете нам невыгодные условия спасения вашего концерна.

— То есть нет значения, беседую ли я с вами, или нет, — тоже почти равнодушно ответил куратор.

— Ну почему же? — приподнял бровь Дэниел. — Вы сделали первый шаг к нам. Старый Логан готов выслушать ваши предложения.

Воспрянув, как ни странно, куратор поднялся из кресла, кивнул и спросил перед уходом лишь об одном:

— Есть ли возможность, в связи с ситуацией «Тайра — Луис», пока не начинать скандала? На данный момент этот скандал для концерна будет... лишним.

— С нашей стороны скандала не будет, — заверил его Дэниел, вставая, чтобы проводить его к выходу. — Простите и наш интерес. Каким образом вы собираетесь убрать из той же ситуации Тайру?

— Для всех поклонников Тайра становится примерной женой Горана... — Куратор споткнулся, но, помедлив, закончил: — За которым она сейчас самоотверженно ухаживает. И Тайра уходит из мира искусства, чтобы создать образ примерной жены и... — Он опять споткнулся, не выдержал — оглянулся на Луис. — И чтобы стать матерью, — как-то потерянно обронил он.

Девушка с трудом удержала улыбку.

Вряд ли... Тайра всё равно что-нибудь придумает. Или устроят фальшивую аварию, в результате которого «певица» «потеряет» ребёнка. Или будет выкидыш в результате нервного перенапряжения... Ну, в результате того, что придумают кураторы Тайры. Лишь бы не пострадало доброе имя концерна.

Вернулся Дэниел, провожавший куратора.

— Ты как? Не расстроилась?

С порога прошагал к ней, обнял, поцеловал. Она улыбнулась. Поцеловал уверенно, как человек, который уверился в необходимом для себя. Поцеловал нежно...

— Не расстроилась. Всё нормально. А теперь мы уедем? На Кэссию? Да?

— Нет, придётся выждать ещё пару дней. История имита Тайры, — он усмехнулся, — ещё не закончена. Будет поставлена ещё одна точка. То, что Тайру её кураторы вытащили из глубокой выгребной ямы, только начало. Неужели ты поверила, что она и впрямь сидит у кровати искалеченного Горана и льёт слёзы, ухаживая за ним?

— Ты думаешь, что она...

— Да, я думаю, что она вот-вот появится у нас.

Тайра появилась к вечеру. Приехала на машине — сама за рулём. Как всегда, прекрасная и... высокомерная — последнего, конечно, её фанаты не видят. Когда управляющий домом сообщил о её приезде Дэниелу, тот велел проводить её в тот же кабинет, в котором принимал куратора.

А затем сам поднялся в этот кабинет. Там уже ожидала Луис. Она с тревогой спросила:

— Дэниел, мне нужно присутствовать при этом разговоре?

— Нет, — неожиданно жёстко сказал он. — Я бы не хотел.

Прикусив губу, она посмотрела в его неожиданно обеспокоенное лицо. Таким она его давно не видела. И мгновенно приняла решение.

— Тогда я останусь.

Теперь он уставился на неё, ещё более встревоженный. Но думал недолго. Тайру уже вели в кабинет. Поэтому он взял Луис за руку и отвёл её в самый дальний угол кабинета, который оказался плохо освещённым, отчего сидящий в нём, особенно неподвижный, становился совершенно не заметным. Здесь Дэниел усадил девушку в кресло и предупредил:

— Ты будешь сидеть здесь спокойно, что бы ни произошло. Поняла?

— Да, — насторожённо ответила Луис.

— С Тайрой разговариваю только я. Это ты поняла?

— Да.

Он взглянул на девушку так, словно боялся, что она не выполнит данных ему обещаний. Она кивнула и села в кресло глубже. Он вздохнул — и быстро подошёл к зеркалу, у которого неожиданно взлохматил свои элегантно стриженные волосы. Затем успел подойти к панели выключения света и погасил несколько светильников. Кабинет погрузился в странный полусумрак, в результате которого Луис совсем исчезла в тенях.

Она с недоумением следила за всеми его манипуляциями. Даже хотела спросить, что

всё это значит. Но удержалась от вопроса, понимая, что сейчас ему не до неё.

Дверь открылась. Сопровождающий «певицу» охранник объявил:

— Госпожа Тайра! — И, закрыв за нею дверь кабинета, ушёл.

— Добрый вечер, Тайра, — приветливо сказал Дэниел и махнул рукой на кресло. —

Прошу вас — садитесь.

Но Тайра остановилась у двери. Словно застыла. Одетая странно, непривычно для глаза Луис в тёмное, да ещё в брюки, да ещё спрятав белокурые длинные волосы — собрав их в тугую скрученную «шишку» и замотав в какую-то тёмную шпучку, певица, будто забыв, что принадлежит светскому обществу, уставилась на Дэниела. Луис начала понимать, что Дэниел заранее знал, что с приходом Тайры произойдёт нечто. Но что он подозревал?.. Почему не сказал ей?

И откинулась в кресло, вжалась в его спинку, услышав шёпот Тайры, колючей молнией пронизавший всё её тело:

— Ты мёртв...

И — тишина... Дэниел, всё ещё полуобернувшись к странной гостье, стоит в напряжённой позе. Что происходит? Луис затаила дыхание. Что происходит...

— Я жив... — прошептал Дэниел, не двигаясь. И его шёпот ударил по напряжённому слуху почти так же, как страшный шёпот Тайры.

— Ты должен был умереть...

— Это ты виновата, — всё так же тихим, но отчётливым шёпотом выговорил Дэниел. — Ты! Ты никогда ничего не умела делать хорошо. Ты не умела петь, хотя рвалась на сцену. Ты не умела стрелять, хотя взяла неплохое оружие.

— Я не виновата, — прошептала Тайра. — Ты быстро двигался...

— Человек никогда не будет сидеть, дожидаясь, пока его застрелят.

Пространство перед глазами Луис покачнулось. Сквозь смутные очертания обстановки плохо освещённого кабинета она увидела комнату Дэниела там, на Кэссии. Увидела его кушетку. Увидела его самого, безнадежно распластавшегося на кушетке, с чёрным, влажным пятном на животе...

На этот раз первым заговорил Дэниел. Опять шёпотом.

— Зато тебе удалось убить того громилу. Как ты это сделала?

Она засмеялась — беззвучно. И победно.

— Этот дурак, — зашептала она радостно, словно рассказывая анекдот, — стоял долго у двери в твою конуру. Я вышла и пригласила его войти. Он решил, что я твоя женщина. И вошёл. А потом появилась эта дура. Я знала, что с нею бывает, когда она испытывает слишком сильные чувства. Она тебе ничего не рассказывала о том, как я ударила её? Как моя секретарша бросилась за ней, чтобы остановить её? А там было темно... Там было очень темно-о... — с наслаждением прошептала Тайра, сияя от воспоминаний. — И я убила её, а потом эта дура очнулась... Как она улепётывала — аж пятки сверкали... Я потом жалела, что она сбежала, потому что убивать человека — это такое удовольствие... Такое... Можно было ещё раз попробовать, а свалить на неё. Её бы всё равно вытащили... А когда я вытащила у этой дурёхи нож... Ничтожество... Этот нож был таким... И я ударила этого толстого дурака... Как я ударила его... Как нож вошёл в его мясо... Я это чувствовала — и это было наслаждение, знать, что даруешь смерть... И он упал. А ты говоришь, что я не умею... — И ту она замолчала и снова удивлённо взгляделась в Дэниела. Почти обиженно она снова спросила — всё тем же шипящим шёпотом: — Почему же ты жив? Я так хорошо

прицелилась...

Дэниел стоял всё это время в шагах пяти от неё.

— Меня убить нельзя.

— Можно... — Она сунула руку в карман и почти по-детски похвасталась тем же шёпотом: — Посмотри, какая штука у меня есть. Теперь я убью тебя насовсем... А потом найду эту дуру, и она поверит, что убивала она.

— Меня убить нельзя...

Она вскинула руки с зажатым в них пистолетом. Вскрикнула от боли, когда Дэниел ногой вышиб у неё оружие. Пистолет упал с сухим стуком... Мгновение — Луис решила, что Тайра теперь замрёт, понимая, что произошло... Но следующее мгновение — и Тайра бросилась на Дэниела, словно всерьёз решила, что сможет совладать с мужчиной, который сильнее её. Больше она не шептала. Звенящий хриплый визг обезумевшего зверя резал уши. В первом же броске Дэниел поймал её, но уgomонить взбесившуюся Тайру было трудно. Она рвалась, пиналась, пыталась бросаться на него, кусалась, оскалившись диким загнанным зверем. Человеческого в ней осталось мало. Время от времени видя её искажённое безумием лицо, Луис от ужаса закрывалась руками и отворачивалась.

Вбежали охранники — всего секунды спустя, хотя Луис показалось, что прошли минуты... Они с огромным трудом скрутили бешено рвавшуюся из рук Тайру и буквально унесли её и кабинета... Несколько удивлённо оглядывая на себе вытащенную из пояса брюк и разорванную рубаху, Дэниел подошёл к креслу Луис и сел прямо на пол... Приглядевшись к его взлохмаченным волосам, Луис съехала с кресла и села рядом.

Он обнял её и, стараясь успокоить своё частящее дыхание, удивлённо сказал:

— По-моему, это всё.

В

Боком протиснувшись мимо Юджины, увлечённо копающейся в новеньком, с иголки вирте, который ей подарил на день рождения Дэниел, Луис села на любимый табурет в уголке. Взглянула на подругу и улыбнулась. До недавнего времени Юджине хватало вирта, чтобы позвонить кому-то или поиграть в какую-нибудь простенькую игрушку. Но теперь, когда в вирт вошли такие интересности, как камера, когда Дэниел показал ей, каким образом можно сделать свою страницу в Сети (точней — сделал ей сам), Юджина то и дело сидела в своём разделе, болтая с новообретёнными подружками: делилась новостями из жизни, слушала других и советовала из собственного опыта такие вещи, что Луис просто иногда пугалась.

— Как дела? — не отрываясь от вирта, спросила Юджина.

— Хорошо, — сказала Луис, осторожно потягиваясь, расслабляя поясницу. Живот хоть и наметился чуть-чуть (считала она), но уже она побаивалась делать слишком резкие движения.

— Луис! Эй, Луис! — закричали от двери. — Там к тебе какой-то старикан пришёл, с парнишкой! Говорят, твои знакомые! Выйдешь к ним?

Она чуть не расхохоталась. Слышал бы старый Логан, как его «представили»!

— Сейчас, выйду! — крикнула она в ответ. И, вздохнув, снова начала протискиваться мимо «заболтавшейся» Юджины.

Прошёл месяц с водворения Дэниела и Луис на Кэссии. Дэниел оказался прав, и Эрик с видимой неохотой (он предпочёл бы держать Дэниела в собственной фирме) заменил своего агента на Кэссии. Денег у молодой пары пока было не очень: того, что имита Тайры получала в баре, хватало на продукты; агент Эрика получал достаточно, чтобы оплачивать снятую ближе к бару Санни квартиру на пять комнат. Пятикомнатную пришлось взять, так как Дэниела сразу предупредили: гости у них будут часто. Памятуя о желании Рольфа поискать на Кэссии кошачьих дракончиков, Луис так и думала, что частым гостем окажется именно мальчик. Но старый Логан тоже загорелся идеей — в мегаполисе поискать диких зверушек. Ведь ими так восхищался «почти внук», которого старик горячо любил. И вот всю последнюю неделю эти двое почти сутками бегали под охраной (которую, слава Богу, поселили отдельно), обыскивая все мусорные контейнеры в поисках странных животных, а потом сваливались спать — не глядя, вечер ли, утро ли наступает.

Дэниел подозревал, что охрана с трудом удерживается от смеха, сопровождая этих двоих, действия которых подпадают под выражение: «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Сейчас, вызванная колоритной парочкой охотников, Луис примерно предполагала, в чём дело. Наверняка опять не нашли ни следа искомым зверушек.

Она вышла в коридор и сразу попала в медвежьи объятия старого пирата, широкоплечего и высоченного.

— Как ты поёшь, Луис! Шикарно!

Рольф стоял рядом, и глаза его блестели. «Лучшего комплимента и не надо!» — подумала счастливая Луис. Она благодарно поцеловала старого Логана в щёку (благо Дэниела рядом нет) и, когда он отпустил её, спросила:

— Как ваши дела?

— Пусто, — вздохнул мальчик. И попросил: — Луис, а ты не могла бы показать то

место, где нашла Прести? У тебя вроде по времени есть небольшой перерыв? У нас — машина. Может, успеем? Насколько я понял, это место недалеко отсюда?

— Хорошо. Только я Прести позову и куртку надену...

— Луис, обижаешь! — проворчал старый Логан. — А то мы тебе куртки не найдём... Да и в машине тепло.

— Дед, — категорично воззвал к нему «почти внук», — мы ведь не в машине будем. А вечером здесь довольно прохладно.

— Да я быстро, — улыбнулась Луис, — заодно предупрежу, чтобы зря не искали...

Она снова забежала в гримёрку — и Юджина бросила ей куртку, висевшую рядом с её зеркалом. Оглядевшись, Луис позвала:

— Прести!.. Девочки, если что, — я буду часа через полтора!.. Прести-и!

Что-то мягко свалилось ей на голову, после чего сползло на плечо и обернулось вокруг шеи шарфиком. На ходу накидывая куртку, Луис выбежала в коридор и вместе с мужчинами пошла к выходу.

— Только учтите, это было несколько месяцев назад. Я могу не вспомнить, как шла. Если есть возможность, давайте начнём с того момента, как я подошла к тому переулку.

Она объяснила, как от здешнего центра занятости шла к бару, который ей был рекомендован, и водитель старого пирата быстро сориентировался в электронной карте города. Минуты спустя оказались на месте.

Они вышли возле угла того дома, выглянув за который, Луис когда-то давно и увидела тех троих, которые удивили её топтаньем у мусорного ящика, пока она не сообразила, в чём дело.

Та же ночь... Во всяком случае, высокое небо черно и снова посвёркивает холодными звёздами. Оглядевшись, девушка на всякий случай присмотрелась, то ли это место... Вспомнила. Там был не галерейный фонарь, а прожектор. Подошла к углу дома. Точно — вот и прожектор.

Прести неожиданно размотался с шеи девушки и уселся на рукаве её куртки, держась за её плечо и оглядываясь так, словно начал что-то вспоминать. Даже не вспоминать. Озадачился чем-то. Но чем? Он не испугался. Луис его страх почувствовала бы сразу. Он всматривается в контейнер так, словно видел его когда-то, но сейчас у него лишь смутные воспоминания.

— Луис, я помню, как ты рассказывала о Прести, — задумчиво сказал Рольф. — И знаешь... Только сейчас я подумал: а почему он не улетал? Ну, ладно, крылья прятал, или его сбили так сильно, что улететь не мог, может, сразу крылья сломали... Но почему он не убегал? Смотри, какое место. Тут же несколько подходов есть, куда можно спрятаться от ящика. Почему он крутился вокруг ящика, где ты его нашла?

— Никогда не думала об этом, — призналась Луис. — Может, ему плохо было, вот он и бегал вокруг контейнера?

— Очень похоже на другое... Попробуй подбросить его.

Девушка сняла Прести с плеча — и мельком удивилась: дракончик ни с того ни с сего зашипел на неё. Но удерживала она его в ладонях недолго, сразу же разомкнув их. И снова удивилась: Прести как-то растерянно повертел головой и снова остался в ладонях.

— В ту ночь фонарь горел точно так же? — спросил Рольф.

— Да, он освещал только вот эту сторону ящика.

— Хм... Если я правильно понял поведение Прести... — Мальчик огляделся.

Ничего особенного, проследив его взгляд, мысленно пожала плечами Луис. Тот же переулочек между двумя зданиями.

— Подождите здесь, — пробормотал Рольф. — Кажется, я понял...

Сначала он прошёл рядом со стеной дома справа. Дракончик с ладоней Луис, замерев, следил за ним. Затем Рольф стал возвращаться, перейдя на другую сторону, к дому напротив, и снова медленно побрёл у стены. То и дело нагибался посмотреть вниз... Старый Логан не выдержал:

— Рольф, может, фонарь дать?

— Нет, спасибо. Мне так удобней.

Он сделал ещё два шага — и дракончик резко метнулся с ладоней Луис к нему. Почти одновременно с движением мальчика нагнуться в очередной раз.

— Нашёл!

Нарезая круги над мальчиком, Прести орал так, что, испуганная за него, Луис поспешила к обоим. Орал дракончик, конечно, своеобразно: писк и верещание перемежались иной раз с пронзительным свистом. Добежав до Рольфа, который сидел на корточках, не обращая внимания на Прести, девушка тоже присела рядом. Как ни странно, Прести мгновенно успокоился и сел на её плечо, с огромным любопытством всматриваясь в то, что рассматривал Рольф.

Открытое подвальное окно чернело горизонтально прямоугольным проёмом.

Нечаянно заслонив свет прожектора, рядом встал и старый пират. Охрана пока предпочитала не подходить.

— И что тут?

— Скорее всего — гнездо, — озабоченно сказал Рольф и быстро снял с себя короткое пальто. — Дед, поддержи, я попробую туда влезть.

— Не застрянешь? — встревожился старый Логан.

— Нет, я тощий, — отозвался мальчик и осторожно наполовину влез в низко расположенное от дороги окно. Приглушённый стенами, но явно довольный возглас Рольфа услышали все. Заинтересовавшаяся охрана подошла ближе, готовая действовать по сигналу.

— Так... Всё именно так, как я и подумал, — всё так приглушённо сказал мальчик. — Я сейчас вытащу эту коробку. Дед, у нас там что-нибудь из еды есть? Мясное бы... Всё! Я хорошо держу! Тащите меня! Только осторожно! Не развалить бы эту коробку!

Охранники оттеснили девушку и старого Логана от стены и аккуратно вытянули из подвального окна Рольфа. Вместе с его поклажей. Потом перехватили застрявшую в окне поклажу, пригнули борта коробки и вытащили на свет фонарей.

Прести тихонько что-то воркотнул, но с плеча Луис уже не слетал. Только, слегка наклонившись с плеча, заинтересованно вглядывался в коробку.

А содержимое коробки рассматривать можно было долго.

На подстилке из какого-то мелкого мусора лежала кошка. Тошная, драная, неопределённо светлого цвета. Пошевелиться и сбежать она не могла, потому что к ней присосались семь узеньких «воротничков» с закрытыми глазами. Кошка испуганно смотрела на людей, склонившихся над коробкой, но не сделала ни движения, чтобы удрать... Почти притиснутый тощим хребтом кошки к стенке коробки, лежал ещё один «воротник», примерно такой же величины, что и Прести. Только до невозможности тощий. И неподвижный. Головы не разглядеть, запрокинута куда-то вниз.

— Этот... дохлый, что ли? — встревоженно спросил старый Логан.

— Нет, живой ещё, — ответил мальчик, быстро вскакивая и встряхиваясь от грязи и мусора. — Так, давайте побыстрее куда-нибудь в любой магазинчик! Кошке мяса немедленно, а драконше молока придётся дать.

— Это драконша? — поразились Луис, вместе со всеми торопливо шагая к машине.

Коробку несли охранники. Но, когда мальчик сел на заднее сиденье, он потребовал коробку себе. И нисколько не смущался, держа её, дряхлую, грязную, на коленях, словно огромный торт.

— Тут, за углом, есть круглосуточный, — подсказала Луис, — я помню — меня мимо него Дэниел провёл тогда. Рольф, как ты понял?

— Ты же рассказывала, что Прести никуда не убежал. Но кружил рядом с ящиком. Окно от ящика недалеко, но Прести боялся, что услышат самку.

— Так это его самка?

— Конечно. Отсюда и поведение, обычное для животного, уводящего от гнезда. Я тут на досуге познакомился с данными о кошачьих дракончиках. Самки высиживают яйца, а когда вылупляются маленькие дракончики, они, млекопитающие, начинают сосать молоко. Только вот вылупляются они через месяца три после кладки. То есть этим где-то месяца полтора. И самцы носят еду для самки — она не должна отлучаться от гнезда, чтобы малыши не замёрзли. Судя по тому, что в кладке осталось семеро малышей, пропала половина кладки, поскольку их бывает до тринадцати-пятнадцати. Видимо, самка всё-таки попыталась добывать еду сама, поскольку самец пропал. А когда сама уже высохла, появилась кошка. — Он улыбнулся, глядя вниз. — Скорее всего — пришла на запах молока. На запах детёнышей. Может, своих потеряла. Начала кормить этих.

— Эх, как ты рассказываешь, — проворчал старый Логан, усмехнувшись, — словно своими глазами видел.

— Почему — словно? — спокойно возразил Рольф. — Я говорю только то, что видел — считал с этой коробки. Эй, не этот магазинчик?

— Этот, — присмотрелась девушка к освещённым окнам.

— Луис, последи за гнездом, я быстро! — И мальчик выскочил из машины.

Старый пират крутанул головой, растерянно глядя то на Луис, то на уходящего мальчика, но девушка кивнула ему, и он поспешил за Рольфом. Вернулись они быстро и нашли девушку в глубокой задумчивости. Поскольку она молчала, первым делом начали кормить кошку. Маленькие дракончики даже не пошевелились, зато кошка чуть не укусила пальцы Рольфа, когда он сунул ей под нос нарезанные прямо в магазине мясные кусочки, жадно глотая их, даже не жуя. Луис же мальчик попросил:

— Ты умеешь уже с ними управляться — вытащи самку. Мы с дедом для неё взяли детское питание — в бутылочках с соской.

Старый пират только вздохнул. Он сидел на переднем сиденье, рядом с водителем, который с любопытством смотрел на процесс кормления в верхнее зеркальце. Девушка же сидела слева от Рольфа. Внимательно поглядывая на Прести, смотревшего на все их действия сверху, с её плеча, она осторожно, страшась хоть как-то не переломить отощавшее до ужаса тельце, двумя руками вынула драконшу и положила себе на колени.

— Где тут ваше детское питание?

Она ощутила холодок по телу: скованное, словно замёрзшее на морозе тельце не чувствовалось живым. И прохладное. Может... умерла?..

— Луис, она живая. Просто оцепенела от голода, — сказал Рольф, продолжая кормить

кошку, а потом сказал, как сказал бы ребёнку: — Всё, кошка. Хватит. Больше нельзя — плохо будет.

— Откуда ты знаешь, что она не умерла? — со страхом спросила Луис.

— Вижу, — улыбнулся мальчик, напоминая о том, о чём девушка косвенно узнала от Дэниела: он учился у своего шамана практической эзотерике.

Луис прикоснулась проколотой соской детского питания к мордочке внешне мёртвого зверька. Никакого ответного движения. Тогда она протолкнула соску, благо тоненькая, в застывшую пасть, испуганная: мало ли что видит Рольф! Но ведь никакой реакции! Неподвижная! Но на всякий случай нажала на пластиковую бутылочку, осторожно вливая в пасть драконши детское питание. Прести, буквально свисая, следил за странным процессом кормления, но не подавал никаких звуков — ни одобрительного, ни какого другого. И внезапно скрипнул.

Под напряжёнными пальцами Луис слабо шевельнулись рёбрышки драконши.

— Ну вот, — тихо и радостно сказал Рольф, тоже следивший за процессом, — а ты боялась. Теперь пойдёт на поправку.

— Рольф, а ты правда всё видишь?

— Нет, только то, что на поверхности. Всё увидеть — это ещё тренироваться и тренироваться.

— Угу, — проворчал старый пират, — на своём Островном Ожерелье, у этого проходимца — у Скального Ключа.

— Дед, не ворчи. Луис, а что тебя беспокоит?

— Меня беспокоит Прести. Если он самец при этой самке, почему так безмятежно оставил их? Почему он не заставил меня прийти сюда и спасти его семью?

— Любопытный вопросик, — сказал тоже заинтересованный старый пират.

— Понимаешь, Рольф, я теперь вспоминаю поведение Прести и начинаю злиться на него. Он так быстро пришёл в себя. Ну ладно, сначала было трудно, когда с крыльями было плохо. Но ведь он... весёлый был! А тут его семья умирала! Если, как ты говоришь, да и сама вспоминаю, что прочитала о них... Если всё так, он же должен был помнить о том, что самка без него не выживет!

— Секунду...

Машинально поглаживая кошку, которая вроде и не возражала против этих поглаживаний, благо что именно эта рука её накормила, хоть кошачьи глаза и смотрели насторожённо, Рольф внимательно всмотрелся сначала в Прести, который тоже уставился на него. Затем перевёл взгляд на девушку.

— Вон оно что... Луис, тут такая штука, что ты его к себе привязала, и он не мог... Нет, не так. Он почти забыл из-за тебя, что у него было гнездо и самка.

— Не поняла.

— А-а... Не знаю, как объяснить, но ты вкусила его крови, а он — твоей.

Девушка уставилась в зелёные глаза дракончика. Неуверенно сказала:

— Ну, насчёт моей... Он меня укусил, когда я его подняла, но я — его?!

— Вспомни, что ты сделала, когда он укусил тебя, — предложил мальчик.

Пришлось напрячь память. Но ничего не вспоминалось.

— Нет, я его точно не кусала, — озадаченно сказала Луис.

Захохотал старый Логан. Кажется, водитель тоже трясся от заглушаемого изо всех сил смеха. Только Рольф терпеливо смотрел на девушку.

— Луис, я не прошу тебя вспомнить момент, как ты его укусила. Вспомни, что ты сделала, когда укусил тебя он.

Девушка машинально бросила взгляд на ладонь, на которой давно уже не осталось следов от укуса. Прести был слишком слаб. Кровь у неё появилась, только потому что у него были мелкие, но длинные острые зубы. И — да! Вспомнила!

— Вспомнила! Я облизала кровь на ранке, но... Точно... Его избили так, что вся мордочка была в крови. Наверное, когда он укусил меня, эта кровь осталась на моей ранке. Вот тогда и... Но разве это меняет его отношение к гнезду?

— Меняет. Твоя кровь заглушила всё остальное. Все инстинкты. Теперь Прести знает не только, что ты та, которую надо охранять, но даже твоё имя. Ну-ка... — Он шипнул, как Прести, отчего дракончик заинтересованно склонился к нему с плеча Луис. А потом мальчик тихо, снова слегка шипя на последней букве, сказал: — Луиссс...

— Ссс... — откликнулся Прести.

— И что это значит? — удивлённо спросил старый Логан.

— Ничего особенного. Только то, что они полумозговые, — пожал плечами мальчик. А потом снова погладил кошку — детёныши так и не шевельнулись, вцепившись в неё, и грустно сказал: — Больше всего я боюсь, что дракончиков всё-таки повывели на Кэссии, и это гнездо последнее. Особенно если судить по тому, что в остальных местах я даже ментального следа, как у Прести, не видел. Дед, как думаешь, власти не будут возражать, если я вывезу с Кэссии эту семейку?

— Попробует хоть кто-то вякнуть! — самодовольно сказал старый пират. И задумчиво продолжил: — Если они не знают, что они летают, если считают их крысами... Нет, думаю, возражать не будут. Куда ты их хочешь? К своему шаману?

— Да, на Островное Ожерелье. Скальный Ключ посмотрит глубже, что собой представляют эти дракончики...

— Ой...

На тихое ойканье Луис оглянулись оба — и старый Логан и его «почти внук».

Драконша обвилась вокруг длинной бутылочки с детским питанием и почти надела морду на соску, отчего «щёки» её оттопыривались. Тельце наливалось невероятно быстро, словно питание вливали в него из водопроводного крана.

— Как она это делает?! — изумилась Луис. — Отверстие совсем маленькое!

— Луис, ты забыла про их зубища! — засмеялся мальчик. — Она уже прокусила соску во всех местах, где только смогла и выпивает всё! Не мешай ей. Это только кошке нельзя сразу много есть и пить. Этой малышке — всё будет на пользу. Так что пусть пьёт. Ты только поддерживай её, чтобы не свалилась.

— Свалится она... — пробормотала девушка, чувствуя, как под пальцами жёсткий каркас, обтянутый шерстью, постепенно становится мягким и упругим. — А почему ей можно?

— Дракончики же. От змей у них тоже есть немного. А змеи, если слышала, могут съесть за один раз много, после чего впадают в спячку.

Вскоре надутая, как вытянутый шарик, драконша привалилась к животу Луис, всё ещё вытягивая питание из бутылочки, одновременно то наблюдая зелёными, пока ещё мутными глазищами за девушкой, то приглядываясь к Прести. Шерсть у неё была свалившаяся, кое-где лезла клочьями.

— А она не... — Луис поискала слово, пожалала плечами. — Она не обидится на Прести.

если его узнает?

— Он вкусил твоей крови, — напомнил Рольф. — Для неё Прести сейчас знаком только внешне. А по пространству вокруг него она видит, что он принадлежит тебе. Луис, а можно прямо сейчас договориться? Когда настанет брачная пора дракончиков, приедешь на Островное Ожерелье?

— Не слишком ли ты заглядываешь вперёд? — улыбнулась от неожиданности девушка.

— Нисколько. Тут такие события, что надо заранее всё просчитать.

— Он у меня такой, — гордо сказал старый пират. — Эрик считает, что Рольф тоже будет неплохим аналитиком.

— Вирты есть — договоримся, — напомнила Луис. — Вы меня не оставите у бара? Санни, наверное, меня совсем потерял.

Она вышла у служебной двери и проводила глазами удаляющиеся две машины — вторая с охраной. Прести коротко прошипел. Она взглянула на него и пожурела:

— Что же ты? Это ведь твоя... жена?

Но дракончик застыл на ней глазами, по которым бликами скользнули фары другой машины, и промолчал. Девушка потянула дверь в бар и поспешила в гримёрку.

До следующего выступления, оказалось, есть ещё полчаса. Юджина вот-вот придёт, а значит, можно посидеть в покое и снова попытаться доработать последнюю песенку. Завсегдатаи бара Санни уже не обращали внимания, поёт ли имита Тайры старые, всем известные песни или потчует новыми, но в том же стиле. Слушали с одинаковым удовольствием всё.

— Ночь... Пустынных улиц тёмный сон...

Они уже больше месяца на Кэсси, а прошлое всё никак не хочет становиться прошлым. За этот месяц с небольшим произошло многое из того, что девушка хотела бы считать ночным кошмаром, который однажды благополучно забудется. Умерла Тайра. Повесилась в вип-палате психбольницы. Перед тем записала не столько признание, сколько полное сумасшедшего злорадства звуковое письмо, в котором смачно рассказала, сколько человек убила на Кэсси и в каком порядке. Комната Луис. Она разгромила её — с удовольствием. Оливер. Он увидел её прячущейся после погрома, когда она дожидалась Дэниела. Узнал, хотя она надела капюшон, и пригласил к себе. Он успел пропустить её мимо себя в комнату. Она выстрелила, когда он закрывал дверь. А увидев пришедших Луис и Дэниела, оставшихся в комнате же Дэниела, вызвала полицию. Потом были Дэниел и Ядро-Убийца Лодер...

Объяснила Тайра, и как нашла Луис на Кэсси. Те люди — в штатском, но с военной выправкой. Детективы-ищейки концерна. Они всё-таки разыскали Луис по следам, которые она оставляла в течение года на всех планетах, где пыталась найти работу. Тайра, бывшая в курсе всех дел, касающихся Луис, внимательно следила за поисками своего «голоса». И вылетела следом, узнав, что детективы наконец определили местонахождение Луис. Ей просто необходимо было, чтобы Луис поверила: только Тайра может прийти ей на помощь в самый трудный момент в её жизни. И девушка поверила и не спросила ни о чём. Хотя бы о том, каким образом Тайра нашла её...

— Ночь... Дорог машинный перезвон...

Имита Тайры вернулась к Санни, и он ни слова не сказал ей в укор, только так откровенно обрадовался, что Луис стало стыдно. Хотя пропала и не по своей воле. А как её встретили, когда она вышла к посетителям Санни в свой обычный час! А ведь заранее он ничего не объявлял! Луис просто вышла... И — гром рукоплесканий!.. А как её же утешали, когда узнали страшную новость о Тайре... И когда она, растерявшаяся, не знала, что петь в тот страшный для неё вечер, слушатели же помогли ей, когда начали просить исполнить старые песни Тайры — и получился вечер прошлого... Почти вечер прощания. И прощания.

— Не знала я, чего от ночи ждать...

Какое же счастье быть всего лишь имита! Ну, не совсем просто имита, а любимой в этом уголке города имита. Можно самой составлять программу на ночь. Можно петь только что придуманное... И снова, как совсем не давно, ожидать сообщения на вирт: «Я здесь!» И безудержно улыбаться этим простеньким словам, простой короткой фразе.

— Вот только ночь — волшебница опять.

Аккорд не совсем задался, и Луис некоторое время пыталась заменить его на более благозвучный, выбирая минорный, но минорный здесь не подходил. Получалось нечто ноющее. И она заменила его на более гармоничный мажорный. Теперь аккорд вписался, получилось изящное разрешение, «барочное» по форме, и она продолжила.

— И в тишине уснувших улиц шаг Я слышу, словно некое начало. Идущего я, может, не узнала, Но он узнал меня — случилось так...

Она снова проиграла аккомпанемент, чтобы запомнить, нашла один момент, немного не вписывающийся в песню, попыталась его сделать более гармоничным. Увы... Тогда она пропела тихонько без гитары, слегка барабаня пальцами по деке ритм и прислушиваясь к темпу, сообразила, как избавиться от диссонанса. Всё. Песня закончена. Можно «обкатать» её на публике, включив её в маленькую программу того, что сегодня будет петь.

— Давай ещё раз, Луисита! — азартно сказали рядом. — У тебя получается очень здорово, да и ты фотогенична в этом ракурсе!

Луис подняла глаза и засмеялась: Юджина снимала её новеньким виртом. Причём важничала, изображая настоящего оператора, увлечённого съёмкой: то снимала стоя, изогнувшись самым немислимым образом, то становилась чуть не на колени.

— И чего смеяться? — обиженно спросила подруга. — Луисита, ты не представляешь: оказывается, сколько народу в Сети любит слушать имита Тайры! Не в обиду тебе будет сказано, но зря ты не хочешь сделать себе «живой журнал»! Благодаря тебе, у меня такое посещение! Обалдеть — не встать! Чёрт, никогда не думала, что это такое захватывающее дело — следить за посещением и радоваться количеству! Я так благодарна Дэниелу, что он мне подсказал снимать тебя на видео! Кстати, Луис, меня просили, чтобы и моё видео было! Ты не заснишь меня в следующий раз? Народ тут интересуется, правда ли мы с тобой подруги! Нет, какая всё-таки обалденная вещь — этот «журнал» с блогом! Ну, Луисита, обещаешь?

— Обещаю, — заверила её девушка. — И спросила: — А когда ты успела меня заснять в свой «журнал»? И много ли? Дашь посмотреть?

С концерном Тайры старый Логан простился спокойно. Едва только с обеих «спорящих» сторон был «порван» контракт — полюбовно, как говорится, он тут же отстал от руководителей, которые едва не поседели в ожидании неминуемого краха. Единственную уступку, правда, они себе выговорили: не выдавать тайны Тайры, которая должна была после больницы всё-таки выйти замуж за Горана. Наследство у неё оставалось огромное: деньги-то от продаж её альбомов шли. Старый Логан сам составил договор, после урегулирования которого Луис сразу после официального закрытого суда начнёт получать проценты с этих продаж. Плюс отступные, которые она недополучила ранее. Сумма набегала немаленькая.

Юджина показала пару видео, и девушки некоторое время с удовольствием хохотали, глядя на любительскую съёмку, во время которой большой интерес вызывала не сама Луис, сидящая по привычке на краю сцены, а зрители. Девушки, словно маленькие дети, то и дело показывали пальцем на знакомые лица и взрывались хохотом, будучи в странном смешливом настрое. Вскоре к ним присоединились другие девочки, которые ещё оставались в гримёрке после своих выступлений. Настроение у всех сразу стало легкомысленное — то, про которое говорят: смех сразу — только пальчик покажи.

Что было потом, Луис не знала — вызвали на сцену.

А когда вернулась, Юджины не было — уехала в следующий бар для выступления, зато две девушки пристали к Луис с просьбой — упробить Дэниела, чтобы он сделал им такой же, как у Юджины, «журнал». Луис только фыркнула и пообещала поговорить с Дэниелом. После чего снова присела на любимый табурет и тихонько спросила Прести:

— А хочешь, я тебе песенку придумаю? Колыбельную? Будем вместе её потом петь маленькому...

И вздрогнула, чуть не подпрыгнув.

— Луис!! — закричали девчонки. — К тебе опять пришли!

— Кто?!

— Парень какой-то! Выйдешь?

— А он где?

— На улице. Его охрана не пустила. А он говорит, что ему надо тебя увидеть срочно.

Немного подумав, девушка встала и пошла между стульями и табуретами к выходу. Если бы ей предложили выйти через запасной выход, она бы ни за что не пошла. Договорённость с Дэниелом — там охраны нет. Но под взглядами бдительной охраны бара она могла встретиться с кем угодно — без опаски за свою жизнь. Пока шла, любопытство разбирало: что за парень?

Охранник, которого она на всякий случай спросила о посетителе, сказал, что парня не знает, но выглядит тот спокойно и не пьян.

— Луис, ты далеко с ним не отходи. Фонари рядом — прослежу за вами.

— Спасибо.

И девушка, ничего не боясь, вышла в освещённое пространство при баре. Мужская фигура медленно, словно показывая, что не хочет попусту пугать, подошла к ней. Луис пригляделась: нет, этот человек ей незнаком. Высокий, в темноте какой-то слегка сутулый. Одет прилично. Разве почему-то смутно напоминает ей... Оливера. Но бандитом не выглядит. А для Луис в этом районе последнее важнее всего.

— Я Луис. Это вы меня вызывали?

— Да. — Незнакомый слегка помедлил, и вот теперь девушка почувствовала нечто не то чтобы враждебное, но угрожающее, и насторожилась. — Мне говорил о вас Оливер.

Луис напряглась. Вот как?

— И что он говорил?

— Он сказал, вы знаете, что он поводырь Дэниела. Что он стал и вашим поводырем. Теперь, когда его не стало, ваш общий поводырь — я.

— Что?!

Честно говоря, хотелось очень сильно и громко смеяться. Или ругаться изо всех сил. Но Луис сдержала эмоции, напомнив себе, что теперь у неё за спиной стена не то, что каменная, а чуть не крепостная. Так что она медленно вдохнула и выдохнула, добрым словом помянув Ливея, и спокойно спросила — правда, улыбки так и не сдержала:

— И чего вы сейчас хотите?

— Дэниел должен завтра ночью явиться в бойцовский клуб, — внушительно и даже важно ответил незнакомый. — И учтите, что сбежать не удастся. Мы знаем ваш новый адрес. Так что не надо делать глупостей и лучше выполнять всё, что я буду вам говорить.

А затем мужчина, лица которого она даже нормально не разглядела, развернулся, не дожидаясь ответа, и ушёл. Причём, пока уходил, Луис, слегка озадаченная, смотрела ему вслед и увидела: едва этот поводырь дошёл до стоянки с машинами, навстречу ему пошли ещё двое. Так, в сопровождении этих двоих — наверное, охраны, поводырь и ушёл.

Она вернулась в бар, дошла до гримёрки, скептически размышляя и время от времени посмеиваясь: передавать — не передавать Дэниелу про поводыря? А вдруг будет хуже? Нет, надо сказать сейчас, пока старый пират здесь. Ну и что, что Дэниел — теперь представитель Эрика? А вдруг ему со здешними боссами придётся схватиться вплотную? И мало ли чего они придумают, чтобы заставить его драться? Что ж... Просто необходимо сделать всё, пока

старый Логан здесь... И, только присев на свой табурет, попробовала рассчитать время: так, ещё два номера-выхода, затем придёт Дэниел, затем прогулка до дома — успеет ли она ему всё рассказать? Впрочем, много ли рассказывать-то... Господи, как же не хочется, чтобы он дрался... Да, Луис знала, что он выйдет победителем — во всяком случае, верила в это. Но ведь победа и удача не всегда идут рука об руку. А вдруг будет что-нибудь такое, в результате чего Дэниела изувечат? Луис не хотела бы, чтобы он испытывал боль.

... В последний свой выход она увидела Дэниела, стоящего ближе к двери из бара. Заметив, что она смотрит на него, он немедленно послал ей воздушный поцелуй. И, как ни странно, она успокоилась.

Хотела рассказать ему по дороге домой. Теперь им до новой квартиры идти недолго. Не полчаса, как раньше, а всего минут десять. Эта привычка у них осталась — гулять после работы... Но Дэниел был немного раздражён, пришлось, потаённо улыбаясь, выслушивать его ворчливые жалобы на самовольно вселившихся в их дом квартирантов.

— Нет, ну чего они, а? Трудно было вселиться в какой-нибудь приличный отель? Интересно, видите ли, старому пирату пожить в таком районе! Ты только представь: пришёл домой, хотел, перед тем как за тобой пойти, выпить кофе... Захожу в гостиную — и что вижу? Двое валяются на ковре. Причём ноги одного наполовину торчат из-под комода, а второго — наполовину из-под дивана. Спрашиваю, что случилось? Один кричит: «Лови!» Второй просит закрыть двери, чтобы беглецы не разбежались. Оказывается, пока они от трудов праведных отдыхали, подопечные сбежали. Драконша сидит на потолке и не собирается спускаться. Детишки расползлись по всей квартире — убью, если хоть один залезет в нашу постель! Кошка сидит под диваном и шипит и плюётся на всех подряд! А я крайний остался: почему не помогаю! Нет, они развлекаются, а я почему-то должен страдать из-за их развлечений. А если эти зверюги наложат где-нибудь в квартире? И так всё провоняло кошачьим... Прести-то привык на улице, а эти? Ну и? Что делать-то будем?

— Ничего страшного, — утешила Луис, — я всё вымою и приберу.

Еле сдерживаясь от смеха, она дослушала ворчание Дэниела и только у самых дверей в дом смогла сообщить, с чем к ним обоим заявился новый поводырь. Стоя на площадке перед лифтом, Дэниел сморщил в язвительной усмешке рот, хотя сам стал мгновенно жёстким и собранным. Наконец он задумчиво сказал:

— Они что? Ещё не поняли, что с такими, как мы с тобой, связываться не стоит? Завтра говоришь? Хм... Ты права. Старый пират занял нашу законную территорию — пусть и занимается нашими проблемами. Скажем ему — пусть придумывает выход из положения, если ему так уж захотелось окунуться в активное действие и в жизнь.

И они так и порешили.

Когда вошли в квартиру, там уже все подопечные оказались собраны по клеткам. А двое самовольно вселившихся в их квартиру жильцов мирно попивают кофе — ладно, ещё приготовленный в ожидании парочки на всех. Пришедших пригласили за стол, к утреннему кофе, за десертом к которому старый пират послал сгонять своих телохранителей. Дэниел поневоле успокоился, а Луис по второму разу рассказала о том, как её в баре вызвал самоуверенный поводырь.

Старый Логан ни на секунду не задумывался о том, что надо делать.

— Такие вещи пресекать надо сразу! А то повадятся — ничем не отвадишь! Когда ты, говоришь, должен идти туда?

— Следующей ночью, — напомнил задумчивый Дэниел.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы Дэниел туда пошёл, — с надеждой сказала Луис. — Я бы ещё вытерпела, если бы его выпускали один на один...

Старый пират хотел было что-то сказать, но осёкся, глядя на девушку. Затем перевёл заблестевшие глаза на Дэниела. Судя по всему, ему в голову пришла интересная идея. Но почему-то Луис вдруг подумала, а не ляпнула ли она чего лишнего.

— А бой будет... Бой будет один против... — запнулся старый пират.

— Как минимум — против двоих, — насторожённо сказала Луис.

— Дэниел, — промурлыкал старый Логан, — мальчик мой, потешь старика, а? Один бой — для меня? И проси, что хочешь!

— Дед, а ты не зарываешься?! — тоже изумлённый донельзя, спросил молчавший до сих пор Рольф. — Насколько я понимаю, бои без правил — это страшная вещь!

— Это вещь не столько страшная, сколько совершенно, непостижимо потрясающая, — наставительно сказал старый Логан.

— Логан, это бои без правил, — сухо сказала Луис. — Я однажды выхаживала Дэниела трое суток, после чего как ему под ноги бросили капу, на которой он поскользнулся. Он мне наврал, что будет отдыхать неделю, а его вызвали через те же три дня. Я — не хочу. Не хочу снова переживать тот самый ужас, когда увидела его тело и поняла, что...

Девушка перехватила миг, когда старый пират и Дэниел переглянулись, и замолчала. Наклонила голову, всматриваясь в Дэниела.

— Начнёшь лапшу на уши вешать, что тебе нужно снять стресс таким образом? — Она с трудом совладала со вспышкой раздражения, подумала и спокойно сказала: — Хорошо. Вы всё равно сделаете это, не так ли?

Они снова переглянулись. Только Рольф с тревогой посмотрел на неё.

— Ладно. Пусть так. Но при одном условии. Я иду с вами.

— Но, Луис, тебе же...

— Дэниел, как ты думаешь, что для меня легче: знать, что тебя вот-вот принесут избитого, как тогда, когда Лодер бросил тебе под ноги капу, или видеть своими глазами то, что произойдёт? Неизвестность для меня хуже всего. И потом... — Она помолчала. — Если ты будешь знать, что я среди зрителей, выиграешь наверняка.

— Почему? — на этот раз удивился старый Логан.

— Чтобы меня не пугать! — отрезала девушка. И замолчала, уставившись в чашку.

Некоторое время за столом царило неловкое молчание, прервавшееся лишь спустя минут пять. Выручил Прести. Кофе пили в гостиной, где размещалась добыча ночных охотников — коробка, для надёжности теперь упрятанная в клетку. Дракончик приземлился на клетку и с огромным любопытством принялся рассматривать его обитателей. Кошка спала, а может — дремала, поэтому на дракончика внимания почти не обратила. Да ей, если что, и встать не дали бы — так плотно присосались к ней все семеро драконят. Драконша пряталась — видимо, уже привычно — за надёжной кошачьей спиной, откуда на Прести и поглядывали её зелёные глазища.

Осторожно перебирая короткими лапками, Прести переполз с одной стороны на другую. Невольно наблюдавшая за ним, Луис увидела, как один из детёнышей поднял голову... Луис перешла в медитативное состояние: от спины детёныша-дракончика медленно поднялись прозрачные крылышки — такие маленькие, что они навряд ли могли бы поднять своего хозяина в воздух. Зато двигаться детёныши, как выяснилось, могли очень даже с неплохой скоростью. Во всяком случае, следившие за ними Луис и Рольф от

неожиданности охнули, когда детёныш, разглядывавший Прести, резко нырнул в сторону и мгновенно оказался под той решёткой, на которой сидел взрослый дракончик.

Прести немедленно взмыл над клеткой.

— Что? — встревожился Дэниел.

— Ничего, — перевела дух девушка. — Дракончики развлекаются.

И все сразу, не сговариваясь, вышли из-за стола и окружили клетку.

Кошка приветствовала людей, которые досыта накормили её, зевком. Шестеро детёнышей, оставшихся на ней, скосили на подошедших глазища.

— Крылья как у стрекозы, — прошептала Луис.

— Нет, меньше — для их тел, — уточнил Рольф.

— Крылья? — удивился старый пират чуть не обиженно.

— У них крылья есть, — объяснил Рольф, не отрываясь глядя, как единственный детёныш-первооткрыватель замер вверх тормашки на верхнем металлическом пруте клетки, наблюдая, как кружит над ним Прести. — Только видны они при особой тренировке для глаз.

— Рольф, а тебе не страшно будет открывать клетку? Вдруг они погибнут? — спросила Луис, внутренне содрогаясь, что такую малышню однажды придётся выпустить в самостоятельную жизнь.

— Ну, сначала они привыкнут к клетке, потом от неё им будет трудно уходить, а значит — они успеют изучить мир вокруг. На Островном Ожерелье для них погода благоприятная, не слишком жаркая, особенно если учесть, что они будут летать. Вы не хотите к нам, на Островное Ожерелье прилететь? Как-нибудь в отпуск?

— Если Эрик отпустит, — пробормотал Дэниел, пытающийся потрогать пальцем хоть одного из детёнышей.

— А в свадебное путешествие? — тоже не отрывая глаз от клетки, спросил Логан.

— Хм... А у нас свадьба будет? — озадачилась Луис.

— Конечно, — оглянулся наконец на неё Дэниел. — Я родителям сообщил. Попросили их подождать. Как освободятся от своих дел, так и приедут.

— Сюда?

— Конечно. Или ты хочешь поменять квартиру?

— Нет, мне пока хватает, только вот...

— Что?

— Ты мог бы и пораньше сказать.

— А чего говорить, если они сами не знают, когда освободятся.

Дед с «почти внуком» переглянулись, встали и потихоньку отошли от клетки.

Могли бы и не отходить. Дэниел крепко взял Луис за руку и заставил встать.

— Пошли в спальню. Неудобно ругаться при гостях.

— А мы разве ругаемся?

Прести успел влететь в спальню, пока дверь не закрылась.

Дэниел мгновенно потянул девушку к постели.

— Ты что?

— Спать хочу. Сама сказала, что придёшь на бой. Приготовиться надо. Я уже сутки без сна. Да и ты... — Он вздохнул, и Луис немедленно подчинилась ему.

— Дэниел, почему ты решился? Ну, на бой.

— Ты же не думаешь, что старый Логан за просто так захочет меня отмазать от боёв?

Нет, ребята Эрика, конечно, сделают всё, что смогут. Но это будет незаконченность. А старик наверняка устроит какое-нибудь шоу. Вот из-за одного этого... Луис, да ты не бойся. Самым неуязвимым был Лодер, к сожалению. Больше таких бойцов у клуба нет.

— Как же? А Томми-Мрак?

— Он был всего лишь приложением к Лодеру. Ничего особого собой не представляет. Выходил так — для устрашения и для группы поддержки, чтобы Лодер успевал отдыхать от меня, пока я пытаюсь убрать Томми. — Разговаривая спокойно, Дэниел привлёк Луис к себе. Не успела она опомниться, как он мягко стянул с неё джемпер — словно с ребёнка, и так же мягко передел её в тёплый комплект для сна, купленный, едва он узнал о беременности. — Поэтому бояться не надо. Мне теперь самому интересно, что задумал старый пират. Есть у него пристрастие к театральности.

— Всё равно боюсь, — упрямо пробормотала Луис — и внезапно, охнув, оказалась на его руках.

— Даже когда я тебя обнимаю? — улыбнулся Дэниел и слегка покачал. — Луис, запомни: я тебя никогда и ничем не огорчу. Так что, ворчливая моя, спать!

Старый Логан, наверное, никогда бы не стал удачливым старым пиратом, если б не был предусмотрительным, причём весьма скрупулёзным в своей предусмотрительности. Когда домашний народ ближе к вечеру начал просыпаться, он уже сидел в гостиной, любовался на кошку с дракончиками, ползающими по клетке, и командовал по вирту.

Луис, готовившая ужин, с восторженным ужасом убедилась, что Логан собирает целую армию. Зачем?! Зачем ему здесь, на Кэсси, настоящая армия?!

Ужин ему пришлось подать отдельно, потому как сидеть за столом с человеком, который рывкает на вирт, а потом, отключив его, злорадно посмеивается, прежде чем найти следующего беднягу и наорать на него, довольно неудобно. Мягко говоря. Спокойно старик разговаривал только с одним человеком. Этот сначала неизвестный с первого же его вопля ответил не только ехидно, но и добавил выразительного яду в явную издёвку. Старый пират поперхнулся, а потом довольно захохотал. Луис, поневоле часто пробегающая мимо, вообще то ожидала, что он взорвётся. Лишь потом сообразила. Во-первых, Логан наезжает на тех, кто ему эти наезды позволяет. Во-вторых, с ним разговаривал Эрик. А Эрик, насколько она уже поняла, спуску не даёт даже старому Логану, который его, при своих пиратских наклонностях и возможностях, может сожрать с потрохами и не поморщиться.

Дэниел, проснувшись, тут же спустился в подвал дома — размяться на тренажёрах. Это ему старый Логан велел:

— Ты делай своё дело, мой мальчик, а я тебе устрою идеальную возможность им спокойно заниматься. Забудь обо всё, кроме своего желания старика потешить.

Луис про себя фыркнула: ага, это уже личное желание Дэниела — драться?

За Дэниелом убежал и Рольф, предварительно показав старому пирату, чем кормить дракончиков и кошку. Мальчику стало интересно, как тренируется Дэниел, который в подвал дома, где снял квартиру, со старого места перевёз все свои тренажёры.

Вообще Луис испытывала странное восторженное состояние, что вот-вот все проблемы разрешатся и всё будет настолько хорошо!.. Что дальше она уже даже не представляла себе — насколько. Привыкшая к невольной осторожности, к мышинной жизни, когда многого не требуется, а главное — остаться свободной хотя бы в чём-то, хотя бы на короткое время, сейчас она начинала верить, что эти мужчины, которые появились в её жизни вместе с Дэниелом, которые дружат и которые делают общее дело, устроят в их общем надёжном мире уголок и для неё. Уголок, где она почувствует себя счастливой.

Правда, мышку немного пугали «открывающиеся» горизонты. Она поневоле сравнивала их со сценой, с которой открывается прекрасный вид на огромный зрительный зал, заполненный как в аншлаг. И тогда становилось тревожно. Сценобоязнь никуда не делась. Луис это понимала, хотя надеялась... Может, поэтому сегодня она впервые надела золотой браслет, когда-то подаренный Дэниелом, — на счастье. И как оберег.

Водрузив на столик перед старым пиратом поднос с ужином, Луис снова убежала на кухню, чтобы приготовить ужин для Дэниела и Рольфа, которые придут чуть позже.

Звякнувший вирт заставил её быстро высушить руки.

— Добрый вечер, — сказал Эрик, привычно деловитый. — Луис, я быстро: сбросил тебе номер одного вирта — попробуй дозвонись по нему.

— А... — начала Луис, но Эрик уже отключился.

Она пожалала плечами и посмотрела список номеров. Нашла. Незнакомый, не кэссийский. Почему Эрик решил, что ей надо позвонить кому-то? Ладно, минут пять она может выкроить, чтобы удовлетворить любопытство. И она позвонила, из осторожности отключив свою камеру. А через секунды хватала ртом воздух, но дышать не получалось.

— Мама!!

Смеясь и плача от радости, Луис чуть не захлёбывалась от слов, которыми пыталась сказать о себе хоть что-то и одновременно узнать о семье.

Прошло достаточно много времени, и, закончив разговор и успокоившись, Луис снова принялась за готовку (за подогрев готовых блюд), взбудораженная новостями и самой возможностью узнать всё о родных. Ничего, улыбнулась она счастливо, теперь они могут разговаривать в любой момент.

С пришедшими вскоре мужчинами она поделилась своей радостью, а они обрадовались увидеть её счастливой.

И настал час выходить из дома.

Сразу на выходе она спокойно сказала, чтобы без неё никто и не думал уходить в бойцовский клуб. Сказала, глядя в глаза Дэниела — сосредоточенные.

— Хотите ребёнка сделать психом из-за моих переживаний, как и что там без меня? Хорошо, поезжайте, оставьте меня в баре нервничать.

— Договаривайся с Санни, чтобы перерыв между номерами был часа на три, — так же спокойно сказал Дэниел. — Нам этого хватит. Бои идут обычно недолго. Сама знаешь. Так что рассчитывай, что мой бой начнётся через час. Пока за тобой приедут, пока сам бой, а потом — назад, очень удобно получится.

Она присмотрелась к нему. Совершенно не нервничает. Ладно. Поверим.

В баре, в который она привычно попала через служебный вход, девочки сообщили, что народу сегодня многовато, и есть посетители, которых раньше никогда не видели. Так что в первую очередь Луис придётся озаботиться выбором программы — это уже предупредил Санни, который заскочил в гримёрку. Луис успела поймать его и в свою очередь предупредить, что первый её перерыв придётся сделать довольно длительным. Но, если она успеет вовремя сделать всё ей необходимое, то вернётся пораньше. Хозяин бара поворчал для порядку, но согласился. Потом Луис сбегала выглянуть потихоньку в зал бара, убедиться, что посетители довольно молодые, и уже по тому, что увидела, составить собственную программу.

Она понимала, что слишком сильно суетится, что слишком сильно реагирует на всякие ранее не замечаемые мелочи...

Но успокоилась лишь тогда, когда её снова вызвали «какой-то старикан и мальчик». Быстро собралась, выскочила через служебный вход и села в машину между вызвавшими. Улыбнулась Рольфу, который поздоровался с Прести. Улыбнулась старому Логану. Потом показался странным слишком яркий свет позади их машины. Оглянулась... Длинная колонна машин, сияющая фарами так, словно солнечный день спустился на эту кэссийскую галерею, словно плыла след в след за ними. И внезапно Луис расслабилась. Что там, в клубе, будет, — неизвестно. Но что Дэниела в обиду не дадут, это точно.

У клуба машин тоже оказалось гораздо больше, чем обычно — как помнилось Луис.

На входе в клуб она накинула на голову капюшон, чтобы не слишком выделяться среди мужчин-посетителей. Хоть её и сопровождали мужчины, не хотелось бы лишнего внимания. Телохранители старого Логана действовали весьма профессионально: от своих подопечных

они оттеснили всех остальных таким образом, что никто и не понял, что за дружная компания пробирается среди толпы.

Они спустились по лестницам, которые вызвали у Луис ощущение опасности: именно здесь она узнала, почему Дэниел начал драться в боях без правил. Именно эти лестницы заставляли её чувствовать себя виноватой.

Наконец вышли в зал, на ярусы, где народ в основном жался к перилам. Здесь уже стоял оживлённый гул, к которому старый пират мгновенно прислушался с выражением хищности и предвкушения. Наконец, когда под охраной, не замечаемой публикой, они встали у перил, старый Логан в воздух поинтересовался:

— Здесь только свои букмекеры? Кассовые? Частных ставок не бывает?

Нисколько не удивившись вопросу, один из телохранителей отошёл, чтобы вернуться с докладом:

— Ставят и частным образом. Но на этот зал программки нет. Основной боец известен. Его противники замалчиваются. Ставки делаются после объявления бойцов.

— Стервецы, — ласково пробормотал старый пират, жадно оглядывая зал и зрителей.

— Этот зал — нелегальный. Но на кассе могут проболтаться, — тихо сказала Луис, вспомнив, как об этом говорили в прошлый раз Аллертон и Байкер.

Подсказала, потому что вдруг поверила: Дэниелу повезёт, если старый Логан будет заранее знать, кто его противники.

Следующие два телохранителя исчезли из зала, не дожидаясь кивка старого пирата. А тот продолжал с любопытством вглядывался в людей и вдруг напомнил Луис художника, который всматривается в пейзаж, чтобы запечатлеть его на полотне сочно и самыми яркими красками. Ей показалось, что старому пирату интересны все эти люди, не оттого что они играют на боях, а оттого что он вообще любит людей. И чем больше она наблюдала за ним, тем спокойней становилась, хотя общий азарт и витающий в самом зале адреналин будоражили и её. В какой-то момент она столкнулась взглядами с Рольфом, и мальчик еле заметно улыбнулся ей. Наверное, он заметил, как она нервно крутит браслет на кисти, — решила она. Подбадривает.

— Дамы-ы! И господа! — раздался увеличенный микрофоном ликующий вопль.

Луис оглянулась: один из ушедших телохранителей вернулся и что-то говорил в ухо старому пирату. Тот слушал так сосредоточенно, как смотрит Дэниел перед боем.

— Начинаем наше представление! — надрывался голос. — На арене — несравненный боец, победитель многих поединков! Томми-Мрак!

Старый пират обернулся к арене, и Луис уже не смотрела на него. Только на арену. Она помнила, что эта арена — для боёв без правил! Арена для боёв, где общечеловеческие правила: «двое одного не бьют», «лежачего не бьют» — смешные, ничего не стоящие фразы. С первого же имени бойца она, даже не будучи завсегдаем, сообразила, что Дэниелу придётся снова выступить против двоих. Но её ожидало потрясение, когда после имени Томми-Мрака распорядитель боёв назвал ещё два имени! Хуже, что, когда вышел Дэниел, его мгновенная запинка, мало кем замеченная, едва он оглядел троих ожидающих его бойцов, подсказала Луис, что он тоже не ожидал трёх противников... Теперь она уже не боялась сжимать руки, страхась, что её опознают как девушку. И сжала — не просто руки перед собой, а в кулачки — на счастье, на удачу. Только не упади! Только не упади!

Ярусы бесновались, когда зрители поняли, что ставки заключать и принимать очень тяжело! Один против троих!.. Судя по крикам, против Дэниела выставили бойцов

сильнейших, и лишь Томми-Мрак оставался в качестве отвлекающего фактора и для изматывания. О чём все хорошо знали, и Луис мельком даже посочувствовала могучему бойцу, которого никто не воспринимал всерьёз.

Луис стояла между Рольфом и старым пиратом, всё-таки растерянная, испуганная. Но на движение старого Логана, полуобернувшегося к телохранителям, среагировала сразу. Даже в грохоте и воплях публики она расслышала, как он суховаато сказал:

— Мне не нравится мандраж возле входа на арену. Проконтролируйте.

Ему кивнули, и короткое движение обозначило пропавших в толпе двоих телохранителей. Тяжело дыша, Луис было подумала, почему Логан не передал приказа по вирту, потом вспомнила: Дэниел говорил, что вирт не берёт в подвальном помещении.

— Делаем ставки, господа! — азартно заорал голос. — Делаем ставки! Большой Дэн в отличной форме! Не забывайте: бой предстоит красивый и зрелищный! Делайте ставки!!

Удар гонга с трудом пробился сквозь единый крик толпы. Публика немного утихла и жадно припала к перилам... Первым, как и ожидала обеспокоенная Луис, на Дэниела бросился Томми-Мрак. Буквально в шаге от него рванули вперёд двое других — Фентон-Бык и Бретт-Архангел. Их Луис запомнила не по лицам, а по цветам формы: в белом — Архангел, в красном — соответственно, Бык. Сам Дэниел, как обычно, был в чёрном.

Томми-Мраку не повезло больше, чем думала Луис. Под удар пробегающего мимо Бретта-Архангела Дэниел подставил именно его, круто развернув бедолагу перед собой. Одновременно Дэниел ударил назад ногой. Фентон-Бык боком, скрючившись, отлетел в сторону, проехавшись затем по бетонному полу арену бедром.

Зал взревел. Короткий удар Дэниела локтем снизу вверх в подбородок Томми-Мрака уронил последнего на пол с такой силой, что тот, рухнув, больше не пошевелился. И его быстро унесли — буквально из-под ног мгновенно сцепившихся между собой Дэниела и Бретта-Архангела. Луис даже показалось, что Дэниел специально выбил из Томми-Мрака сознание, чтобы побыстрее убрать мешающего бойца. Кому, как не Дэниелу, знать, что Томми — всего лишь подстава для бойца.

В ближнем бою Дэниела с Бреттом-Архангелом обнаружилось, что последний — длиннорукий и довольно сухощавый, предпочитает бить с большого расстояния, в то время как Дэниел привык отделяться коротким ударом — для чего ему требовалось близко подойти к противнику. Пока оба удерживали друг друга своими предпочтениями на расстоянии, пришёл в себя Фентон-Бык — и с пола бросился на Дэниела сзади, со спины. Луис стиснула руки и напряглась так, что не заметила, как старый пират её обнял, встревоженно заглянув в лицо.

Как будто учуяв звериным чутьём второго метнувшегося к нему бойца, Дэниел нырком прыгнул под высокий удар Архангела, скользящая подсечка — тот грохнулся на спину. А Дэниел резко развернулся к Фентону-Быку. Тот был гораздо мощней Архангела. Дэниел резко отпрянул и подпрыгнул на месте так мягко, что зал замер. Нога метнулась в бегущего. Луис зажмурилась, а когда открыла глаза, Фентон лежал животом вниз, а Дэниел, обвив его тело ногами и не давая встать из жёсткого захвата, загибал ему руку в сторону, пока тот отчаянно не хлопнул по пыльному полу арены другой рукой.

Зал орал от наплыва чувств.

Рольф шевельнулся рядом. Луис взглянула: бледный, держится обеими руками за перила и дышит так, словно сам только что дрался. Старый пират продолжал её обнимать, и за это тёплое объятие она была благодарна ему.

Как только Фентона-Быка унесли, дуэль началась между Дэниелом и Архангелом.

Ощущение Луис, что она постепенно оттаивает от ледяного напряжения, мгновенно исчезло, когда Бретт-Архангел повис на Дэниеле в клинче, после чего оба рухнули. Потом Архангел стремительно вывернулся из-под короткого удара Дэниела и перекатом ушёл от него. Бойцы одновременно вскочили на ноги и некоторое время кружили друг против друга. Первым атаковал Архангел. Он ударил ногой. Дэниел успел заблокировать удар и в следующее же мгновение коронным коротким опрокинуть противника навзничь. Правда, тот быстро и пружинисто встал.

И тут случилось странное... Только бойцы напряглись сойтись в новой схватке, как раздался металлический звук гонга, останавливающего бой, а голос распорядителя с весьма ощутимым самодовольством объявил:

— Дисквалификация! Бретт-Архангел дисквалифицирован! На смену ему выходят!..

Имена новых бойцов утонули в возмущённом крике, который взвился с ярусов.

Бретт-Архангел огляделся, провёл ладонью под носом, оставив под ним яркую кровавую полосу, чего, кажется, сам не заметил. Затем пожал плечами и заковылял к выходу с арены.

Явно озадаченный, обернулся Дэниел, наблюдая, как недавний противник уходит, и выжидая появления новых бойцов. Но уже исчез Бретт-Архангел, куда-то пропал рефери, а объявленных бойцов всё не было видно. Как ни странно, намертво замолчал и голос распорядителя.

Луис с тем же нетерпением, что и вся публика, смотрела на тёмный коридор к арене. Чего они тянут? Понятно, что устроители нелегальных боёв решили вымотать Дэниела перед решающим боем. Но ведь они сами себе всё портят: он успеет отдохнуть! Или это психологическое давление, и они считают, что Дэниел будет драться неровно — и таким образом все ставки на него будут обречены? Ведь большинство зрителей, насколько поняла Луис, всё-таки ставили на Дэниела.

Дэниел подошёл к тёмному коридору, постоял перед ним, кажется вглядываясь, а затем вернулся на середину арены и поднял руку.

Наверное, публика сообразила, что он хочет что-то сказать, и затихла.

— Логан! — в полной тревожной тишине крикнул Дэниел, и показалось, что зрители оцепенели от неожиданности.

— Я здесь, мой мальчик! — отозвался старый пират, и Дэниел развернулся к нему.

— Пусть войдут! Я в форме!

— Твоё желание, мой мальчик! — усмехнулся старый Логан. — Что-нибудь ещё?

— Да, Логан! Прекрати обнимать мою девушку!

Мгновения тишины — и зал взорвался хохотом, воплями: «Большой Дэн!» и рукоплесканиями. Старый пират, тоже смеясь, снял руку с плеча Луис, а та, раскрасневшаяся, послала Дэниелу воздушный поцелуй.

Двое вышедших оказались бойцами посерьёзней предыдущих. Но если хозяева клуба понадеялись на измотанность главного бойца вечера, то не учли, что Дэниел и впрямь был в хорошей форме. Зато психологический выверт со странными вооружёнными людьми, некоторое время не пускавшими на арену никого, здорово повлиял на этих бойцов.

Хотя оба оказались на высоте. Но, кажется, и Дэниел был в том поднимающем настроении, когда дрался не столько от души, сколько по наитию. Пропустил он единственный удар, содравший ему кожу на скуле. Как ни странно, Луис спокойно перенесла его небольшую травму. Помог Рольф, который, не выдержав, застонал от

сочувствия, завидев, как Дэниел сразу после удара скривился от боли. Девушке пришлось утешать Рольфа, что в запале боя Дэниел почти и не заметил этого удара, и мальчик вцепился в её руку.

Когда упал один боец, а Дэниел уселся на второго, поверженного секундами позже, — и весь зал затаил дыхание, пока он выворачивал руку упавшему, Логан громко спросил:

— Дэниел, мальчик мой! Хочешь этот клуб в подарок, за то что старика потешил?

Боец, на котором сидел Дэниел, будто прислушался, застыв, а затем слабо постучал ладонью по бетону арены. Дэниел встал с него и отряхнулся.

— Чтобы этот дряхлый сарай отремонтировать, всего клубного фонда не хватит. Разорюсь ещё. Логан, лучше я подарю тебе этот бой!

Луис теперь тоже затаила дыхание: вот что имел в виду Дэниел, когда говорил, что «... старик наверняка устроит какое-нибудь шоу». Шоу устроено. Теперь хозяева бойцовского клуба осведомлены, что за спиной Дэниела стоят такие силы, которые им не снились даже в самом страшном сне. И это конец всем их планам на него, как на единственного бойца, который может драться против нескольких противников.

— Рационально мыслишь, мой мальчик! — одобрительно сказал старый пират. — Спасибо тебе за столь шикарный подарок! Я принимаю его!

— Рад, что смог угодить! — слегка склонился Дэниел. И спокойно ушёл.

И Луис, зная теперь, что там его встретят не только бойцы, которые дожидаются своего выхода, но и наёмники старого Логана, встряхнула пальцы Рольфа.

— Ну что? Как себя чувствуешь?

— Мне это не нравится, — вздохнул Рольф.

— Потерпи, сейчас выйдем на воздух — сказал старый Логан, весь светящийся от удовольствия. — Успокойсь сразу. Здесь спёртый воздух, потому тебе и не нравится. Видел бы ты кулачные бои прошлого — ах, красота! Только вот редко встретишь такие клубы! Уходят они. Всё бы клубным владельцам какие-нибудь бои без правил. А ведь и красоты хочется...

— Логан! — укоризненно воззвала к нему Луис, прерывая стариковскую болтовню на полуслове и кивая на побледневшего мальчика.

Телохранители спокойно вывели подопечных к клубной стоянке. Луис, оглянувшись, хотела было спросить старого Логана, не подойдёт ли он сам к владельцам клуба, чтобы поговорить с ними. Но отказалась от этой мысли. Если старый пират считает, что он сделал всё, что мог, значит, и просить не о чем.

Через некоторое время в дверях клуба появился Дэниел. На скуле белел пластырь. Когда Дэниел подошёл к машине, в которую уже уселся старый пират, Рольф качнулся к нему — кажется, хотел предложить помощь. Но Дэниел улыбнулся ему и сказал, что всё нормально. Они все сели в машину. Теперь уже Луис захотела понять, почему Дэниел отказался от целительской помощи мальчика. Подсказало верхнее зеркальце машины. Луис заглянула в него нечаянно и уловила момент, когда старый Логан взглянул назад. На Дэниела. Губы его сморщились в усмешке. Довольной.

И Луис поняла, что Дэниел некоторое время будет ходить с пластырем, напоминая старику о необычном подарке.

Затем договорились, что Луис завезут в бар, где она закончит свои выступления. Затем старый Логан принялся рассказывать о своих впечатлениях от бойцовского клуба и от того представления, которое волей-неволей устроил Дэниел.

Луис сидела тихонько, потому что можно было прислониться к плечу обнимавшего её Дэниела и наслаждаться редкими минутами покоя. Прести словно понял её состояние и перебрался к Рольфу. Тот, обрадованный, принялся гладить зверушку, на глазах успокаиваясь. Так что ещё неизвестно, кто чьё состояние понял, — подумалось Луис.

А потом на ум пришло то, что однажды сказал Рольф. Точней — не он, а его учитель со странным прозвищем Скальный Ключ. Он сказал что-то вроде: если в жизни человека события идут волной и в одном направлении, даже самый тупой должен понять, что происходит. Неужели то, что сейчас происходит, можно назвать дорогой к счастью? Она, Луис, любима. Она любима и Дэниелом, и собственной небольшой, но отзывчивой публикой. Кажется, она как «почти внучка» понравилась и старому пирату. Сегодня она поговорила с мамой. Скоро будет обещанная Дэниелом и старым пиратом свадьба. А потом у них с Дэниелом родится ребёнок!

Какая же она счастливая!

... У счастья дурацкая привычка, если перефразировать высказывание Скального Ключа: если оно начинает идти, то идёт не просто волной, но лавиной.

В бар Луис, в сопровождении Дэниела, приехала вовремя, о чём и хотела сообщить Санни, да только в личном кабинетике его не оказалось. Тогда Дэниел просто проводил её до гримёрки, где, как выяснилось, творилось нечто.

— Девочки, вы что? — с порога изумилась Луис при взгляде на лихорадочное мельтешение блестящих дам, которых оказалось слишком много даже для длинной, обычно полупустой гримёрки. — Что-то случилось?

— Народу сегодня! — лениво отозвалась из своего угла Юджина, красившая перед зеркалом губы. — Не протолкнёшься! Санни нас повызывал, кого смог, чтобы программу забаллотировать. Надеется, что и в будущем столько ходить будут. О, Дэниел! Иди сюда, я тебе что покажу! У меня в «журнальчике» такое творится — красотища!

Взглянув с едва удерживаемой улыбкой на полуголых, правда ничего и никого не стесняющихся девиц, Дэниел объяснил, что дома гости, которых он надолго оставлять не может, так что приносит свои извинения, но просто обязан уйти. Вот только подождёт Луис, пока она отпоёт в ближайшем выступлении.

— Ладно! — благодушно сказала Юджина, легко перекрикивая товарок. — Как-нибудь в следующий раз. А то сюда и правда не долезешь. Луисита, тебе через десять минут выходить — помнишь? Кстати, как ты пройдёшь сюда?

— А по столам! — крикнула одна из девочек. — Луисита, залезай!

Под задорный хохот обитательниц гримёрки невольно остановившийся у двери Дэниел мог с тревогой только наблюдать, как Луис помогли (он чуть не кинулся поддержать, когда она встала на табурет) взобраться на первый трельяж у двери.

— Дэн, иди-иди! — скомандовала Юджина. — Нам тут всем некогда!

— Луис, я подожду тебя в баре!

— Он боится, как мы её не съели! — хихикнул кто-то.

Затем на голову Дэниела посыпались совсем уж смелые и даже нецензурные насмешки. Вовремя сообразив, что дамочек не остановишь — вот-вот дойдут до пошлости, а потом им самим же будет неудобно в глаза смотреть, Дэниел предпочёл сбежать.

А Луис, сама смеющаяся, поддавшись обаянию веселья, бушующего в гримёрке, осторожно шла по столам трельяжа, с которых девочки, хохочущие и поддерживающие её поднятыми к ней руками, ещё и быстро успевали сметать всю свою косметику. Свесившись и недовольно что-то бормоча, Прести негодуяюще смотрел на это безобразие.

И таким образом Луис дошла до своего стола, где Юджина, зная о положении подруги, помогла осторожно сойти сначала на подставленный стул, а затем и на пол.

— Девы, — задумчиво сказала она развеселившимся девочкам, — а ведь Дэниел всерьёз сказал, что будет ждать нашу Луиситу в баре. Луис, как насчёт переодеться? А то ходишь постоянно Бог знает в чём. Шапокляк какой-то.

— Откуда ты только слова такие знаешь, — поддела подругу Луис и только попыталась взять гитару, как от двери кто-то из девочек сказал:

— Хм... Луис. Тряпки-то твои ещё с прошлого раза здесь лежат. Ты же сама сказала: наденешь, когда Дэниел будет в зале. А ведь он сейчас в зал и пойдёт. Юджина?

— Гитары не дам! — заявила Юджина. — Переодевайся. Шрама у тебя теперь нет. Все знают, что Дэниел за тебя кому хочешь башку оторвёт. Никто не тронет, если в платье

будешь! Никто из дураков клеиться не будет. Чего ещё надо? Переодевайся!!

Остальные поддержали, несмотря на нехватку времени для личного переодевания.

Хор девочек оказался настолько убедительным, что Луис поневоле согласилась, хоть время и поджимало. Тем более что оказалась в западне: к двери-то просто так не выйдешь. А когда переделалась, девочки замолчали. В длинном платье-рубашке она оказалось, на удивление, очень женственной. Покрутившись у зеркала, Луис даже удивилась. А ещё подвязала пояс — чуть выше талии. Кажется, неплохо?..

— Хм... А тебе красное идёт, — задумчиво констатировала Юджина.

А Луис сразу вспомнила, что на дне рождения Дэниела она как раз была в красном. И ему, кажется, это тогда понравилось.

— Садись к зеркалу, — скомандовала Юджина. — Счас мы из тебя такое сделаем...

Луис про себя вздохнула: туалет недалеко, куда добежать и смыть «такое сделаем» будет нетрудно. Так что легче покориться.

Тёмные волосы оставили распущенными, только расчесали хорошенько. Потом быстро, в несколько рук, наложили косметику. Луис взглянула в зеркало, хмыкнула. Глаза чуть увеличены. Рот более выразительный. Ладно, хоть не перестарались. Она-то косметикой из-за царапины не пользовалась и дальше пользоваться не собиралась, но для сцены, кажется, будет неплохо. И засмеялась. Вот удивятся посетители, привыкшие к её чарличаплинскому мешковатому костюмчику!..

Прести фыркнул на зеркало с её отражением, и девушка положила его на любимое им место — на шею. Ну вот, теперь никакой горжетки не надо, чтобы подчеркнуть стильность платья-рубашки.

— Всё, девочки, спасибо большое! Мне нравится! Я побежала!

— Беги, зайка, беги! — самодовольно сказала Юджина, любуясь на своё «творение».

И снова Луис пришлось забраться на столы трельяжей и, дотрагиваясь до пальчиков хохочущих девочек, бежать до двери. А там её уже ждал обрадованный, что она пришла вовремя, Санни. Он даже в своём взерошенном состоянии сумел сказать пару комплиментов по поводу надетого, наконец, ею платья.

Пока она шла с ним по коридору, с изумлением прислушивалась к нарастающему гулу, Санни самодовольно сказал:

— Пришлось двух временных официанток принять. Народу подвалило!..

Луис невольно подумала, что Юджина здорово придумала с платьем и с косметикой. В любом случае она теперь себя вооружённой чувствует. И уверенной.

Выйдя в основной зал и пробираясь под одобрительный и подбадривающий гул посетителей: увидели её в платье! — к своему привычному местечку на краю сцены, Луис удивлённо всматривалась в посетителей. Ничего себе — аншлаг... Хорошо, что платье чуть свободное и слегка прикрывает наметившийся животик. Подойдёт, будто располнела. Скользнула взглядом: Дэниел, где ты? Наткнулась на ответную улыбку: здесь и очень рад, что ты сегодня такая! Засияла. Как хорошо, когда есть для кого петь — лично!

Не сразу заметила, что при её появлении наступила тишина. Нет, завсегдатаи негромко переговаривались, но незнакомые посетители как-то, показалось, разом затихли. Да, их много, как и говорил Санни. Очень молодые и не совсем подходящие для этого района Кэссии. Станные — особенно в этом баре.

Присела на край сцены, аккорд. Тихая улыбка. Новая песня.

— Я околдую тебя своими песнями. Я околдую тебя своими просьбами. И буду петь

тебе, когда попросишь ты. И ждать всегда тебя, когда уходишь ты. Ты без меня — падающей звездой... Я без тебя — скошенную травой. Мы друг для друга — странная судьба. Мы друг для друга — жизнь и ворожба.

Последний аккорд приглушила. Тишина — и привычные аплодисменты привычных посетителей. А незнакомые сидят неподвижно, молчат и странно вглядываются в неё. Ничего не понимая, Луис взглянула на Дэниела — успокоиться. Удивлённо подняла брови: он протискивается к ней между кучно расставленными столиками. Зачем?

Она было хотела продолжить выступление следующей песней, как вдруг от ближайшего столика поднялась девушка и нерешительно, как будто чего-то побаиваясь, подошла к ней. Охрана недалеко, да и это — всего лишь девушка. Совсем молоденькая. Есть ли ей шестнадцать? Как она-то попала в этот бар? Молоденькая... Только почему напрягся Дэниел?.. Может, оттого что странная немного — под Тайру. Или это кажется — под Тайру, оттого что у незнакомки длинные белокурые волосы (правда, у Тайры цвет волос свой), сильно подвитые? И одета так, как любила ходить Тайра, — в брючный кожаный костюм чёрного цвета.

Внезапно Луис вскинула брови. Как она раньше не заметила? Среди незнакомых посетителей много именно молодёжи, и большинство девушек в привычных прикидах Тайры! Да и перекрашенных в блонди под Тайру много...

В баре удивлённо притихли завсегдатаи. Санни, стоявший тут же, встревоженно оглянулся на входную дверь — наверное, посмотреть, далеко ли охрана... В насторожённой тишине вопрос девушки к Луис был отчётливо услышан всеми.

— Вы кто? — выдохнула девушка.

— Имита Тайры, — снова с лёгким удивлением, но без особого беспокойства ответила

Луис: бояться нечего — Дэниел рядом!

— Но вы...

Ощущение, что девушка совершенно растерялась и оглянулась — за помощью? К ней поспешил незнакомый же парень, длинноволосый, совсем юный, худенький, в руках — тонкий металлический чемоданчик. И Луис снова взглянула на Дэниела. Тот остановился. Лицо вроде бесстрастное, но почему в нём какая-то странная усмешка и даже торжество? Кажется, он понимает, что происходит?

— Мы приехали, когда узнали, где поёт имита Тайры! — снова выпалила девушка.

— И что? — спросила недоумевающая Луис.

— Как вас зовут? — спросил у Луис парень, когда беловолосая девушка окончательно растерялась и замолчала от неловкости.

В баре воцарилось полное безмолвие. Посетители, и даже Санни, с любопытством вслушивались в странный диалог.

— Луис.

— Луис, мы фан-клуб Тайры. Мы узнали о вас, когда нам рассказали о ваших вилео-записях в сетевом «журнале» вашей подруги — Юджины.

Дэниел опустил глаза, но улыбнулся. Ничего не понимающая Луис пожала плечами и спросила:

— Ну, пусть фан-клуб. В Содружестве много имита Тайры. Зачем вам я?

Парень огляделся, но вокруг, кроме заинтересованных лиц, ничего враждебного не уловил. Тогда он поднял чемоданчик, который до сих пор держал опущенным.

— Короче, не буду вдаваться в подробности... Эта штука определяет голоса. У вас голос

Тайры!

— Ну да, — подтвердила всё ещё не понимающая Луис, — иначе бы я не была бы её имита. — Снова подняла вопрошающие глаза на откровенно довольного Дэниела — и вдруг поняла! Поняла, почему он подарил Юджине новенький вирт с камерой! Почему помог ей сделать свой сетевой «журнал»!

— Последняя песня Тайры... — залепетала беловолосая девушка. — Тайра была беременна. Мы сейчас записали вашу песню, и вы... Вы... Почему у вас голос Тайры?!

Дэниел наконец пробрался к ним и сел на край сцены, рядом с Луис. Та прижалась к нему, хотя опасности не ощущалось. И он насмешливо сказал:

— Интересно, а почему никому из фанатов Тайры не пришло в голову хоть раз проверить её голос из её интервью или с записей, когда она встречалась со своими поклонниками? Проверить на подлинность, сличив с голосом, которым она поёт?

— Но ведь это... Тайра, — неуверенно сказал парень.

— Мы как-то не думали... — почти испуганно сказала девушка. — Но почему вы говорите так? Это ведь только совпадение?

— Не бывает стопроцентно совпадающих голосов, — мрачно сказал парень и нервно потёр лоб. — Этот прибор очень точный. Все колебания совпадают. Я даже могу сказать, сколько дней прошло с момента, когда мы узнали о беременности. А если медицинские данные эти подтвердят...

— То есть... — Девушка запнулась и пытливо заглянула в глаза Луис. — Всё это время вы пели вместо Тайры?!

— У вас есть прибор, — напряжённо сказала Луис. — А я скована обещанием...

В помещении бара, когда поняли, кто эти молодые люди и чего они добиваются от любимой певицы-имита, замолкли все. В этой странной, неловкой тишине Луис обернулась к Дэниелу — тот улыбнулся. И она спокойно сказала:

— Да, все эти годы я пела вместо Тайры. Это вы хотите услышать?

Молодые люди, заполонившие бар Санни, медленно вставали со своих мест и подходили к сцене. Дэниел продолжал спокойно сидеть рядом, и Луис не боялась.

— Но почему? — упавшим голосом спросила девушка. — Почему вы это сделали?

— Долгая история, — сказала Луис, чувствуя тёплую руку Дэниела, которой он прижимал её к себе. — Меня поймали на подписании непрочитанного контракта. У Тары была внешность. У меня — голос. И мои песни.

Эти растерянные парни и девушки... Луис их стало даже жаль. Они всматривались в неё пытливо и внимательно. И, если бы не Дэниел, крепко державший её, она бы сбежала. Но сейчас, когда Дэниел обнимал её, когда девочки из гримёрки постарались сделать её — в своём понимании — красивой, и ей не приходилось больше бояться своей внешности, ситуация наполняла её уверенностью... Ей показалось, что они смотрят на неё с осуждением: после призрака прекрасной девушки — принцессы Тайры — она им казалась слишком простой и приземлённой. И тогда она добавила:

— Не беспокойтесь. На лавры Тайры претендовать не собираюсь. Вы же видите, что я продолжаю петь в небольшом баре. У меня нет амбиций. Поэтому я вас даже попрошу: пожалуйста, не надо распространять слухов обо мне. Я не хочу этого. Юджина уберёт страничку из Сети, или уберёт все те видео со мной, которые успела заснять. Никто не узнает ничего. Всё останется по-прежнему.

— А мы? — задумчиво сказал парень, взявший на себя смелость говорить с Луис от

лица фан-клуба. — Мы... мы чувствуем себя обманутыми, хотя оно так и есть... И потом. У нас теперь есть несколько ваших песен, о которых никто не знает. Записали здесь, в баре. Я уже понял, что эти песни сочиняете тоже вы. Они построены по определённому принципу — то есть в одном стиле. Как быть всем тем, кто любил Тайру и её песни?

— Не знаю, — сказала Луис. — Но я не собираюсь выходить на сцену. У меня впереди домашние хлопоты (она взглянула на Дэниела и улыбнулась ему) и ребёнок. Заниматься карьерой в любом случае не получится.

— Но ведь вы не собираетесь совсем забросить музыку? — с надеждой спросила девушка. — Вы ведь продолжаете сочинять песни! У вас такой голос! Такие песни!

Вот теперь Луис тоже растерялась. Она снова оглянулась за поддержкой к Дэниелу.

— Я повторю то, что уже сказала: музыку я не брошу, буду петь, но на сцену не собираюсь.

— Это из-за того, что вам запретили? — спросил парнишка с чемоданчиком.

— Нет. Не только из-за этого. Мне нравится петь для небольшого круга слушателей, и я не собираюсь выходить на содружественный уровень. И... Я только недавно обрела независимость. Мне хочется оглядеться и понять, чего именно я хочу.

— Подождите! — вдруг с безмерным удивлением в голосе сказал в голосе сказал парнишка с чемоданчиком, уставившись на Дэниела. — Я вас знаю! Это вы! Я видел тот скандальный ролик в Сети! Это вы избили Горана и сломали ему руку! Мы ещё потом в своём клубе обсуждали этот ролик и не могли понять, почему вы накинулись на него, и так переживали за Тайру!

— Точно! — удивилась беловолосая девушка. — Что вам такого сделал Горан, что вы избили его?! Почему вы это сделали? Подождите! Луис, вы ведь тоже там были!

Молодёжь взволнованно загудела, и Луис впервые увидела, как Дэниел неожиданно смутился и только вздохнул. Кажется, надо выручать его. Иначе в глазах фан-клуба Тайры Горан станет мучеником — хороший способ вызвать к нему не только сочувствие, но и вознести на вершины, на которых он и так выглядел прекрасным принцем, несправедливо обиженным... Луис подняла руку, как недавно Дэниел, призывая к тишине. Когда фан-клуб возрился на неё, она сказала:

— Подписав контракт, я стала бесправной. Мне даже не платили. Приносили еду в комнату. Покупали одежду, когда моя становилась изношенной. Горан знал об этом. Когда его сделали женихом Тайры (парнишка и беловолосая девушка переглянулись: сделали? — розовые очки спадали с глаз слишком быстро и жёстко), он начал помогать меня. Когда я ответила отказом, он ударил меня. Разбил мне лицо. Дэниел узнал об этом. Вот и вся история.

Лица молодых людей менялись: понимание, жалость к ней, к Луис, уважение при взгляде на Дэниела. Кажется, образ прекрасного принца Горана скоро окончательно померкнет в их глазах. Зато появился новый — рыцаря в белых одеждах, готового ради своей прекрасной дамы схватиться с её обидчиком.

Дэниел тоже пришёл в себя после первых секунд неловкой ситуации.

— Ребята, а как вы оказались здесь? Вы ведь все примерно в старших классах учитесь, если не в университете на первых курсах.

— Мы договорились сложиться силами клуба и приехать сюда. Все, конечно, поехать не могли — мы с разных планет, но деньги собирали — кто сколько смог дать, — объяснила беловолосая девушка.

— То есть вы ещё и не зарегистрировались в отеле? Средства на отель и еду есть?

Молодёжь повесила бедовые головы. Луис вообще заподозрила: наверняка некоторые из них даже не предупредили родителей, что уезжают из дома.

— Эрик, у меня чрезвычайная ситуация, — сказал Дэниел, включив вирт. — Двадцать два человека детишек, которых надо устроить на ночь, накормить, а завтра отправить по домам. Да, фан-клуб Тайры. И ещё. Они здесь, в баре Санни. У меня есть возможность их устроить? Нам ведь скандалов с родителями не нужны? Хорошо. Действую. — И Дэниел обратился к молодым людям: — У Луис ещё две-три песни. Вы их послушаете, а потом сюда приедут люди, которые доvezут вас до отеля и помогут зарегистрироваться. А завтра мы сами вас развезём по вашим планетам. Пожалуйста, будьте благоразумны и не сбегайте кто куда. Договорились?

После разговора с Эриком Дэниел кивнул фанам Тайры и вышел, снова взявшись за вирт. Луис снова положила на колени гитару, снова взяла мягкий аккорд. Фанаты Тайры молча вернулись на свои места. А посетители бара с новым вниманием принялись слушать ту, чей голос оказался настоящим, а не имитацией.

... В коридоре, после того как молодых людей и в самом деле после её выступления увезли устраивать в отели (многим из них и в самом деле оказалось далеко до совершеннолетия, и сами они не имели права зарегистрироваться), Луис спросила:

— Почему ты это сделал?

— Что? — усмехнулся Дэниел.

— Я же поняла. Не притворяйся. Почему ты решил, что фанаты Тайры должны меня найти и узнать, что не она пела всё это время?

— Справедливость должна восторжествовать, — насмешливо сказал он.

— Ну уж о справедливости ты наверняка думал в последнюю очередь. Так зачем?

— Рано или поздно всё это выяснилось бы. Я подумал, почему бы не подтолкнуть события. Ну и подтолкнул.

— Но зачем?

— Это нужно тебе. Не думаю, что тебе бы век хотелось петь для посетителей Санни. Ты и твои песни — это слишком выходит за рамки его заведения.

— Но...

— Луис, послушай. Скоро у нас будет ребёнок. Года три на сцене тебя не увидят. Но. Музыкой заниматься, даже воспитывая ребёнка, ты не бросишь, насколько я тебя успел узнать. И эти три года — достаточный срок, чтобы хорошенько обдумать, чего же ты хочешь на самом деле. Фан-клуб — это всего лишь средство свободно, не нарушая договорённости с концерном, рассказать всему свету об истинном положении дел. И возможность подтолкнуть тебя саму.

— То есть ты обошёл договорённость с концерном? — медленно, раздумывая, спросила Луис.

Дэниел хмыкнул.

— Если бы я! Это придумал Эрик.

— Но ему-то зачем?

— Он аналитик. Я ему нужен. Поэтому он делает один ход — и сразу съедает несколько пешек. Ты уже не сможешь жить на Кэссии. Слишком известная личность. Пусть даже и только что вышедшая из тени великой Тайры. Отсюда логично проистекает следующее: ты должна быть в таком месте, где до тебя не дотянется ни один дотошный журналист. Это

первое. Второе. Поскольку Эрику нужен я, он сделал это, чтобы я вернулся к нему. Он мне давно предлагает возглавить один из отделов его аналитической фирмы. Прежде чем ты будешь возмущаться, скажу: работа на Эрика — это наш собственный дом, а не снятый на время. Подумай, Луис: хотелось бы тебе, чтобы наш малыш родился в нашем собственном доме? — Он вдруг улыбнулся. — И хотелось бы тебе, чтобы Прести свободно летал в нашем собственном саду?

— Искуситель, — пробормотала Луис и прижалась к нему, с благодарностью чувствуя его сильные руки, обнимающие её. — Интересно получается. Эрику нужен ты. Поэтому он заставляет действовать меня.

— Но ведь его логика безупречна.

— Согласна. Значит ли это, что сегодняшняя ночь — моя последняя ночь в баре Санни? — задумчиво проговорила девушка.

— Да. Тебе придётся проститься с Юджиной и другими своими подругами.

— Бедный Санни... Он так радовался, когда я вернулась.

— Переживёт. Иди, собирай свои вещи. Я подожду тебя у выхода.

— Не пойдёшь со мной?

— Чтобы попасть в обрѣванное бабье царство? — насмешливо поморщился Дэниел. — Нет уж. Поревите там без меня.

И они, Юджина, Луис и девочки, поревели. Надавали друг другу клятв, что когда-нибудь они встретятся и снова промчатся на машинах по ночному городу, по его небезопасным галереям. И каждая знала, что этого не будет. И было странно, что приходится так быстро и внезапно расставаться. И чувствовалась неизбежность. И только Юджина сказала то, что утешило их всех:

— Луисита, ты, главное, совсем не пропадай. Будем смотреть на тебя, когда ты будешь появляться на вирт-экранах, и радоваться, что ты была и в нашей жизни. Эх, подруга...

Маленькая сказка-эпилог

Это потом только Дэниел объяснил, что полетела какая-то система, и, как он ни старался, причины сбоя найти не смог, поэтому и перешёл на ручное управление судном. В общем, как бы там ни было, но космошлюп с тремя пассажирами мощно пропахал носом прибрежный песок. Чуть только сели, перепуганный Дэниел схватил Луис в охапку и попытался выйти через люк кабины, хотя обозлённая Рита, негромко ругаясь сквозь зубы, тащила его к выходу через грузовой отсек. Нынешняя форма тела Луис просто не позволяла Дэниелу вместе с нею пройти в обычный люк — и только это заставило мужчину прислушаться наконец к разумным словам подруги и помощницы жены, не потерявшей в отличие от него в экстремальный момент спокойствия. Он осторожно вынес жену из космошлюпа через грузовой отсек, открытый наконец Ритой.

Тёплые воздушные волны мягко обвеяли слегка вспотевшее лицо Луис. Хоть виновница переполоха и была спокойна, как танк, но и она с удовольствием вдохнула пряную свежесть близкого океана.

За две недели до срока, вычисленного лучшими врачами, Луис начала видеть странные сны. Сначала она видела Рольфа, стоящего на берегу бесконечного океана. Видела выбеленно-жёлтый песок, сочную зелень деревьев, прозрачный ультрамарин воды и высокую бирюзу неба.

И начала тосковать по этим краскам.

Потом она начала различать, что рядом с фигуркой мальчика мелькает нечто золотистое, похожее на размытое пламя.

За неделю до родов она не выдержала и позвонила Рольфу.

Тот жил на вилле своей «старшей сестры». На отдалённой планете Островное Ожерелье. Едва увидев его, а за его плечом океан и тёплый песок, Луис поняла: она хочет туда сейчас и немедленно.

Уговорить Дэниела казалось делом трудным. Это Луис понимала и сама: мало того что он всё ещё вникал в дела аналитической фирмы Эрика, ему ещё и неудобно было брать маленький отпуск в начале деятельности. Так что, сообразив все эти обстоятельства, Луис сжала зубы и ни слова не сказала Дэниелу. Когда мужа дома не было, она связалась с Эриком и сказала, что муж лично ей срочно нужен на несколько дней, пока она будет рожать. А рожать она собирается на Островном Ожерелье. Эрик согласился, что фанаберию беременной женщины надо обязательно выполнять, и легко отпустил нового сотрудника в необходимый для его жены краткосрочный отпуск.

До момента, когда Луис занялась своими личными делами, она успела выпустить два альбома, которые произвели настоящий фурор в мире музыки. А поскольку фирмой Эрика к выпуску первого альбома была подготовлена биография певицы с истинными фактами из её жизни, то песни Луис в рейтинге предпочтений далеко отошли от песен претендентов на вершину музыкального Олимпа.

Рита в её жизни появилась, как только Дэниел приобрёл собственный дом и стало понятно, что Луис пока домашними делами заниматься не может, сосредоточенная на собственном состоянии. Прикинув, на кого она может положиться, лучшего человека, чем Рита, Луис вспомнить не смогла. На предложение приехать Рита согласилась сразу. И с момента её появления в доме обе не пожалели о своих решениях.

... Стараясь дышать мелко и часто, как напоминала Рита, бегущая рядом с Дэниелом, Луис чуть свесилась с надёжных рук мужа и увидела...

Навстречу ей бежал мальчик. Он бежал в каком-то странном облаке, которое то появлялось вокруг него, то исчезало. Луис услышала, как резко выдохнула Рита.

— Что случилось? — немедленно обеспокоился Дэниел.

— Всё... нормально! — откликнулась вместо Риты Луис.

Дракончик, до сих пор сидевший на ней, вспорхнул и полетел навстречу Рольфу. В стаю дракончиков вокруг мальчика он влетел мгновенно — и Луис больше не смогла различить, где дракончики Рольфа, а где — Прести.

А потом она увидела, как позади бегущего мальчика взвилось пламя.

Это увидел и Дэниел. Несмотря на то что его специально предупредили о подобном, он всё-таки невольно приостановился, когда понял, что Рольфа обгоняет человек в огненно-солнечных одеждах. Что человек этот довольно старый, но на бегучий полёт по песку его возраст совершенно не влияет.

И тут началось. Прямо на руках мужа Луис изогнулась от судороги, пронзившей всё тело. Услышав её стон, Дэниел от ужаса остановился. Шаман внезапно очутился рядом и скомандовал:

— Опускай её на песок!

Дэниел зарычал было, но уже добравший до них Рольф бросил на песок какое-то покрывало. Скальный Ключ заглянул в глаза Дэниела и велел:

— Иди! Рольф проводит тебя!

И Луис впервые увидела, как муж беспрекословно повиновался: положил её на покрывало и пошёл вместе с Рольфом к вилле. Он, впрочем, может, и не пошёл бы, не взгляни он на дракончиков, чья стая дружно уселась вокруг его жены. Рядом с Луис же остались ещё и Рита с Прести.

Шаман склонился над Луис и улыбнулся ей. И женщина улыбнулась ему в ответ...

... На виллу она пришла с ребёнком на руках — с девочкой. И опять её сопровождали озадаченная Рита и абсолютно счастливый Прести, который постоянно свешивался с плеча хозяйки, чтобы посмотреть на свёрточек на её руках.

Пробыли они здесь, в доме, до вечера. А потом простились с гостеприимным домом и с планетой — и улетели.

... Мальчик сидел на песке и смотрел в даль океана. Вечерело, и вода играла огненными красками, тёплыми и радостными.

Скальный Ключ присел рядом.

— Завтра тебе исполнится шестнадцать.

— Завтра, — сказал Рольф, глядя на дракончиков, которые, подпрыгивая и летая над песком, затеяли играть в догонялки, а кошка сидела рядом и снисходительно смотрела на суетливых зверьков, которых когда-то выкормила. — Скальный Ключ, а ты уверен?

— Уверен... Если б всё было не так, эта женщина не вспомнила тебя перед родами и не захотела бы прилететь сюда.

— Она такая маленькая...

— Ничего... Тебе ещё предстоит повоевать с нею.

— Но почему — она?

— Раньше говорили: неисповедимы пути Господни. И это единственное, что я могу сказать и сейчас. Всё остальное могу только предположить. Свою невесту ты увидишь лишь

через шестнадцать лет. И узнаешь её. А она тебя. И тогда будет ещё одна сказка о мужчине и женщине. А пока живи и ни о чём не думай.

Они смотрели на океан, не глядя друг на друга, и вечер тихо спускался на волны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Авт. слова на музыку к песне Энии «Amarantine».